

eISSN 2592-916X
ISSN 2592-9232

ПАЛАДИУМ PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 8 (2023/4)

«РУССКИЙ МИР»: ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ



freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПАЛЛАДИОН
#8 (2023/4)

«Русский мир»:
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Journal





Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfofoundation.org

Palladium • Палладиум • Паллайдиоу

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

#8 (2023/4) «Русский мир: история болезни»

DOI: 10.55167/1BAFAD23BFC6

Редколлегия: Елена Лукьянова, Константин Павлов-Пинус

Рисунок на обложке Марина Садомская

Ответственный за выпуск Владимир Харитонов

Свободный Университет
freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета
freeuniversity.pubpub.org

В издательстве Свободного Университета вышли в свет книги:

- Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»
 - Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)
- Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»
 - Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»
 - Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»
 - А также СЕМЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:
 - #1 «Город как текст» #2 «Современные угрозы свободе» #3 «Социология войны»
 - #4 «Ролан Барт и культура демократического общества»
 - #5 «Мир и война. Двойная оптика» #6 «Государство и война» #7 «Наука и культура в эпоху катастрофы»

Содержание

Русский мир: история болезни

- 10 АНАТОЛИЙ АХУТИН Дьяволектика «Русского мира»
15 Интервью с Анатолием Ахутиным
37 ВЕСА ОЙТТИНЕН Путинизм как универсальная идеология?
45 Михаил Эпштейн Русский антимир
64 Михаил Савва Z-идеология: «русский мир» в период военной агрессии
78 ГАСАН ГУСЕЙНОВ Русский мир — от зарождения до обнуления
95 Вадим ДЕРГАЧЁВ «Русский мир» и Великая степь
100 Константин Пахалюк О «мягкой силе» России, институтах и ориентирах
128 СЕРГЕЙ ЧАПНИН Русское Православие на пути оправдания насилия
148 ANDREI DESNITSKY The “Russian World”: The Birth of a Mythologeme

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

- 168 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Хроники Свободного университета. Часть 7
179 Любовь Борусяк Несогласные россияне: что они чувствуют через полтора года после начала СВО
187 ЕКАТЕРИНА МИШИНА Российская Конституция 1993 г.: изъяны изначального дизайна, поправки и конституционная контрреформа 2020 г.
204 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА, ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ, ЕКАТЕРИНА МИШИНА, АННА ЛУКИНА, НАТАЛИЯ ИЛИНА, АННА КОВАЛОВА Building a Free University in the Post-Soviet Space: Challenges and Opportunities: Theses for Roundtable at ASEEES Annual Convention (2023)

Content

THE RUSSIAN WORLD: ANAMNESIS

- 10 ANATOLY AKHUTIN The diabolectics of the «Russian world»
15 PALLADIUM Interview with Anatoly Ahutin
37 VESA OITTINEN Putinism as a universal ideology?
45 MIKHAIL EPSTEIN Russian anti-world
64 MIKHAIL SAVVA Z-ideology: the «Russian world» in the period
of military aggression
78 GASAN GUSEYNOV The Russian world — from inception to
nullification
95 VADIM DERGACHEV «Russian World» and the Great Steppe
100 KONSTANTIN PAKHALYUK On Russia's «soft power»,
institutions and benchmarks
128 SERGEI CHAPNIN Russian Orthodoxy on the Way to Justify
Violence
148 ANDREI DESNITSKY The “Russian World”: The Birth of a
Mythologeme

UNIVERSITY LIFE

- 168 ELENA LUKYANOVA Free University Chronicles. Part 7
179 LUBOV BORUSIAK Dissenting Russians: how they feel a year and
a half after the start of the SWO
187 EKATERINA MISHINA The 1993 Russian Constitution: flaws in
the original design, amendments and the 2020 constitutional
counter-reform
204 ELENA LUKYANOVA, DMITRY DUBROVSKIY, EKATERINA
MISHINA, ANNA LUKINA, NATALIA ILINA, ANNA KOVALOVA
Building a Free University in the Post-Soviet Space: Challenges
and Opportunities: Theses for Roundtable at ASEEES Annual
Convention (2023)

«Тема „русского мира“ не нова и много раз обсуждалась, в том числе и в недавние времена». Именно так реагировали многие из тех, к кому мы обращались с просьбой дать текст в этот тематический выпуск Палладиума. И правда, тема старая. Для того, чтобы уточнить, насколько она стара, полезно заглянуть в Национальный корпус русского языка. Поиск по корпусу показывает, что первый всплеск употребления словосочетания «русский мир» приходится на 60-е годы XIX века, второй на 80-е, а третий, сопоставимый с двумя первыми по масштабу — уже на годы 2000-е. Автор, лидирующий по частоте употребления этого термина за всё время — Костомаров. Так что это ржавый дедовский доспех, который интеллектуалы 90-х, тех самых — «лихих», попытались примерить на себя и примирить его с дискурсивной модой конца двадцатого столетия, когда националистические восторги были уже скорее признаком маргинальности автора.

Однако, события последнего десятилетия и, уж тем более, последних полутора лет, настоятельно требуют присмотреться к этим словам, которые не только звучат в официальных выступлениях, но и пишутся на флагах, украшающих прифронтовую площадку для выступления «патриотической» певицы перед вооруженными мужчинами. То есть это уже та самая «идея, овладевшая массами». Причем идея в самом своем основании противоречивая, соединяющая партикуляризм национального определения с универсализмом всемирных притязаний. И есть сомнения, что противоречие это того рода, который позволяет в гегельянском духе рассматривать противоречие в качестве источника развития. Вернее сказать, это противоречие способно обеспечить некоторую динамику, но не ту, которая ассоциируется с обыденным употреблением слова «развитие» в смысле усовершенствования и улучшения, но динамику катастрофическую, развитие в смысле течения и распространения болезни.

Это словосочетание, подобно другим политико-теологическим концептам, имеет черты энтилемы, отказывающейся от доказательности ради краткости и убедительности. А убедительность при этом заимствуется от неявно присутствующего в политическом тезисе теологического прототипа. Например, библейского макаризма, при незаметной подмене имени, наделяющего значимостью утверждение о том, что «русские» и есть те, кто «наследуют мир». Перенос значения идёт в направлении, обратном по отношению к описанному Бартом в «Мифологии», но пропагандистско-рекламный эффект при этом оказывается едва ли не более сильным.

Авторам, пишущим по-русски, приходится разбираться с вопросом о мере и форме своей причастности этому самому «русскому миру» и его действиям. В числе механизмов сопряжения обыкновенно полагаются язык, история и религия. Но язык не принадлежит адептам «русского мира», как и вообще какой-либо узкой группе. Уместно ли говорить о языке как различительном признаке, когда плененный «защитник русскоязычных» с трудом понимает русский язык допрашивающего его украинского офицера? И дело при этом может быть не в этнических корнях, но в значительном разнообразии вариантов языка: от литературной нормы до того извода русского языка, который Гасан Гусейнов когда-то назвал «клоачным». История тоже неубедительна в качестве непременного места встречи, поскольку существует во множестве вариантов, многие из которых к тому же являются собой именно то, что Мединский однажды в простоте приписал как имманентное свойство историческому знанию вообще — пропаганду. Ортодоксальность же религиозных построений апологетов концепции «русского мира» вызывает обоснованные сомнения у богословов, некоторые из которых прямо называют эту идеологию «этнофилетической ересью».

Возможно, именно недостаточностью оснований для признания связи со столь неопределенной сущностью объясняются многочисленные недоуменные сокрушения по поводу отказа от русской культуры, чаще называемого калькированным выражением «отмена». Но культура как средство всегда выступала в роли агента, через которого действует власть. Ко-

гда же власть, тем паче чужеродная, чинит насилие, разрушает города и отнимает жизни, любые культурные символы, с такой властью ассоциируемые, во-первых, не могут не вызывать отторжения в психологическом плане, а во-вторых, именно должны рассматриваться как симптомы. А во время эпидемии протоколом прямо предписывается обострённое внимание к возможным симптомам. Так что восклицание «Пушкина-то за что?» демонстрирует как раз то, что Рыклин когда-то удачно назвал «порноангелизмом».

Конструирование идентичности, обозначаемой концептом «русский мир», может быть понято как соединение почти совсем не затратного акта принятия идеи некоего архаического, если не вовсе уже звериного, стайного «мы» — чувственно достоверного для приобщающегося с куда более сложным, собственно человеческим актом именования вновь обретенного единства. Такое структурно простое «мы» склонно рассматривать всякое «не мы» либо как противоестественное разотождествление, вплоть до утверждения, что украинцы суть заблуждающиеся на свой счёт, запутавшиеся «русские», подлежащие вразумлению в том числе и неограниченно насильственному, либо как абсолютно иноприродную сущность (без рассмотрения градаций сходства или вариантов сотрудничества), а потому опять-таки может быть лишь объектом вражды и насилия. Именно из этого мировидения возникает фраза «Мы — в рай, а они просто сдохнут». Государственные деятели и привластные интеллектуалы в РФ годами сетовали на то, что этому государству недостаёт идеологической основы. Но вот же, вызрела и окрепла простейшая идеология, правда не сомасштабная государству как организованной институционализированной форме общественной жизни, но вполне действенная. Русскомирца бесполезно спрашивать «кто такие русские?» или «что такое мир?», в нем многозвучно мычит могучее «мы», отмахивающееся от любых именований как от несущественного. «Всех убьем и всех... ограбим», как ясно и отчётливо выразил одушевлявшее его чувство один из деятелей «русского мира», ныне покойный.

Когда пациент конституируется болезнью, говорить об излечении невозможно. В лучшем случае речь может идти

о сдерживании заболевания в терапевтическом смысле и контроле над заболеванием в смысле эпидемиологическом. Значит, настоятельно необходимо попытаться разобраться в этиологии этой болезни. Одной из таких попыток и призван стать настоящий выпуск «Палладиума».

От редакции

РУССКИЙ МИР:
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Дьяволектика «Русского мира»

Анатолий Ахутин

Призрак бродит по Европе, призрак русского мира.

Я — русский человек. Меня, не спрашивая, включают в некий «русский мир». Почему же я вместо мира вижу перед собой кулак, величиною с чиновничью голову, и слышу громовой голос: «А ведь шинель-то наша!». Намекают даже, что голос сей исходит от «весыма значительных лиц». Более того, моя частная шинелька экспроприируется под знакомый напев с чуть иными словами: «Мы наш, мы русский мир построим!».

1. *Франкенштейны «Русского мира».* То, что слышат под именем «Русский мир» (далее РМ), не констатация и не описание некоего феномена. Ничего такого не существует. РМ — это стратегический проект, идеологическая конструкция. РМ был изобретен российскими интеллектуалами в 90-х годах, когда рассеялся призрак коммунизма и распался СССР. Нужна была идея очередной идеологии, способной дать в руки власти инструмент самоутверждения в глобальном мире и овладеть массами, поселив их в своем — нашем — мире. «Русские» занимают место, опустевшее после исчезновения «пролетариата» и его «коммунистической партии» — место «передового отряда прогрессивного человечества», давно уже укоренившегося в «отечестве победившего пролетариата», то есть в СССР. Оставалось переименовать социальные категории в национальные, освободить национальные от узкой этничности, сочинить исторический эпос, по возможности сакрализовать — и Существо готово. Теперь пусть изобретатели пеняют на себя.

В 1995 г. Глеб Павловский с коллегами пишут своеобразный манифест «русского мира», учреждают Русский университет, интернет-издание «Русский журнал» и еще ряд изданий. В 2000 г. Петр Щедровицкий публикует программную статью «Русский мир и транснациональное русское». С тех пор благонамеренная идея «русского мира» последовательно мостила

дорогу в ад холодных и гибридных войн, грозящих превратиться в горячий Армагеддон.

С помощью Владислава Суркова идея Русского мира была принята российской администрацией. Уже в 2007 году Путин издал указ о создании государственного фонда «Русский мир» и ввел это словосочетание в свою риторику.

За интеллектуальными идеологами глобального русского мира явились духовные силы. Его с удовлетворением принял «Всемирный русский народный собор» и, соответственно, благословил патриарх Кирилл. Очень быстро идеология РМ вернула не столько культурное самосознание, сколько сознание традиционно имперское, обогащенное теперь большевистским проектом мировой революции, сталинистским проектом мировой державы, православным проектом третьего Рима, и путинским проектом интеграции всего, что плохо лежит. После интеграции Крыма идея РМ успешно овладела массами и пошла в бой под руководством А. Бородая, И. Гиркина (Стрелкова) и прочих богатырей «Новороссии»...

2. Генная инженерия. Любопытна все же сама «дьяволектическая» логика превращения идеи РМ на пути из университетов и профессорских кабинетов в кабинеты президентской администрации, на архиерейские соборы и, наконец, в кабины БТР, «Градов», «Буков». Созданный как идеологическое оружие самоутверждения, РМ самоутверждается теперь вполне материальным оружием.

С самого начала в идеологии РМ бросается в глаза знакомое и опасное сочетание социальной инженерии и политической технологии с почвенничеством и традиционализмом. Технологам нужен материал. Вождям нужен миф.

Итак, с одной стороны придворная элита — культур-инженеры и полит-технологи. Они свободно говорят на трех-четырех языках, они хорошо образованы и начитаны, они мыслят не под диктовку домашнего языка, а в изощренном инглише новоевропейского техно-сциентизма, в своих трудах они слова в простоте не скажут, виртуозно владея лексикой и поэтикой постмодернистского дискурса... — иначе говоря, это типичные менеджеры современного космополитического интеллекта.

С другой стороны — вождь и масса, для которых придумываются иррациональные мифы, несущие мистику сверхличного единства.

3. Столпы Русского мира.

3.1. На каком языке говоришь, на таком и мыслишь. Язык мыслит до тебя и за тебя, он формирует твою ментальность, а там и мировоззрение. Русской речью ты уже обречен быть русским, уже принадлежишь племени русских. РМ, определяет П. Щедровицкий, это «сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке». Где бы ты ни был, на каком бы языке ни говорил, чем бы ни занимался, если русский язык родной, РМ тебя уже национализировал, присвоил, ты перестал быть своей частной собственностью — самим собою со своим умом, своей совестью, своей личной ответственностью.

Из этого следует далее: РМ (1) всемирен, он уже распространен, рассеян по всему миру (диаспора, русскоязычные меньшинства); (2) сверхнационален, это не этнос, не кровное родство, не нация... — он «не имеет границ, только горизонт»; (3) стоит расширить эту «лингвистическую метафизику», вспомнить семейство славянских, вспомнить панславянизм, и вот уже русский суперэтнос готов принять в себя множество славянских ручейков-субэтносов; (4) помнится, интеллектуалы первой эмиграции, отвращаясь от Европы, обратили взор на Восток, придумали евразийский миф. «Да, скифы мы, да азиаты мы...» и т. д.

Так что у инженеров идей и политтехнологов народных общностей в запасе еще целая Азия. Но как же, ведь там-то уж нет ни русского, ни славянского? Зато — какие захватывающие перспективы!

3.2. Чтобы общность стала миром, языка мало. Всемирное племя может стать реальным сообществом, мировым субъектом, если имеет общий производственный капитал. Общее хозяйство — финансы, ресурсы, организации — и общую культуру, — все то, что способно воспроизводить и развивать РМ как хозяйствующего и культурного субъекта. Правда, негосударственной общности, рассеянной по миру, пока еще трудно

вести общее хозяйство, поэтому начнем с конца. Прежде всего, нужен образ общего будущего (светлого, конечно). Откуда же его взять?

Тут, увы, инженерия кончается и начинается алхимия. Капитал РМ это (почти цитирую) «совокупность интеллектуальных, культурных и т.д. потенциалов, выражаемых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка». Надежды на обретение и рост «капитала» снова возлагаются на ресурсы языка. «Энергия воли (?) русскоговорящих этносов (?) позволяет актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд образов будущего...». Вот так: капитал извлекается волей из того же языка. Ну, а пока, в ожидании явления воли, способной извлечь из языка не только высокую поэзию, но и тонкую технологию, капитал вырисовывается такой: ресурсы победоносного прошлого, сырье настоящего и потенциал будущего. В таком виде идея РМ становится зри-мой: «сыревая сверхдержава» раннего Путина, украшенная званием «либеральной империи» имени А. Чубайса.

Впрочем, когда произнесено магическое слово «империя», всё либеральное, обычно, начинает наматываться на гусеницы танков.

Третий столп РМ — империя будущего.

3.3. РМ — это потенциальная империя. Язык таит в себе потенциал великорусской культуры, ее излучения издавна просвещают внутренние этносы России и окружающие провинции. Не в замыслах политиков, а в ресурсах общего языка естественно содержится геополитический размах империи — культурной, конечно, и либеральной (ну может, еще и хозяйственной). После распада СССР империю приходится заново собирать. На новом, конечно, базисе и, увы, в борьбе против буржуазного национализма. Поэтому конструкторы РМ вместе с широкими народными массами поддерживают «крымскую весну» и «Донбасс, восставший против агрессивного украинского национализма».

Теперь самое время укрепить базис будущей империи четвертым столпом — сакральностью.

3.4. РМ — это православная империя... Третий Рим... Константинополь должен быть наш, но тссс...

Заключение. Да, «Русский мир» это настоящая идея, идея идеального мира, который и не снился какому-нибудь Платону. Это идея чистого, совершенного тоталитаризма. Мир, присваивающий человека до тла, до интимнейших потемок души, от первого лепета до последнего дыхания духа.

DOI: [10.55167/5546832ab79f](https://doi.org/10.55167/5546832ab79f)

Интервью с Анатолием Ахутиным

Palladium: Анатолий Валерианович, здравствуйте. Спасибо, что согласились обсудить злободневные вопросы на страницах журнала Palladium. Если вы не против, то мы просто предложим вам продолжить поразмышлять вслух о темах, которые связаны и с вашей заметкой, и с ситуацией на самых разных фронтах — от военного до культурного и информационного. В некоторых аспектах положение дел в мире, в умах и душах, меняется так быстро, что нам, выпускающим редакторам этого номера, показалось важным сопроводить традиционно журнальную статью живым разговором с автором. Что собственно происходит? Какова сущность этой войны? Кто с кем или что с чем воюет?.. Как возможна философия после 24-го февраля? Вторая тема: что происходит с россиянами — и в целом, и с теми кто так или иначе идентифицирует себя как принадлежащих к оппозиции? Откуда столько глухоты к происходящему — глухоты, которая и впрямь наводит на мысли о верности идеи cancel Russian culture. Ну, и в-третьих, может быть, вы скажете пару слов о том, как эта война коснулась вас лично.

Анатолий Ахутин: Ну, я ведь написал несколько текстов, которые собрал в книгу, и она была переведена на украинский язык и, на мое счастье, издана. Так что мой как бы результат в качестве вещи уже присутствует в Украине.

Да-да, «Война и интеллект».

Я писал, не имея в виду никаких книг, а просто как фейсбучные посты. И только благодаря моим здешним друзьям, издателям из киевского издательства «Дух і Літера», книга в конце концов получилась. И я очень этому рад. Это касается моей личной ситуации. Вообще же, разумеется, вы правы, надо что-то делать. Например, мы с женой донатим на ВСУ. Жена плетет маскировочные сетки, а я ничего делать не могу. Но если теперь говорить более отвлеченно, то начну с того, что такая, можно сказать, катастрофическая ситуация, случилась с каждым из нас, в жизни каждого. Если мы немножко коснулись того, что

называем философией, коснулись не просто образованием, а своей жизнью, то понимаем, что именно она-то сейчас и требуется, даже круче: это она требует нас. Для начала надо просто-напросто решительно определиться. Война уничтожает все двусмыслицы, софизмы, но также и уютные убежища, расположены ли они в собственном кабинете или в мире идей (что, увы, чаще всего то же самое). Философскую мысль часто называют отвлеченной, но она отвлекает от повседневной жизни так же, как война, туда же: к границе жизни и смерти, себя и не-себя, своих и чужих. Требуется узнать себя и свое: кто ты, где ты и почему ты. И что происходит в мире и с миром, с человеком. И что там с богом или богами: куда смотрят, куда подевались? Ну или — совесть, этос, разум... Нелюди, безумие, дебилиы, преступники против человечности, ложь, фейки, герои, невинные жертвы, правда, факты... Это ведь сейчас едва ли не самые частые слова, то есть — что такое человек, разумность, жертва, истина, достоверность, жестокость, зло? Вот ведь вопросы, жгущие сейчас наше сознание и мысль. Жгущие. А требуется, кажется, хладнокровие, отвлеченность, чтобы их уразуметь и, возможно, нашупать ответ. Но вот где эзистенциальная острота великих философских вопросов: война не дает нашупывать, раздумывать. Вот она, даже в моем отвлеченном от нее уюте, звучит завыванием сирены, и надо решать, продолжить ли узнавать себя в мысли или позаботиться о себе в убежище. То есть что делать? Что следует из того, как мы поймём, что происходит.

Житейски мне это было легче, потому что за меня решала сломанная нога, никуда не пойдешь. Как и все мы, наверное, я был погружен в фейсбуенные споры и, прежде всего, с моими друзьями, в частности, и с нашими общими друзьями. Меня поражало отношение к войне моих друзей и не только фейсбуенных, но и близко знакомых. Поэтому моя книжка в основном результат таких бурных споров, но споров не личных, не просто «ты такой-сякой», а с самим собой — еще недавним.

Поражало меня яростное сопротивление... Чему? Вина, казалось бы, первое чувство, охватывающее россиянина, тем более нашего брата, так называемого интеллигента. Эта со всех сторон лживая, циничная и бесчеловечная война ведется ведь

и от моего имени. Ну, конечно же, понятное дело, казалось мне, первое, что приходит в голову: мы все виноваты в этом, мы все виноваты, мы обанкротились морально и — что еще более стыдно — интеллектуально. Еще в 2014-м году, после Крыма и донбасской Новороссии, мы вроде бы вместе шли бульварами с плакатом «Украина, прости нас!» Мы ходили на митинги, возможно, сидели вместе в автозаках. Для меня лично всё обошлось достаточно легко, но вот вы, Костя уже почувствовали угрозу однажды довольно серьезно. Но нет, первая реакция: я тут ни при чем, я не голосовал, я не участвовал, мое профессиональное дело вообще вне политики, я делаю добрые дела, я теоретик-наблюдатель... Не беру в расчет тех, для кого НАТО, англосаксы, Запад — geopolитические враги и русофобские злоумышленники. А чем дальше, тем там гуще. И уже сейчас можно сесть за решетку из-за постов или даже лайков в фейсбуке. Так что и тут действия особого не предвидится.

Мы возвращаемся в свои домики, и вопросы обрушаются на нас. Они уже не просто стоят, они атакуют с каждым новым свидетельством преступности агрессивной войны России против Украины. Вместо зрителей-наблюдателей, мыслителей, гуманистов и доброделателей — мы оказываемся соучастниками преступлений. Вопросы ставим уже не мы, мы сами оказываемся под вопросом какого-то незримого суда. И вот возникает чувство, что это не вопросы, а допросы, что это не мы озадачены, а нас обвиняют. А мы не воюем, воюет режим, силовики, Путин, которого мы не выбирали, который нас оккупировал и т. д. Словом, когда вопросы слышат как обвинения, надо оправдываться. Такая психология. А мне было важно разобраться не просто в психологической реакции людей, мне было чрезвычайно удивительно то, что они выставляют в качестве оправдания, помимо того, что я ни при чем и вне политики.

Тут-то и возникают важные размежевания.

Каждому, хоть как-то знакомому с философией в ее истории, известно, что никакому из философов, авторитет которых общепризнан — от Платона до... в наше время трудно найти бесспорное имя и все же, пусть будет яркая в этом отношении фигура — до Хайдеггера — не приходило в голову находить философию и все ремесла, которые мы называем культурой,

вне политики, вне полисной жизни, вне политического тела — в каком-то космополисе между низостью жизни земной и высотою жизни небесной. «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» каким-то неведомым богам, — это не для философии.

Украина — не просто политически независимое, суверенное государство. Это признать не трудно. Но Украина культурно независимое сообщество. Что-то этому противодействует, противоборствует в моих российских друзьях. Я говорю о друзьях, а не о врагах, чтоб с ними говорить. Противоборствует то, что я называю внутренним имперством, не геополитическим, захватническим, а культурным. Да, легко соглашаться с тем, что Украина была своего рода колонией или провинцией. От этого легко и освободиться. Она, конечно, политически независима и так далее. Но мы же общие, у нас же общий язык, русский язык — это один из языков Украины, во-первых, зачем же от него отказываться? Кроме того, на этом русском языке написаны такие великие книги. Короче говоря, вот эта вот «великая русская культура». Но этого мало. Сказав «культура», мы сразу попадаем в некое царство... ну, не божие, но царство секулярной религии, своего рода всемирную Кастилию (если вспомнить роман Г. Гессе). Эта религия тоже вселенская, там живут люди культуры и, несмотря на все различия, почитают и как-то заранее понимают друг друга. И вот в этом мире есть великая русская культура. Мы можем быть преступниками, но на страшном суде нас оправдает культура. Как оправдает? Чем оправдает? Почему она не спасла нас при жизни? Да и кто мы ей? Почему мы надеемся оправдаться ею? Но мы размахиваем именами, как хоругвями и не смотрим по сторонам. Это я называю внутренним культурным имперством. Ладно еще Украина, всё как-никак Малороссия на хуторе близь Диканьки, но кому придет в голову заметить на фоне русской [культуры] каких-нибудь и вовсе инородцев.

Извините, что перебиваю: мы здесь постоянно, встречаясь с людьми, особенно людьми несколько старше нас, ну, между нашим и вашим возрастом, и слышим то же самое от грузин, что на самом деле какие-то злые силы рассорили нас, потому что, дескать, мы же

выросли в Советском Союзе, и никакой разни не чувствовали. Для этого не нужно быть русским или быть причастным к какому-то так называемому «русскому миру», чтобы быть сопричастным этой имперской.

Это именно советское наследие. «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки единая Русь». Тут каждое слово — ложь! Мы не русские, украинцы, грузины... — мы советские люди. Да, как же, помню, бывал. Гостеприимство, застолья, песни... Грузины понимают русский, русские не умеют по-грузински, но какая разница: лезгинка, хачапури, лобио, цхинвали, генацвали... Да, и кино, великое кино... Так в этом и состоит имперскость, что те, кто под ней, усваивают эту советско-русскую культуру в качестве единственной, русский язык в качестве общепонятного. Вот вы приехали, вы разговариваете на русском, а не на грузинском языке, и все вас понимают. Даже сейчас в Украине никто не скажет «вибачте, я не размовляю российською». Это вообще немыслимо. Хотя, если ты приехал во Францию, тебе «je ne parle pas russe». Таков уже результат того, что все народы — и грузины, и армяне, и украинцы — переварены русско-советской империей. Переварены всячески, но прежде всего культурно переварены. Вот украинцы только недавно начали это понимать, вспоминать, вспоминать себя. А ведь это значит — опомниться, прийти в сознание, в себя. Культура их не только была забыта и русифицирована, она была уничтожена, она была сознательно и последовательно уничтожена. 3 ноября 1937 г. в Сандармохе была расстреляна практически вся культурная элита Украины. «Расстрелянное возрождение», говорят здесь. И теперь это все они вспоминают, и вспоминают именно то, что мы украинцы не только по языку и политической независимости, но и по внутреннему своему бытию в качестве культурных субъектов. У нас есть своя культура, то есть свое самосознание, свое слово в мире. Надо только припомнить, договорить, додумать.

Украина вспоминает сейчас свою историю, литературу, философию... В Украине почти вся классика переведена на украинский, но есть же русские переводы, зачем стараться? Сейчас всю философскую классику переводят высококласс-

ные украинские философы. А в Грузии Мераб Мамардашвили переведен на грузинский? А труды Гиви Маргвелашвили переведены с немецкого? А есть грузинский перевод Платона, «Метафизики» Аристотеля? А можно ли вообще философствовать по-грузински? Я не знаю, спросите.

Современная Украина не выдумывает никаких там своих казачеств-шароваров-вышиванок. Она вытаскивает из-под спуда то, что сохранилось, и творит новое. Я вижу это собственными глазами и, сколько могу, стараюсь узнать, понять, всмотреться. Но сейчас не время говорить об этом. Вот малый пример. Кричащий просто факт. Жили здесь два замечательных художника, они художники в очень мощном смысле слова. Они делали вещи, большие скульптурные объекты. Не только. Они, кстати, долгое время жили в Якутии, у них прекрасные альбомы живописи, быта. И вот они делали памятник, стену памяти. Это никакая не политическая вещь, это просто на общем кладбище. Это не Бабий Яр, обыкновенное общегородское кладбище. Они делали стену памяти в смысле памяти о наших ушедших, вообще всех ушедших. Это было при советской власти. Они работали 12 лет. Это огромная стена, испещренная барельефами — каждый отдельное произведение. Это железная арматура, бетон, работали с рабочими, и сами работали в качестве рабочих. В один прекрасный момент, дорогой, или как его там, Леонид Ильич должен был посетить это место, и кто-то из партийных работников сказал: «Это очень плохо, это его может оскорбить». Ну, и, конечно, конкуренты, завистники... Короче говоря, из парткома, я уже забыл, как это всё называется, последовал простой приказ: залить бетоном. Вся эта стена была залита бетоном, и ничего более не существует. Что делается сейчас? Сейчас сантиметр за сантиметром, а это десятки метров, как археологи запечатанную мумию, восстанавливают. А это не песок, а бетон. Это я вам рассказываю, потому что хорошая метафора того, что происходит сейчас в украинском обществе.

Я думаю, что в Армении и в Грузии то же самое делается, происходит. Есть, разумеется, есть это сознание того, что нас переварили. Нашу культуру, то, чем мы являемся в качестве культурного — то есть общезначимого — лица, нас переварили, и мы теперь такая переваренная вещь. А остается что

ж? Великая русская литература. А куда от нее денешься? Она действительно великая. Никуда не денешься. Война помогает окончательно опомниться от этого советско-имперского застоя. В Грузии, надеюсь, тоже помнят ту «маленькую» войну, и гостеприимным грузинам стоит напоминать, что их пока просто помиловали.

Это помнят, всё здесь это помнят.

Ну, да, но так это надо сказать. Надо сообразить, что это не просто политическое имперское завоевание, это след того, что никакой Грузии в «русском мире» нет, есть «Грузинская область». Свой язык, своя культура имеют значение не просто этнографическое. Не в этом же дело. Не в этнографической экзотике, не в том «национальной по форме», каким образом эти культуры присутствовали в Советском Союзе, как грузинские вина и чахобили. Не в этом само-бытность, не в этнографических узорах, плясках с саблями и прочем, а в том, чтобы осознать своё собственное слово, которое ты имеешь сказать людям, чтобы быть с ними в общем со-бытии, соучаствовать. И людям интересно была бы не экзотика, а смысл. Вы же, Костя, знаете, что мы в нашей группе развивали эту идею, диалог культур. Это европейская идея.

Украинцам не так трудно это осознать и вспомнить, что это все началось с того, что Украина решила стать членом Европейского Союза, потому что «Украина це Европа». А Россия — не Европа, сказала в те же дни Россия, и решительно воспротивилась. Таков был повод, с этого началась агрессия. У украинцев появилось такое понятие, что мы разделяем европейские ценности. То есть мы хотим стать Европой не просто политически, а культурно. Что значит стать культурно Европой? Это значит войти в этот самый многообразный, но только не имперский, а вот этот самый общающийся друг с другом, конечно, не без войн и так далее, но мы с вами знаем, я вам рассказывал про эту идею, что нет европейской культуры без понятия межкультурья, а не одной культуры на всех или всемирной культуры, и так далее. Межкультурье, то есть разно-голосица, разно-речие, разно-, даже, мыслие в серьезном, глубоком, философском смысле слова.

Можно, конечно, ее понять как этническую культуру и будут историки этим заниматься. А можно расслышать ее разноголосие... Сейчас на скорую руку не вспомню. То же о европейском бытии иных культур. Африканский джаз, китайский даосизм в «Песни о Земле» Малера... Индийская культура со времен трудов Пауля Дейсена входит в европейскую культуру (со своими смешными отростками, там всякие йоги и прочие) как нечто, имеющее свое лицо и свое слово. Главное — свое слово. Что-то в этом духе. И, конечно, обидно, когда мы слышим не только от российских доброжелателей, что мы одной культуры, но и от грузин или украинцев. У меня есть здесь ближайший друг, украинец, еврей. Он переводчик с немецкого языка на русский, всю жизнь. Его фамилия Белорусец. Прекрасно говорит по-украински. Может быть, вам попадал в руки том Пауля Целана в его переводах на русский язык? Понимаете? И для него проблема русского языка — это мало того, что просто буквально материальная проблема, он получает деньги за переводы на русский язык, это вопрос культурно-экзистенциальный. Для него русский язык — это язык Мандельштама, это не просто язык, который он знает, а который, как и во мне, весь сидит всеми своими цитатами, жизнью своих текстов, и так далее. Я слова не могу сказать без того, чтобы не процитировать какого-нибудь Гоголя или там Пушкина, или еще чего-то. И это для него трагедия. Это просто жизненная трагедия. Это действительно трагедия, которую война не просто принесла, она заставила эту трагедию осознать. Это очень важно, как вы видите. Ну, условно говоря, философски важная тема.

Если можно, вернемся к тому, с чего вы начали, что как раз не время уходить от философствования и осмысления. А как раз самое время мыслить как минимум в режиме само-понимания, само-определения, не такого поверхностного, как привычные фигуры мышления. Вот даже ответ на вопрос «я русский»... Дальше будет еще один вопрос на эту тему. А мой второй вопрос, связанный с самоопределением значительного большинства действительно умных, замечательных людей, с которыми я, увы, уже с большинством не буду никогда общаться, которые действительно продолжают мыслить в режиме, например, невозможности донатить ВСУ. Мол, «как же мы можем против

русских же выступать?», или «как я могу призывать к вооруженному сопротивлению, если сам не готов взять в руки оружие?», и т. п., включая «наших мальчиков», и «нет войне любой ценой». Вот это все фигуры самоопределения огромного количества людей, которые...

Я и говорю, никто не хочет признать, что идет война, настоящая война. Это значит фронт, это значит окопы. Вы находитесь не где-то вне, вы находитесь на определенной стороне, если не на той, так на этой. Если вы не донатите туда, значит, вы даете России, россиянам убивать украинцев. Вы не уходите от этого, вы не спрячетесь за плакаты с объятиями, голубками и «нет войне», не укроетесь во всеобщей доброте. Вы позволяете это. То есть не избежать принять участие. Избежать этого можно только одним чрезвычайно излюбленным способом: я ни при чем. Я занимаюсь своими маленькими делами. У меня есть семья, я без нее, без меня дети там, и так далее. Все закрылись по своим комнатам, ну и живите, кто ж против. Я и сам не в окопах. Просто не стоит оправдываться — ни нипричемством, ни пацифизмом, ни добротой, ни беспомощностью... Не надо оправдываться. У каждого хватит сил признать свою немощь. И почему бы не осознать, принять, вдуматься — на месте, где ты оказался, — в удел человеческий. При этом отчетливо же сознавая, кто прав, кто виноват, кому помогать по силам, от кого сторониться. Но вот у каждого русского человека сейчас, ну, не у каждого, болит совесть, нечто такое, что называется совестью. Как с ней быть? А вот я передам ее голос другому, постороннему, представлю, что он обвиняет меня, узнаю обвинителя в каком-нибудь «белом пальто» и дело в шляпе: включается энергия самооправдания перед незаконным обвинителем. Да кто он такой? А сам-то? То же мне, выискался. Это ведь не просто ответы обвинителям, а заглушка совести. И самое частое. От нас требуют признать вину, на нас возлагают ответственность? По какому праву? А тем более, если кто-нибудь благополучно живет далеко за границей. Это называется проекция на языке психоанализа. То есть голос моей собственной совести я выношу наружу, помещая его в голову того, кто со мной спорит. И тогда я могу оправдываться. Тогда он виноват, что он на меня нападает. А ведь никто не нападает. Мне почти

каждый день присылают «вы от нас требуете, чтобы мы признали вину». Я никогда, ни разу не написал, что вы виноваты или вы в ответе, даже это я не написал. Я никогда не обращаюсь с какими-то требованиями к людям, которые живут своей жизнью, я еле-еле живу свою, и тут Киев очень хорошо защищен. Это вам не Херсонщина, не Харьков и не Николаев, где человек живет и не знает, прилетит к нему или не прилетит сегодня вечером, когда объявлена тревога. Киев защищен. И хотя тревога каждый день и ночь, но попаданий очень мало, и в основном разрушения наносят обломки.

Так что ни от кого я ничего не требую и права такого не имею. Я решаю эти проблемы сам для себя и в качестве такого и выступаю. Но проблема-то есть. Проблема не просто взаимоотношения со своими бывшими друзьями и соотечественниками, а проблема того, что мы защищаем. То есть что поставлено под вопрос. А под вопрос поставлено практически всё. Потому что эту войну я называю нигилистической со стороны агрессора. Успех российской агрессии обеспечивается тем, что убрано всё, что обычно людей сдерживало в войнах, в нападениях. Есть такое понятие «недопустимый ущерб». Нельзя, чтобы для того, чтобы взять одну высоту, погибло 1000 человек. А здесь мы скажем — нет, можно, нам все равно, у нас этих людей, как говорил Жуков, бабы новых нарожают. Вот это всё. Все моральные критерии уничтожены, все согласия — ничто. Это нигилистическая война. И это и есть одно из определений уже этого русского мира.

Не означает ли эта позиция отрицания того, что происходящее взыскивает русских к тому, чтобы они самоопределились, продолжения все той же самой имперсности, о которой вы говорили выше? Поскольку они не признают это войной, а настаивают на каких-то других определениях, на том, что это некая внутренняя распра славян между собою. Спецоперация по усмирению бунтовщиков. И тем самым они освобождают себе возможность не относиться к этому как к катаклизму, которая требует от них существенных решений.

Да, конечно, это один из способов все это объяснить. Украина-де всегда была частью России. Но это же и часть официальной пропаганды. Это то, что им внушают с утра до вечера. Украина

всегда была частью России, да и вообще, мы один народ, украинский язык — диалект и, честно говоря, просто суржик. Но власть в ней захватили националисты. «Националистов» легко заменить на нацистов, а за ними НАТО, ну, и... «Вставай, страна огромная!..» Смех в том, что Зеленского, еврея из Кривого Рога, профессионального комика выбрали 73% избирателей из 61% участвовавших, и выбирали в основном против Порошенко с его лозунгом «Армія. Мова. Віра». Дальше — сказка о войне нацистов-украинцев против свободолюбивых народов «луганцев» и «донбасцев», борющихся за воссоединение с Россией, хотя на деле с аннексии Крыма и этой гибридной войны в Донбассе (план «Новороссия» под руководством Стрелкова и Бородая) началась военная «операция», развернувшаяся теперь настоящей войной на уничтожение Украины.

Но пропаганда и есть пропаганда. Я удивляюсь тому, что так думают вроде бы разумные люди, даже некоторые из моих бывших друзей. Я отвечаю таким людям не аргументами, тут аргументами не работают. Люди, считающие себя интеллигентами, привычно против национализма и американского империализма. Выучено с советских времен. Я говорю им: посмотрите, пожалуйста, на методы, которыми ведется эта война. Она ведется не так, чтобы вернуть заблудшую или взбунтовавшуюся овцу в свое стадо «союза нерушимого». Нет, эта война идет на уничтожение. Обстреливают ракетами и бомбят жилые кварталы, торговые центры, вокзалы, храмы, рынки. Это буквально «окончательное решение украинского вопроса». Посмотрите, пожалуйста, сколько городов просто стерто с лица земли. Вы можете теперь всё это увидеть. Пока еще у вас не запретили YouTube, смотрите на Мариуполь, Волноваху, Изюм. Фотографии Бахмута: сопоставьте то, чем он был до того, как с ним всё это сделали. Да и сама Россия вполне официально объявила, что собирается денацифицировать Украину. А поскольку никакого нацизма здесь в помине нет, то это означает только одно: денационализацию, то есть ликвидацию Украины как украинского государства и украинцев как нации. Это буквальный геноцид. Единственный мой аргумент: смотрите, как эта война ведется. Так не ведутся «военные операции», так ведутся войны на уничтожение, их называют экзистенциальными. В книжке «Война

и интеллект» я пришёл к трем определениям характера этой войны. Во-первых, она экзистенциальная. То есть речь идет о существовании Украины. А если она окажется в состоянии отстоять свое существование, то есть каким-то образом отбросить Россию за границы 1991 г., — я даже не говорю о фактическом поражении России, потому что этого никто там никогда не признает, — а просто заставит уйти из Украины, это будет психологическое поражение России. То есть некоторым образом она перестанет существовать в том самосознании, в котором она сейчас существует. Великая страна, которая может говорить с другими великими странами и так далее, — такой её больше не будет. Поэтому эта война экзистенциальная, речь идет о существовании. Ну, привожу обычно фразу Голды Меир: «Мы хотим жить, они хотят, чтобы нас не было». Так что тут нет места для компромисса.

Итак, первое определение: это война экзистенциальная. Второе — она мировая. Война России, объявленная миру. Она началась с нарушения международного права, ее цель — силовое переустройство мира. Она уничтожает всё, на чем мир держится хоть как-то в мире: разными соглашениями, договорами, переговорами, — всё, чем держится мир, как коммуникативная система, а не война всех против всех. Она желает не разговаривать с миром, а диктовать ему условия. Поэтому ее союзники — все диктаторы мира, а противники — все демократии. Ну и последнее определение: это война нигилистическая. То есть у неё нет иной идеологии, кроме войны. «Русский мир» — это фикция, пустое имя, здесь нет ни нацистского расизма, ни советского коммунизма, ни geopolитической, ни цивилизационной стратегии. Только претензия на всемирность, утверждаемая войной. Состояние войны как способ существования, *status belli* как *status quo*. Россия, превратившаяся в сырьевую, милитаристскую державу, иначе существовать не может. Это политический строй, базирующийся на старой советской модели всеобщей мобилизации населения, только теперь не на строительство коммунизма, а более реалистично и надежно: на войну. Это состояние перманентной милитаристской мобилизации населения.

Россия снова великая, потому что сделала из себя великую угрозу миру: настоящая война уже идет в Европе, а ядерный шантаж охватывает весь мир. Тогда с Россией — с угрозой — все считаются, все ее боятся. Постоянно собирается Совбез ООН, Совет Европы, парламенты, министерства обороны, индэл, финанс... заняты войной в Украине, то есть Россией, «семерки», «двадцатки», альянсы, конгрессы... Как быть, как договариваться, снабжать ли Украину оружием или заняться своим?.. Весь мир озабочен войной, сосредоточен на этой войне. Вот это способ существования России в мире.

У меня простой встречный вопрос: насколько глубоко эта зараза въелась, не означает ли это возможность повторения такого рода действий со стороны России.

Насколько глубоко зараза это встроена в то, что называется этой самой «Великой русской культурой»? Не означает ли это необходимости в режиме рассуждения о cancel culture, или, если не cancel Russian culture...

Хотя бы деконструкции... ее радикальное переваривание и преобразование. Все глубиннейшие основы её нужно перелопатить, привести в состояние вменяемости. Вот диалогичность, как критерий этого.

Конечно, надо разделить культуру как состоявшуюся, и никуда, сколько её ни кэнсели, не имеющую деться. Она есть и будет, она уже вписана в мировую, и вписана не потому, что хранится где-то в России, а потому что она хранится уже в мире. В библиотеках и прочем. Но может быть понята и шире. Во-первых, это мир разных идеологий, во-вторых, это культура повседневности, быта. Это можно немножко расширить и углубить. Культура — не только высокая и потенциально всемирная культура, но и то, что называется цивилизованностью. А вот с этим в России большие трудности. Батоно Мераб говорил: в России нет культуры застолья. Я о таком. Если мы подумаем не об идеологии, пусть и растворенной в фабулах произведений, а, собственно, о культуре, о том, что культивирует, формирует сознание человека. Это гораздо более сильная вещь, чем прямая идеология. Правда, это уже работа, которая не всегда

человеком замечается. Напомню слова И.Бродского: «Характерная черта российской жизни — глубокое неуважение человека к человеку».

Так вот. У нашей, условно говоря, либеральной мысли есть один недостаток, который теперь оказывается. Либеральная или интеллигентски культурная... не знаю, как назвать получше. Для начала пока между собой, скажем, мысль «нашего» самосознания... надо всё это уточнять... Это сознание, эта мысль настолько уверены в себе, что не считаются с серьезными оппонентами. А как же иначе, дескать, это же мы, мы же просто по-человечески правильно мыслим, ну как же? А как иначе, — демократия, свобода, ну, всё там со времён французской революции и всеобщей декларации прав человека ООН, мы в этом контексте думаем. А как же иначе? Вот это вот «а как же иначе» нужно из своего ума устраниить. А именно — думать о том, как иначе. Это что значит? Это значит мы должны, если уж что перелопачивать, то мы должны всю эту нашу российскую культуру так называемую в широком смысле, то есть включающую в себя не только великих писателей, композиторов и так далее, но вообще всю интеллектуальную и, как это говорится, духовную жизнь пересмотреть с точки зрения того, что то, что произошло сейчас в России, это не просто свалился с неба какой-то злодей и, как нынче говорят, оккупировал Россию или украл её у людей, нет, извините, это имело предпосылки. И далеко не только чекистские или советские... Очень символично, что ныне корону монарха-императора примеряет на себя чекистский опер. Этот самый Путин не просто вынес наружу похабные повадки и глумливый стиль чекистских казарм и каким-то чудом отравил, как вы говорите, сознание людей. При всех репрессиях он не мог бы этого сделать, не найди отклика в общественном сознании. Возможность всеобщей мобилизации на пустом месте обуславливается и предваряется всеобщей деполитизацией и деморализацией. А мы — сколь бы условно это «мы» ни было — сами были рады быть вне политики. Вот и стоит сразу присмотреться к тому, что это такое: бытие в культуре вне политики и откуда в нас мораль дворовой подворотни. Я помню, как в советские времена весело цитировал пушкинское «Не дорого ценю я громкие права...» или «Подите

прочь, какое дело поэту мирному до вас...» Я сам был любителем циничных анекдотов, сексистских или там про «чукчей», «грузин», «армянское радио». Так что о деморализации говорить не буду, на этот счет есть хорошая книга М. Эпштейна «От совка к бобку». Скажу о другом, об оппонентах.

Фюреры вырастают из оперов потому, что в сложном сознании людей, культивированных культурой, уже есть что-то, отвечающее примитивным мелодиям их дудочек. Чем-то мы уже заранее завербованы. Неужто в симфонии российской культуры в широком смысле слова уже звучат такие дудочки? Это очень не просто увидеть и заметить. Впрочем, если мы обратим внимание, серьезное внимание, а не насмешливое, на такие фигуры, как Дугин, Малофеев, Проханов, Прилепин, Охлобыстин... — на весь этот мистический цинизм и пьяные экстазы, словом, на всё, что производит на нас ужасающее впечатление, — мы можем расслышать ноты, интонации и мелодии, знакомые нам в виде вполне доброкачественном. В каких-нибудь «Скифах» Блока и далее к славянофилам, Тютчеву. Можно много материала найти в большой книге А. Янова «Русская идея».

А мы вместо того, чтобы вслушаться, вдуматься, отмахиваемся своими ужасаниями. Вот в наши перестроечные времена, мы все считали, что всё, свобода наступила, и теперь «иного не дано».

Никто не обращал внимания на журнал «Молодая гвардия», даже «Наш современник», а все было сказано, все было рядышком. Я помню историю И. Т. Шеховцова (погуглите). Это следователь из Харькова. Был такой, увы, несостоявшийся суд над Сталиным. Мог бы быть настоящий формальный суд, иск Шеховцова был формальный: «защита чести и достоинства Сталина», оболганныго-де перестроечниками (потом он об этом книгу написал, даже фильм, кажется, [был,] а нынче он вообще герой), но суда так и не состоялось. Почему? Ну, потому, что... Ну, что же, мы будем тут разбирать, решать, судить и рядить, когда все само собой всеми разумеется? Говорили об авторе иска, — это же жертва, жертва сталинского режима и всё. Ладно, пожурим его, простим за давностью лет и разойдёмся. Так и решили. Иск принят не был. Это все катастрофические

ошибки, которые были допущены потому, что не глядели по сторонам, не слушали, условно говоря, народ, тот, который нынче называют «глубинным».

Теперь мы должны пройти по этому пути за пядью пядь в историю, и мы обнаружим там колоссальный интеллектуальный противоток нашему самоочевидному «либерал-демократизму». Он очень тесно связан с тем, что называется «русская философия» и «русская религиозная философия». То есть та философия, литература и публицистика, которая была в XIX — начале XX века. Если мы присмотримся к ней повнимательнее и главное современными глазами, то мы увидим, что тоталитаризм там весь придуман и продуман. Придуман гораздо более мощный, чем это придумывали политики типа Сталина и так далее. Это мифология. Как это называется? Абсолютный миф Лосева. Я не буду сейчас это перечислять, но я говорю, если заниматься перелопачиванием, то эти вот все крупнейшие... ну это же целый Серебряный Век и раньше. Это очень сильные мыслители, поэты. Вы почитайте. Ведь есть параллель у нас, так называемая идеология консервативной революции в Германии. Можно начать хоть с Вагнера, если не раньше. Ницше — особая статья, а вот Вагнер... *Kulturphilosophie*, «Тайная Германия», кружок Стефана Георге, Эрнст Юнгер. Политические сочинения Шпенглера. А у нас — Вячеслав Иванович Иванов, великий российский поэт привёз свою философию символизма из Германии, это было нищевское «Рождение трагедии из духа музыки» и ничего следующего. Рождение трагедии из духа музыки — это Вагнер, а у нас параллель — Скрябин. Короче говоря, то, что Борис Гройс назвал *Gesamtkunstwerk*, это слово Вагнера, то есть тотальное произведение искусства. Словом, я не могу наспех в двух словах это всё описывать. Хотим деконструировать, — вот вам огромный материал, огромный, который мы все любили сами. Не в том виде, в каком он сейчас выглядит, а в том виде, в каком мы мы сами его читали взахлеб. Я читал Алексея Лосева еще в советские времена, потому что это всё было под запретом. Мы добывали эти сочинения на черном букинистическом рынке. Платили страшные деньги. У меня был в руках труд Николая Фёдорова «Философия общего дела», который я купил у спекулянта и был счастлив, потому что это такая

драгоценность, что... Вот возьмите и начните перечитывать, и вы увидите. А ведь до этого что? Мы найдем, конечно же, славянофилов разного толка, Данилевского, который будет одним из отцов вот этого евразийства, и так далее. Иван Ильин, говорят, «любимый философ» Путина. Это всё не на пустом месте появилось. Вот идея русского мира. Вот она в виде чистой идеи, не навязанная и придуманная какими-то методологами, нет, именно мессианская идея русского мира. Вот крупный российский культурный философ и публицист Георгий Федотов. Вот его фраза: «У всех народов есть своя Родина, но только у нас Россия». И тут мистический холод должен всех охватить, понятно, потому что это идея, во-первых, абсолютной исключительности России в мире. Там какие-то Запады, Европы, — у нас тут Азия за плечами, а Азия вся наша. Вот евразийство, ведь кто сочинил евразийство? Русские эмигранты, которые уехали из России после революции и создали это учение. Там был крупный историк, богослов и философ, опять такие философ этого времени, Лев Карсавин, ну и так далее. Великий лингвист Николай Трубецкой. Историк Георгий Вернадский. Это вам не Дугин, а вполне себе доброкачественный интеллектуальный продукт. Вот его и надо изучать, он прямо входит в тему «русский мир». Там в его истоках не «киевская Русь», а «монгольская цивилизация Чингисхана». И не стоит ошибаться, как мы, надо изучать и деконструировать всерьез. Узнал тут из поста Татьяны Резных замечательный текст о Георгии Флоровского, крупного богослова, интеллектуала и весьма здравомыслящего человека, текст 1922 года. Сам Флоровский тоже поначалу был с евразийцами, но потом порвал и написал замечательную критическую статью «Евразийский соблазн». Вот текст, о котором я говорю. «Здесь [в предвоенной публицистике русских философов вроде В. Эрна] мы имеем дело с типической „утопией земного рая“. Этот „военный хилиазм“ приобретал мессианический оттенок: народы — участники мировой борьбы — представлялись носителями высших избраний, свершителями вышних изволений, творящими „вселенское дело“. В русском сознании этот мессианский уклон был очень силен. Многим казалось, что воистину само „время славянофильствует“, что война есть „самовозгорание“ исчерпавшей себя и окостеневшей

,европейской цивилизации“, что ею кончается „Европа“ и открывается новая эпоха всемирно-исторической славы и мощи России. Эти горделивые и величавые грезы были так жестоко и безжалостно разбиты действительностью, что уже успели выветриться из нашей памяти. А, между тем, психологически именно из них, из этого „военного хилиазма“, родился хилиазм революционный и мессианский империализм „приемлющих революцию“.

Теперь мы еще чуточку отойдем в прошлое к славянофильству и у благочестивейшего Алексея Хомякова вы прочтете такие фразы, от которых нынче глаза на лоб. Так вот, что мы найдем? Идея «Москва — Третий Рим». Третий Рим — это, между прочим, советское, то, что Сталин выхватил из этой идеологии. Я в детстве смотрел фильм «Александр Невский» Эйзенштейна, где Александр Невский, который относится не к этому времени, а примерно лет на двести раньше ее, этой идеи третьего Рима автора, монаха Филофея, начало XVI века, произносит эту фразу: «Два Рима пали. Третий — Москва — стоит, и четвертому не быть». Могучим голосом Николая Черкасова, жестами выразительной кинориторики Эйзенштейна. И вот советское глухое сталинское время услышало эту весть, из XVI века дошедшую. Умные, талантливые люди ее напомнили. Что мы наследники великой византийской Империи. Это не выдумки монархов российских, а выдумки глубокой духовной работы. И Сталину ничего не стоило переработать идею Всемирной революции в идею Всемирного господства России. Почему? Потому что только в России, названной «Отечеством победившего пролетариата», а пролетариат по Марксу не класс, а человек родовой, человек как таковой, наконец-то вышедший из всяких этих классов. Классов больше не будет, государство не будет, потому что приходит родовой человек, сам человек в полноте своего существа, всесторонне развитый, как говорили в мое время. Это — марксизм. Так вот: теперь русский человек и есть человек как таковой. Вот эта идея не только российская, на этой идее и нацизм, расизм стал в Германии, то есть арийцы — это не просто мы, немцы (нацизм отнюдь не национализм), но человек как таковой в своем высшем — арийском — качестве. Так и русскомирцы: русские — это не просто мы, такие

великие, хорошие, а это просто человек, данный и самим Богом предназначенный быть в своем универсальном человеческом качестве. Так что все права наши, а вы все не просто колонии, провинции, а вы немножко недо-, поскольку вы недорусские, вы немножко недочеловеки.

Есть, что деконструировать. Это работа, можно сказать, института. И если мы это примем к сведению, то нам будет очень трудно со своим либеральным мышлением. Того и гляди, мы однажды утром проснёмся и скажем, а правда, правда, либерализм — это же гнилая вещь какая-то, всё разлагает, во всем сомневается, никаких ценностей, никаких скреп, ничего такого твёрдого на чём... А ведь государство должно стоять на чём-то твёрдом, и так далее, и так далее. Вот вам, пожалуйста, и спор с самим собой.

Ну мы уже довольно давно мучаемся со всеми этими конструкциями вроде того же «русского мира». Третий Рим, кстати, это целиком заимствованная идея. До Филофея было четыре или пять Третих Римов, начиная с «Третьего Рима», который был в эпоху становления франкского государства. Идея Третьего Рима старая. Совсем. Это просто идея присвоения себе уже известного имперского статуса, который был раньше. Как если бы после Второй мировой войны одна из стран-победительниц решила позаимствовать имя побеждённого противника. Ну, как «Священная Римская империя германского народа». Был бы «Священный Третий рейх советского народа». Новейшие события дают основания предполагать, что нечто подобное и произошло, если не на словах, то на деле.

А вопрос мой был очень прост: дело в том, что, как только мы определяем что-то через название национальности или название этноса, то получается, что, кроме языка как определяющего эмпирически обнаруживаемого свойства, у нас нету вообще ничего. Если представить себе, что мы сообщаем о человеке только одно, что он русский или что он казах, мы же о нём, в общем-то ничего не знаем, кроме двух вещей. Кроме того, что он, вероятно, понимает этот язык, и того, что у него, возможно, есть гражданство соответствующего одноименного государства, что может быть как в пользу, так и во вред нам. Вот и всё, это почти пустое определение «русский». Поэтому, как только мы прилагаем к слову «мир» слово «русский», мы

соединяя некую всеобщность с совершенной пустотой. Я не понимаю, как вообще пользоваться таким понятием, оно нерабочее.

Я бы задумался над тем, почему это — даже нерабочее — понятие работает. Что в него вкладывают, в это пустое понятие. Или что им теперь означают. А означают им власть, господство, победоносность, мессианскую мистику. Вам отвечают, начиная с исходного, о чем вы говорили. У России были более сильные права считать себя Третьим Римом, чем у Карла Великого или, подавно, Оттона этого германского. А именно: «Мы прямые наследники Византии. Вы — присвоители, вы завоеватели Рима. Вы — чужие германские племена, которые захватили настоящий Рим, и он пал, а мы — нет, мы не завоевывали Византию, мы ее наследники. Второго Рима наследники, прямые наследники. Почему? Потому что у нас есть православие. Теперь мы, единственные хранители его и спасители истинной веры — народ-богоносец».

Значит, оставим всю эту идеологию. И одна важная вещь, которая связывает все эти мифологии в одно и дает понятие о том, какая сила предполагается в этом пустом понятии «русский мир», а именно *миссия*.

У нас Великая миссия. Это, во-первых, значит, что мы несём право-славие, то есть правильную (*ortho doxia*), правильную веру. В противоборстве, в противоречии с латинянами-еретиками. Они, Запад — раскольники. И эту идеологию сейчас найдете. Начиная со славянофилов и Достоевского. Достоевский подробнейшим образом и на разные лады об этом говорит: для него Рим — это Великий инквизитор. Это узурпация власти Христа папой. Это они назвали раньше, в XIX веке и ещё раньше, до Достоевского папоцезаризмом, а здесь, у нас, правда, уклон в цезарепапизм, но с этим мы справимся. Важно не это, это всё идеологические рассказы. Но сознание миссии остается. Приведу тут один мой текст из фейсбука. «О чем пророчествовал Федор Иванович Тютчев: наша-де цель „окончательное образование Великой Православной Империи, законной империи Востока, одним словом — России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя“. Этого же чаял Федор Михайлович Достоевский».

«Молюсь я о том, — писал К. Леонтьев в 1889-м г., — чтобы Господь позволил мне дожить до присоединения Царьграда. А все остальное приложится само собою! Узел там и больше нигде. Это — цель; остальное всё или средства, или последствия. Я уверен, что и в самых высших сферах так думают. Если же и нет, то отчаиваться не надо. „L'appetit vient en mangeant!“ Будут вынуждены обстоятельствами так думать. <...> Восточный вопрос — не Польский какой-нибудь, или Туркестанский и Афганский — его разрешение в нашу пользу есть событие мировое 1-й важности». Так что — всё впереди. Коммунизм тоже ведь считался спасителем человечества. Надо помнить: русская идея, идея всемирного русского мира — это идея спасения человечества. Мы несем человечеству спасение. А сейчас это просто на каждом телевизионном углу говорится, что только Россия спасает мир от гибели, развратной гибели среди геев, трансгендеров, гибели, к которой тащит нас Запад. Именно из-за всемирности миссии «русский мир» должен быть пуст, чтобы вместить в себя всё.

Нынче всё это шаржировано и карикатурно, но формула того, чем питались люди, вполне серьезна: русский мир — это спасение человечества. Не просто Западу, — Миру. Миру мы несем спасение. Поскольку нынешний русский мир, его пустота здесь начинает играть роль чуть ли не силы, поскольку нынешний русский мир — это, вообще говоря, не совсем православие, потому что православие вряд ли может служить победоносной идеей для других народов.

Это не коммунизм. Ведь война с Украиной идёт как декоммунизация, не забудьте об этом. Что это значит? Не то, не другое, не третье. Это апофатическая миссия. То, что мы несём — ни с чем не идентифицируемо. Нельзя нас уличить, что вы проповедуете это, а это игнорируете. У нас нет даже ничего такого, за что нас можно уцепить. Тут пустота становится нашим выигрышным... как и отказ от всех этих моральных химер. Пустота этой идеи, которая сочетает в себе, во-первых, миссию, миссионерство и пустоту содержания. Все будут говорить «да-да, это в России». Мы же знаем, что у нас на Западе всё плохо, потому что у нас то, да се, а тут... Спрашивается, а что тут? Ну, по-видимому, что-то важное и хорошее для всех. Не западное,

не восточное. Это будет все время переосмысливаться для тех и теми, кто ненавидит Америку.

Понимаете, это еще одна выигрышная позиция России — игра на том, что вся Европа привыкла ненавидеть именно Соединенные Штаты как империалистов. Они-де все купили, все американизировали, навязывают свои демократические порядки всему миру. И этот антиамериканизм сейчас играет просто на руку Путину на 100%. Самых, казалось бы, доброжелательных, например, к Украине людей, от них я слышал, что «Да, конечно, это все очень плохо. Но ведь Запад, ну, вот, ведь Запад же это, знаете, ой, это...» и так далее. Не Запад, а Соединенные Штаты, они сами на Западе.

То есть это имперская идея, которая где-то в качестве движущего начала используют деколонизацию в отношении настоящей империи, то есть Соединённых Штатов. Прекрасно!

Да-да-да. Используют это обстоятельство.

Ну что ж, наверное всё, и Вам надо... Ну, мы, может быть, еще раз созвонимся.

Ради бога. Я свободен и открыт.

Рад был очень Вас увидеть. Надеюсь, что еще увидимся.

Ну, ладно, всего доброго!

Держитесь!

Ладно. Гарного дня! Тремайтесь! Или как там по-грузински?

Гамарджос. Здесь говорят гамарджос. У них ведь это приветствие содержит в себе намек на победу. Потому что, когда говорят «Сакартвело гамарджос!», это про победу.

DOI: 10.55167/oe3c3fa75c77

Путинизм как универсальная идеология?

Веса Ойттинен

Professor emeritus, Александровский институт / Университет Хельсинки

В июле 2023 года в «Новой газете» было опубликовано интересное интервью историка Михаила Суслова¹. Это заслуженный ученый, опубликовавший несколько книг, посвященных идеологическим событиям на постсоветском пространстве. В интервью «Новой газете» Суслов подчеркивает, что лидеры современной России не столько прагматичны, как принято считать, сколько руководствуются некими базовыми идеями. К этим «базовым принципам» он относит популизм, идентитарный консерватизм и правый коммунистаризм. С Сусловым легко согласиться: фактически то, что можно назвать «путинизмом», является версией националистических идеологий, представленных современными ультраправыми движениями в Европе и США: те же лозунги «традиционных ценностей», «достоинства национальной культуры», неприятия левых и либеральных ценностей и т. д. можно встретить в риторике французской Rassemblement National (бывший Front National), немецкой Alternative für Deutschland и сторонников Трампа в США, а также у сторонников нынешнего российского режима. Для кого-то это может показаться парадоксом, но «путинизм» в этом смысле не является чисто российским феноменом: он — часть международного дрейфа к правому краю в политическом спектре.

Разумеется, все эти течения представляют угрозу демократии и до жути напоминают события 1930-х годов. Многие исследователи политических идей, что неудивительно, сравнивают идеологический ландшафт России после распада Советского Союза с атмосферой Веймарской республики в Германии,

1. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2023/07/22/kreml-khochet-chtoby-putinizm-stal-universalnoi-ideologiei>.

которая породила варево из конкурирующих правых и консервативных идеологий и теорий и подготовила почву для собственно фашизма. Неслучайно многие мыслители Германии времен Веймарской республики, такие как Освальд Шпенглер с его теорией цивилизации, сегодня пользуются огромной популярностью в России. Похоже, Суслов прав и тогда, когда отвергает утверждения о том, что Русская Православная Церковь будет оказывать большое влияние на производителей официальной идеологии в современной России. «Я вижу это так, что за последние 2–3 года влияние православной церкви скорее уменьшилось», — отмечает он.

«Призыв левых» — действительно ли?

Далее Суслов делает интересное утверждение: «Появились новые идеи и новые популярные интеллектуалы. Кремль или так называемый „коллективный Путин“ теперь больше заинтересован в призывае „левых“». Это объясняется тем, что путинисты ищут идеологию, которая имела бы такую же большую универсальную значимость, какую имел в свое время советский марксизм-ленинизм. «А универсалистскую идеологию легче связать с левыми идеями, чем с правыми, потому что правые, консервативные идеи укоренены в национальных традициях». Поэтому идеологический поворот, который наблюдался в России в 2011–2012 годах, не стоит называть консервативным. На самом деле он «имеет очень мало общего с традиционным консерватизмом» типа того, который представлял Эдмунд Берк в конце XVIII века.

Главная проблема, которая возникает у путинистов по отношению к консерватизму старого образца, заключается, по мнению Суслова, в том, что «если мы консерваторы, традиционные русские консерваторы, то тогда мы должны исключить советский период, потому что он возник в результате революции и радикальных перемен». Советский период ознаменовался великими достижениями, которыми по праву гордятся миллионы россиян. Роль Советского Союза в свержении фашизма во Второй мировой войне была решающей, что подняло страну до уровня сверхдержавы. Поэтому путинисты не могут просто

выбросить наследие советского периода на помойку, хотя им, как антикоммунистам, очень хотелось бы это сделать. «Они хотели придумать такую идеологическую позицию, которая объединяла бы и Советский Союз, и [нынешний] Кремль, и имела бы вид консерватизма».

Хотя нет особых оснований не согласиться с анализом Сусловым «русской идеологии» путинистов, мне, однако, кажется, что в нем отсутствует одно важное понятие, а именно — идея мимикрии. В этом он далеко не одинок. Практически во всех оценках российских идеологических дискурсов, сделанных социологами и наблюдателями, можно заметить некоторую расплывчатость в отношении „левых“ элементов в довольно консервативном, а то и реакционном корпусе идей. Эта неясность прослеживается и в интервью Суслова «Новой газете», где он говорит о некоем левом повороте в путинизме. Конечно, это не может означать, что ведущая путинская элита действительно начала принимать левые идеи демократии и социальной справедливости, не говоря уже об антикапитализме. Что же тогда может означать так называемый «левый поворот»? Мне кажется, что здесь многое объясняет концепция мимикрии.

Эйзенштейн против Геббельса

Действительно, забвение этого понятия может сбить с пути даже серьезного исследователя. Приведем пример из истории современного искусства. В 1994 году Игорь Голомшток на первых страницах своей книги «Тоталитарное искусство» написал, как у него, сотрудника московского Художественного музея имени Пушкина, возникла идея этой книги. Однажды ему попались на глаза забытые номера нацистского художественного журнала, и он был поражен сходством нацистского и советского пропагандистского искусства. Те же мускулистые герои-рабочие, тот же энтузиазм продуктивизма, те же лозунги². Особенно, по его словам, поразило сходство немецко-фашистского и советского павильонов (составленных, соответственно, Альбертом Шпеером и Борисом Иофаном) на Международной

2. Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. С. 2.

выставке в Париже в 1937 году. Из этого сходства Голомшток сделал вывод о существовании некоего «тоталитарного искусства», имеющего свою специфическую эстетику и выявляющего общие корни нацизма и большевизма.

Однако все оказалось не так просто. Так называемое «тоталитарное искусство» нацистской Германии предназначалось исключительно для пропагандистского использования, а реальный эстетический вкус нацистов был скорее мелкобуржуазным и консервативным. Поверхностное сходство нацистской пропаганды с советской эстетикой было результатом сознательного копирования. Этот прием нацисты использовали с самого начала. Чтобы привлечь голоса немецких рабочих, они не только представлялись «социалистами» (пусть и «национальными»), но и заимствовали эмблемы социалистического рабочего движения, например, красные флаги (к которым они добавили только свастику).

Конечно, подобная мимикария под социализм не означала, что нацисты приняли бы идеалы левых. Когда в феврале 1934 г. министр пропаганды Германии Геббельс в своей речи выразил восхищение фильмом Сергея Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» и потребовал от нацистов снять аналогичный фильм, Эйзенштейн ответил Геббелю письмом, которое было опубликовано, в частности, в газете *New York Times*. Он язвительно заметил, что нацисты никогда не смогут создать ничего подобного советскому искусству, поскольку у них нет самого главного условия настоящего искусства — правдивости. «Правда и национал-социализм не сочетаются. Тот, кто за правду, не может быть вместе с национал-социалистами»³.

Метод мимикрии Зюганова

Метод мимикрии, столь успешно использовавший некоторое время Геббельсом, в постсоветской России с таким же успехом и гораздо раньше, чем путинисты, был применен зюгановским руководством КПРФ. Эта партия действительно представляет

3. Эйзенштейн С. М. О фашизме, германском киноискусстве и подлинной жизни // Избранные произведения. В 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1968. С. 226.

собой одну из самых удивительных химер в истории политики — якобы коммунистическая партия, но исповедующая сугубо антимарксистские идеи. Уже сразу после распада Советского Союза председатель партии Зюганов опубликовал ряд программных статей и книг, в которых отказался от марксистско-ленинских доктрин старой компартии в пользу geopolитического мировоззрения. Его очерк поразительно похож на идеи американского консервативного ученого Сэмюэля Хантингтона, которые были модными на Западе в 1990-х годах, несмотря на то, что Зюганов ни разу не ссылается на Хантингтона в прямую. Согласно Хантингтону, человечество разделено на различные и более или менее «закрытые» цивилизации, которые никогда по-настоящему не встречаются, но сохранят собственную культуру и ценности: Западную, Исламскую, Китайскую, Индуистскую и т. д. цивилизации. Для Хантингтона такая ситуация таила в себе постоянную опасность «столкновения цивилизаций», однако в текстах Зюганова 1990-х годов момент межцивилизационных конфликтов еще не выдвигался на первый план.

Разумеется, Зюганов не является оригинальным мыслителем, и все написанное им заимствовано у других авторов, в данном случае у «цивилизационного дискурса» консервативных российских мыслителей и политологов, таких как Александр Панарин, который в 90-е годы был широко читаемым и популярным писателем. Причины, побудившие Зюганова в хаотической ситуации начала 1990-х годов обратиться к идее цивилизации, особенно русской цивилизации, были исключительно политическими. Как он писал в брошюре «Россия и современный мир», опубликованной уже в 1995 году, «время диктует нам необходимость создания эффективной „идеологии патриотизма“, отвечающей требованиям современности». Эта патриотическая идеология должна обеспечить не только функционирование государственного механизма российской державы, но и дать «теоретико-философское» обоснование позиции России как «мощнейшего альтернативного центра мирового влияния»⁴.

4. Зюганов Г. Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1995. С. 14.

Упоминая таких мыслителей русской консервативной мысли, как Николай Данилевский, Константин Леонтьев и даже популярный в постсоветское время писатель-«геополитик» Лев Гумилев⁵, Зюганов утверждает: «С исторической точки зрения Россия — это цивилизация *sui generis* („особая цивилизация“), унаследовавшая тысячелетние традиции Киевской Руси, Московии, Российской империи и Советского Союза». С точки зрения геополитики, опять же, Россия составляет «основу и главную опору евразийского континентального блока, интересы которого противоположны интересам „океанической империи“ США и атлантического „большого пространства“». И в культурном плане Россия образует геополитическую единицу, имеющую ценности, отличные от западных, а именно коллективизм (в противовес западному индивидуализму) и «державность» — термин, труднопереводимый на английский язык, но приблизительно переводимый как ментальная поддержка идеи России как великой державы⁶.

«Русская цивилизация» как наименьший общий знаменатель

Думаю, этих цитат достаточно, чтобы показать идеологическую значимость идеи геополитически закрепленной «русской цивилизации». Эта идея дает матрицу, позволяющую подвести под один общий знаменатель разные и взаимно противоречащие политические образования. Царская Россия и Советский Союз были антагонистическими государственными образованиями, но теперь они могут быть сведены к феноменам общей «субстанции» — российской евразийской цивилизации. Эта

5. Ср. С. 14–16.

6. Там же. С. 18–19: «...с точки зрения исторической, Россия является собой тип цивилизации, наследующий и продолжающий тысячелетнюю традицию Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Союза ССР; с точки зрения геополитической, Россия — стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которой противостоят гегемоническим тенденциям „океанской державы“ США и атлантического „большого пространства“».

хитрость позволяет Зюганову и его последователям соединить в идеологии своей «новой», патриотической коммунистической партии элементы, которые на самом деле являются взаимоисключающими — например, советский интернационализм и великорусский шовинизм. Таким образом, создается некая фальшивая преемственность от советского времени к современной России. Символы советской эпохи — красные знамена, серпы и молоты — и советские лозунги используются, но в качестве инструментов мимикрии, не отличающейся от геббельсовских. Для зюгановцев Ленин, конечно, великая историческая личность, но в совершенно другом смысле, чем в советское время — не как деятель международного рабочего движения, а в основном как персонаж исконно-русской истории, сопоставляемый с Иваном Грозным или Петром I.

Можно сказать, что путинисты пойдут по проторенному пути: тот «левый поворот» их идеологии, о котором Суслов говорит в своем интервью, на самом деле совершен еще в 1990-х годах Зюгановым. Сегодня партия Зюганова является, если это возможно, еще более яростным сторонником «патриотической» войны против Украины и против «коллективного Запада», чем когда-либо была путинская элита. «Патриотизм» и идеология «державности» с самого начала были, может быть, самыми четкими знаками, отличающими ее не только от старого советского коммунизма, но и от идеалов рабочего движения во всем мире. В свое время Ленин и большевики были потрясены предательством немецких социал-демократов, которые в 1914 году поддержали Первую мировую войну. Не будет преувеличением сказать, что предательство зюгановцами идеалов левых оказалось еще более страшным, поскольку фактически заблокировало построение левой и демократической альтернативы путинской политике. Правда, партия заявляет, что защищает интересы простых россиян, но ее реальная функция в современной российской политической жизни сводится к роли «Преданной оппозиции Его Величества».

Я считаю необходимым подчеркнуть роль зюгановской компартии в постсоветской политике, поскольку почему-то как российские, так и западные комментаторы и политологи в своих анализах в основном игнорируют ее. Возможно, они посчи-

тали, что постсоветский коммунизм — это всего лишь некий «пережиток прошлого», который не стоит воспринимать всерьез, рассуждая о российской политике. Это просчет, поскольку очевидно, что сегодня путинская элита в своей идеологической продукции все больше приближается к тем решениям, которые зюгановцы проводили в жизнь еще в 1990-е годы. После распада Советского Союза российские элиты долгое время были заворожены либеральными иллюзиями. Постепенно дискурс российской исключительности взял верх, и идея «русского мира», которая сегодня является одной из центральных идеологем путинизма, при всей своей туманности принципиально не отличается от концепции «державности», запущенной Зюгановым еще в начале 1990-х годов.

Логические причины такого приближения к методам, которые партия Зюганова использует уже три десятилетия, легко увидеть. Представление о России как о занимающей, казалось бы, навечно определенное культурное и геополитическое место в мире решает дилемму, сформулированную Михаилом Сусловым в интервью «Новой газете»: как успешно претендовать на исторические достижения Советского Союза и при этом быть антikоммунистом. Именно этой логикой, а не мнимым «левым поворотом» объясняются новейшие пирамиды в производстве путинской идеологии.

DOI: [10.55167/oooda1f68a57c](https://doi.org/10.55167/oooda1f68a57c)

Русский антимир

Михаил Эпштейн

Негативная идентичность¹

«Русский мир» — главная идея современной России, и его расширение — главная цель государства. В сравнении с предыдущими господствующими идеями, такими, как «православное царство», «третий Рим», «православие, самодержавие народность», «коммунизм», «классовая борьба», «пролетарский интернационал», «всемирная революция», «реальный социализм» — «русский мир» кажется идеей бедной, лишенной содержательного наполнения. Россия теперь вообще не отождествляется ни с каким общим понятием — только с самой собой, с «русским» как таковым («масло масляное»). Остается непонятным, во имя чего, кроме самой себя, она должна расширяться. Владислав Сурков, выдвинувший «русский мир» в центр российской политики, действительно, не определил его ничем иным, кроме самого «желания расширяться»: «Что есть Русский Мир? Эта идея, я её когда-то ввёл в структуру государственной политики... Была такая задача: как сказать об Империи, о нашем желании расширяться, но при этом не оскорбить слух мирового сообщества».² Используя заглавие романа В. Суркова «Околоноля» (2009, под псевдонимом Натаан Дубовицкий), можно сказать, что русский мир именно так и определяется им: как вращающийся и расширяющийся ноль.³

1. Печатается по изданию: Эпштейн М. Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса, 2023. С. 7–10.

2. Сурков рассказал о своём понимании русского мира // Russia Today. 12.06.2021. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/872342-surkov-russkii-mir>.

3. Стоит также вспомнить, что путь Путина и его корпорации во власть начался с дачного кооператива «Озеро» — O-zero (двойной ноль), — учрежденного в 1996 будущим президентом и его друзьями, которые впоследствии заняли руководящие должности в стране. По словам С. Е. Лепса, «ноль — это ничто, но два ноля уже кое-что значат». В данном случае два ноля означают готовность одного ноля превратить весь мир в другой ноль. Отсюда и обнуле-

И действительно, если мы посмотрим на практику расширения русского мира, то не обнаружим в ней никакой содержательной — религиозно-мировоззренческой или социально-экономической — мотивации. Те страны, за счет которых этот «мир» пытается расширяться: сначала Грузия, а теперь и в особенности Украина, не представляют из себя ничего принципиально чуждого России: вера — православная, уклад — капиталистический. Чтобы определить причину этого противостояния, следует исходить не из каких-то позитивных свойств «русского мира», а именно из того, что он отрицает. И тогда окажется, что этот мир по существу — антимир: он определяется сугубо негативными признаками, которые стали самодовлеющими после краха предыдущих идеологий. Особенность России в XXI в. — это формирование чисто негативной идентичности, «от противного».

Каждая последующая фаза истории придает новый смысл всем предыдущим. Нынешняя война России с Украиной, с Европой, с Западом яснее, чем когда-либо, обнаруживает те отрицательные признаки социально-национальной идентичности, которые раньше скрывались в тумане меняющихся стратегий. То Московия провозглашала себя оплотом православной духовности; то российская империя стремилась объединить все славянские народы и возглавить европейский мир; то Советский Союз пытался поставить все человечество под знамя самого передового учения и смести капитализм с лица земли. Теперь схема упростилась. Россия — не против нехристиан и буржуев, не против католицизма и капитализма, она вообще — *против*, как антивещество по своей физической природе противоположно веществу. Ядра антивещества, синтезированные учёными, состоят из антипротонов и антинейтронов, а при взаимодействии вещества и антивещества происходит их взаимная аннигиляция. Вот так и Россия на протяжении столетий вырабатывала в себе историческое антивещество, которое теперь приходит в столкновение с окружающим миром и грозит его уничтожить в цепной реакции взрыва. В резуль-

тие президентских сроков самого Путина, и его постоянные угрозы развязать ядерную войну. История любит такие шутки.

тате всех тысячелетних метаморфоз возникло пространство для «идеального шторма», пустая воронка размером с самую большую страну мира, которая пытается втянуть в себя все, что ее окружает, и определяется не сама из себя, а лишь тем, чему она противостоит. Антивремя, антибудущее, антиистория, антиправо, антисоциум, антисвобода, антибытие...

За 2022 год российский социум мгновенно кристаллизовался в антисоциум, хотя этот процесс шел тысячу лет. Это социальное антивещество обладает своим физическим эквивалентом — ядерным оружием. Обычно говорят, что та или иная страна обзаводится ядерным оружием, — но можно считать и так, что *ядерное оружие обзаводится своей страной*, которая созревает до такого состояния «анти», чтобы использовать его для уничтожения всего мира, включая себя.

Антиценность. Культурный дефолт⁴

У любой системы знаков: у денег, у языка, литературы, у культуры в целом, есть свойство, которое можно назвать «обеспеченностью». Это подобно золотому обеспечению валюты. На банкноте может стоять любая цифра, хоть триллион, но при этом ценность банкноты равна нулю, если она фальшивая.

За последние десять лет, после захвата Крыма и начала агрессии против международного миропорядка, ощутимо полегчала русская культура. Все произведенное в России, оттуда исходящее, помеченное ее знаком, — резко удешевилось. Не только современная культура, а вся, на всем своем историческом протяжении, от древнего язычества, от призываия варягов, от крещения Руси... Почему? Ведь в прошлом ничего не изменилось. Порода дерева познается по растущим на нем плодам. «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?.. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаёте их» (Матфей, 7:15-20). Достоевский, Чехов, Чайковский, Менделеев — великие имена. Но какова цена этих

4. Печатается по изданию: Эпштейн М. Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса, 2023. С. 39-41.

свершений, если они принесли столь горькие плоды в том народе, на почве которого возросли? Речь идет не о художественных и научных достижениях, а скорее, о цивилизации в целом. Если она приносит такие плоды, как захватническая и грабительская «спецоперация», разрушение «братской» страны, то встает и вопрос о качестве дерева, на котором они созрели. Это не «отмена культуры», а определение породы по урожаю.

Прошлое не дано раз и навсегда. Если тот самый народ, от имени которого творили Пушкин и Толстой, поддерживает воровскую клику, которая его обирает и ведет на гибель, попутно грозя гибелю всему человечеству, то ценность этого народа на весах истории и морали резко понижается. Его вклад в духовную жизнь человечества меняется соразмерно с тем, как потомки, пользуясь наследием предков, приумножают его или проматывают. И вот оказывается, что Россия, населенная в основном «рашистами» и «зедистами», не слишком заслуживает интереса и уважения в глазах мирового сообщества. Да, здесь были великие люди, но теперь понятно, что они говорили не от народа, и никакой глубинной мудрости, опыта, исторической субстанции за ними нет.

Геродот описывает исторический эпизод: на греческий политический форум сошлись представители всех государств, больших и малых. Красноречивее всех говорил посол одного из самых мелких полисов. И когда он закончил свою вдохновенную речь и был удивлен тем, что к его словам не отнеслись с должным вниманием, ему объяснили: «Друг, твоим речам недостает государства».

Вот так и всему, что исходит из России, ее литературе, искусству, науке, сейчас недостает государства, народа, который обеспечивал бы своей мудростью, опытом, поступками то, к чему призывали его великие. Страна претерпевает духовный дефолт. На банкнотах значатся огромные суммы — «судьба человечества», «братство и справедливость», «небесные идеалы», — а обеспечить их нечем. Иссяк золотой запас.

Вспомним Германию, взглянем на знаменитые полотна Ансельма Кифера, у которого преобладает черная и пепельная тональность (даже в подсолнухах), а многие картины сделаны целиком из свинца. Нет более актуального художника для

современной России, чем этот немец, который до сих пор обожжен историей своей страны (он родился в 1945 г.). На одном из его полотен — «Пути к мировой мудрости. Битва Германна» (1976) — портреты Канта, Фихте, Гете, Шиллера, Клейста, Вагнера на фоне битвы Германна, который героизировался в нацистской Германии. И они, эти великие, тоже прямо или косвенно причастны к трагедии «сверхнарода», разрешившего себе «кровь по совести».

Пришло время суда над всеми российскими традициями, в том числе и над классикой. После краха коммунизма много говорили о «люстрации» (от латинского «lux», свет), но она так и не состоялась. Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Блока, Маяковского, в их «скифских», кичливых, воинственных мотивах. Т. Манн в «Докторе Фаустусе» (1946) раскрыл глубокие метафизические истоки того демонического вдохновения, охватившего нацистскую Германию. Вот и Россия с 2014 г. падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое метафизическое дно. Политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже философско-религиозный нерв существования страны, начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? Речь не о том, чтобы отменять классику, но чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали через всю культурную почву страны. Не осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского за их империалистические инстинкты, а сломать инерцию послушания классикам как «великим учителям жизни». Нужна дистанция по отношению к культуре: отменять не ее, а свое ученическое, послушное, подобострастное отношение к ней.

Россия нуждается в потрясении даже таких «незыблемых основ», которые выражаются понятиями «народ», «земля», «родина», «сила», «единство». Казалось бы, что в них плохого? Но подставим сюда Германию — и поймем, почему для современных немцев невозможно так мыслить о себе в стране, вот уже семьдесят лет выздоравливающей от нацизма, и почему слово «патриотизм» почти вычеркнуто из немецкого. А наше тоталитарное прошлое гораздо глубже, попытки же очищения от него были поверхностными и затрагивали лишь узкий слой

общества. Двенадцати лет тоталитарного неистовства хватило Германии, чтобы опамягтиться, а Россия после семидесяти с лишним лет коммунизма уже второй раз попадает в тот же капкан, из которого тридцать назад выбралась вроде бы невредимой, почти бескровно.

Можно представить и такой разрыв России со своим прошлым, что оно будет восприниматься как великая мертвая культура, как Атлантида, ушедшая на дно «золотых и серебряных» веков, — XIX-го и XX-го. Эту Россию будут изучать и ценить, как античное наследие, которое почти ничего общего не имеет с тем населением «Северной Евразии», которое проживает в тех же местах, где когда-то жили Пушкин, Л. Толстой, Чехов, Чайковский, Менделеев.

Предчувствие распада. О России⁵

Со всех сторон доносится: Россия в беде, Россия в опасности. И грозит ей на этот раз не внешний враг и не внутренний, а собственное ее непомерное бремя — быть единой и неделимой. Советская империя еще может кое-как по краям обвалиться, отторгнуться в средние и малые государства. Но что делать России со своей огромностью?

Да и Россия ли это: централизованное многоплеменное государство — или это Орда, насевшая на Россию? До Орды было много разных Русей, и при общности языка и веры в каждой развивалось особое хозяйство и культура, разногосударственный уклад: со своими отдельными торговыми выходами в зарубежный мир, политическими договорами и внутренним законодательством. Была Русь Киевская и Новгородская, Владимирская и Рязанская. И не навались на них Орда и не разгладь катком централизации, мог бы теперь на месте дикой воли и запустенья процветать союз российских республик и монархий. По разнообразию и размаху не уступающий европейскому сообщству, а единством языка еще более сплоченный.

5. Печатается по изданию: Эпштейн М. Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса, 2023. С. 128–132.

Видимо, так суждено России — развиваться не прямолинейно, а со всеми возможными извивами на своем пути, ведущем назад, к самым исконным основаниям. Давно замечена эта повторяемость, в обратном порядке, некоторых стадий нашего исторического развития. Рывок вперед — и откат назад. Скачок в социализм — и одновременно в феодализм. В коллективизацию — и в крепостное право. В народовладение — и в опричнину. В европейскую социальную утопию — и в азиатский способ производства. В коммунистическое будущее — и в первобытный коммунизм.

Октябрьская революция как бы задала ось симметрии, вокруг которой все стало поворачиваться в прошлое и зеркально его отражать. Недаром так любили примерять на Ленина семимильные сапоги Петра Великого, а Сталин самрядился в костюм Ивана Грозного. От насильственного западничества к азиатскому деспотизму — так в обратном порядке, но с громадным ускорением, века за десятилетия, шагала страна. Чтобы, миновав период засилья Москвы и ордынского ига, вновь спуститься теперь на ступень так называемой феодальной раздробленности русских земель.

Но термин этот, как признано историками, ложный, потому что раздробленность предполагает некую предыдущую целостность, а ее, собственно, и не было. Как сообщает, нам на радость и в поучение, Британская энциклопедия, «различный характер и исторические судьбы каждой из больших восточнославянских областей отчетливо видны даже в Киевский период и сохранились до 20 столетия»⁶ — о чем историки советского периода позабыли позаботиться. Не раздробленность была, а изначальное состояние племенного обилия и разнообразия русских земель. Временно возвышался то один, то другой княжеский клан, но эти переменные политические зависимости не касались самобытного склада местных русских культур, примером чему могут служить разные школы иконописи: киевская, новгородская, владимирская, ярославская.

И теперь в стремительном развале страны и движении вспять через все пролеты истории — есть все-таки на чтоope-

6. Encyclopaedia Britannica. 15th edition, 1991. Vol. 28. P. 970.

реться, на чем остановиться и дух перевести. Есть доордынская многоцветная карта русских княжеств, многоликих русских земель. Россия изначально рождалась как сообщество Российй, нечто большее, чем одна страна, — как особая часть мира, состоящая из многих стран, подобно Европе или Азии. И теперь для России разделиться на перворусские государства — значит не только умалиться, но одновременно и возрасти, из одной страны стать частью света. Россия больше себя — именно на величину составляющих ее Русей.

Вот отчего это чувство последней тревоги — как шестьсот лет назад, как на поле Куликовом, только теперь Россия должна сразиться с Ордой и Ордынским наследием в самой себе. За свои исконные русские земли, которые затерялись среди приобретенных, через них и определяясь — как «нечерноземье». Сразиться за право разделиться на разные страны и стать больше одной страны. Вернуться, наконец, из ордынского периода своей истории в исконно русский, многообразно русский.

Быть может, единственное спасение России — стать содружеством разных Российй. Сколько их, особых и прекрасных: московская и дальневосточная, питерская и рязанская, уральская и орловская! И чем настойчивее они сводятся к одной России, тем больше она теряет себя, свой размах, заполняясь серой скучкой, — неестественно обширное существо, одоленное собственной тяжестью. Ей бы встрепенуться, от самой себя отделиться, обвести себя заставами, башнями, и в каждой выемке своей и глубинке воссоздать отдельность... Тогда культур ее хватило бы на долгое общение со всем миром и на глубокое собеседование с собственной душой. Как тягостно ей теперь выносить свою одинаковость и огромность, невозможность встать в разряд соразмерных существ. И нельзя коснуться никого вокруг себя, не потеснив. И полюбить никого нельзя, не поглотив собой. Эта ее раскинутость на тысячи непроходимых верст — та же добровольная ссылка и удаленность от мира.

Великое несчастье России — что объединилась она не сама из себя, а внешней силой и принуждением Орды. Чтобы Орду скинуть — вобрала ее в себя, сплотилась и незаметно сама стала Ордой, приняла форму иного, восточно-деспотического мироустройства и прониклась тем же духом кочевья. Вместо

устройения своих земель принялась за чужие — и вот уже одна Россия кочует по всей Евразии, и все ее издалека видят, а она себя — нет. Что пользы — все приобрести, а себя потерять? И те разные России, которые только вызревали и разгораживались на этой земле, обещая чудное цветенье будущих русских стран и народов, — сметены были кочевой конницей, на которую взбирался татарский хан, а спускался, чтобы пересесть в броневик, другой вождь, его далекий потомок.

И все-таки что-то зацепилось с тех времен и осталось в почве — рассада русского разнообразия: Киевская Русь, Новгородская Русь, Владимирская Русь... Сколько Русей, сколько судеб, сколько просторов, чтобы России от самой себя разниться. И не так от других стран отличаться, как от себя, — верный признак личности во всем объеме ее самостояния.⁷ Да разве Псковщина пристало больше походить на Тамбовщину, чем Бельгии на Голландию? И не отличается ли Смоленщина от Сибири больше, чем от Болгарии? Сколько пространств для становления «многороссийского» человечества! Сюда могло бы вместиться больше многообразия, чем даже в европейское сообщество. Между Киевом и Владивостоком больше поместились бы исторических судеб и культурных различий, чем даже между Лондоном и Римом, между Берлином и Лиссабоном. Ударялись бы клики из одной Руси об изукрашенные городские стены и витиеватые башни другой, отражались бы, разносились дальше — а не глохли бы в открытом туманном просторе. И вызревал бы в каждой из этих российских держав, ярославской и воронежской, размером во Францию или Швейцарию, свой национальный уклад, своя равновеликая, независимая, взаимосвязанная, как по всей Европе, культура.

Псковская, Рязанская, Вологодская, Калужская, Смоленская... Земли растоптаные до одинаковой пыли, но все-таки

7. Как заметил М. Монтень, «в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других» (Опыты. В 3 кн. Кн. 2, гл. 1. М.: Наука, 1979. С. 298). Об этом же есть у Б. Паскаля: «Время потому исцеляет скорби и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был... Точно-в-точку как разгневанный народ: взгляните на него через два поколения — это по-прежнему французы, но они уже совсем другие» («Мысли», фр. 122).

не потерявшие названий и каких-то зыбких, почти случайных областных очертаний. Оттого и тоскует Россия и не мил ей ни один социальный строй, что не вмещается она ни в какое историческое единство. Глубочайшая, не вполне осознанная ее потребность — это с самой собой разделиться и зажить в непохожести на себя, в неожиданности от себя. Зажить по-московски, по-питерски, по-владимирски, по-липецки, укрыться от ветра вселенских скитаний и гула всемирной истины. Каждой такой особой российской земле не дали в материнской утробе понежиться, она себя как земли и не знает, а только слышит сверху неугомонный отцовский окрик, государственное понуждение на службу *отечеству*. Колыбельный, доордынский период русских земель был прерван, вот и клонит их в младенческий сон — свернуться калачиком, не разжимаясь ни до грозных военных походов, ни до бодрых рукопожатий остальному миру.

Одна Россия, целая Россия, да еще Российский Союз с привлечением широкого славянского родства, как ныне авторитетно предлагается⁸, — по силам ли это народной душе, еще не успевшей обжиться свой начальный, наименьший удел на земле, свое отнятое в размахе ордынских кочевых завоеваний кровное удельное княжество? Ей теперь мечтается одно — разделиться на первые свои, приснопамятные народности и в них ощутить свое живое тело, а не задубевший имперский кафтан.

Да пожалуй, и соседним республикам по-настоящему не отделиться от России, пока она сама внутри себя не разделится. Можно ли Эстонии общаться с балтийско-черноморско-тихоокеанской Россией, в нынешнем ее объеме? Это все равно как общаться с Гулливером, обегая каблук его башмака. А вот с Псковской или Питерской Русью вполне могло бы получиться у Эстонии душевное вникание и сближение взаимных запросов. Конечно, всем этим Россиям еще предстоит расти и расти, чтобы образовать самостоятельные государства. Но России, как огромному целому, трудно войти в Европейский Союз, а вот Смоленщине, Новгородщине, Владимирщине, Ярославщине, Московщине, Питерщине — может быть, и удастся, сообразуясь с меркой среднеевропейских государств. Или образовать

8. Солженицын А. Как нам обустроить Россию. 1990.

свой, свободно-неслиянный Российский Союз, дружественный Европейскому и взаимодействующий с ним не только как целое, но и своими самостоятельными территориями: Псковщина и Новгородщина — с Прибалтикой, Питерщина — со Скандинавией, Московщина — с Германией, и т. д. Российский Союз, предлагаемый А. Солженицыным, состоял бы из трех славянских государств — России, Украины, Белоруссии — и сохранял бы свою внешнюю огромность и внутреннюю несоразмерность: одна часть гораздо больше двух других вместе взятых. Я же говорю о множественности Россий внутри одной только Российской Федерации, и все эти России были бы соразмерны, как государства, и друг другу, и Украине, Белоруссии и другим европейским странам.

Что же касается ослабления, то слабее ли Италия оттого, что она не Индия? Слабее ли Япония оттого, что она не Якутия? Быть собой, развиваться в меру своего размера, — это и есть сила. Слабое государство — то, которое больше себя на величину внешних завоеваний. Собственной чрезмерной силой оно себя и разваливает, нарощшим жиром и мясом опустошает свое сердце — и тоскует от новых и новых приобретений, в которых теряет себя.

Так что нынешний спор демократической России с ее же выстраданной национальной памятью вполне разрешим в глубинах российской истории. Чем дальше к истокам России, тем ближе к почве самый либеральный ее идеал. И пусть в наболевшем теперь вопросе о почве решительно побеждает правда почвенничества. Только надо решить, на какую же, собственно, почву России вернуться. На почву Орды или почву Руси? А если Руси, то какой из многих, доордынских? Или почва будущей России — это и есть многопочвенность Руси изначальной?⁹

9. Эта тема множественных Россий подкреплена последующими наблюдениями над региональными процессами. «Я надеюсь, что в будущем все пока еще слабосильные области или регионы России смогут обрести экономическую, политическую и особенно культурную самостоятельность, то есть стать как бы государствами в государстве. Сейчас этот процесс регионализации идет, хотя и не так интенсивно, как хотелось бы. Я это остро ощущаю, когда путешествую по России: Углич, Кострома, Ярославль, Рязань, Орел,

Власть и язык^{io}

Ложь, брань, бред... О властных функциях речи (1937 и 2022)

Порою «ложь» рассматривается как главный порок России. Отсюда солженицинский рецепт морального и исторического спасения: «жить не по лжи». В статье физика и публициста Алексея Бурова «Основная проблема России» (2018) такая проблема усматривается «в засилье лжи. Ложь, как грязь, есть везде, но Россия, думаю, бьет все рекорды». Журналист Александр Невзоров приходит к такому же выводу: «Россия лжет. В России лжет не только пропаганда, не только руководство, не только правительство и президент. В России лгут все, включая народ»ⁱⁱ.

Тула, Калуга — везде попытки подчеркнуть свой местный колорит, культурную специфику, пусть хотя бы в целях привлечения туристов. Крошечный город Мышкин — но и у него уже есть своя мифология и традиции. Когда все это вырастет, тогда мы можем оказаться в едином Российском трансэтническом союзе, как Европейский Союз, объединяющий разные европейские страны. Конечно, поскольку Англия или Франция свободно развивались с феодальных времен, они гораздо больше успели оформиться как нации, но, может быть, что-нибудь подобное случится и с „Владимирской“, и с „Орловщиной“, и с „Вологодчиной“, и с Уралом, Поволжьем... Россия мне видится как союз многих России, и в этом смысле она равномощна не одной европейской стране, а Европе в целом».

Цит. по: Конструирование российской идентичности: принципы транскультурности и критической универсальности. Интервью М. Н. Эпштейна С. В. Акопову от 13.09.2011 // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. С. 350–351. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-rossiyskoy-identichnosti-printsipy-transkulturnosti-i-kriticheskoy-universalnosti>.

io. Печатается по изданию: Эпштейн М. Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса, 2023. С. 181–187.

ii. Разговор с Д. Гордоном. 16 ноября 2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=w_r8x7hUHNY.

На мой взгляд, главная проблема России — не ложь как таковая, это лишь один из симптомов. Это вообще проблема не столько моральная, сколько психологическая, психопатическая, метафизическая и глубинно-религиозная. «Ложь» все-таки предполагает знание реальности и вполне трезвую, рациональную попытку ее скрытия, извращения. Проблема в том, что сама рациональность в России — это тонкая пленка, через которую постоянно прорывается преисподняя: злоба, гордыня, мстительность, обида, зависть, ненависть — или равнодущие, оцепенелость, бесчувственность. Пушкин в стихотворении «Бесы» и Достоевский в одноименном романе заглянули в бездну родной души и нашли там *одержимость*. Можно ли назвать ложью состояние одержимости? Духи злобы и пустоты господствуют на великой равнине. Построить жизнь на ней не удается — все живое сметается в приступах беспричинной злобы и самоубийственной тоски, которые порождаются духом небытия.

Вспомним, что происходило с языком в годы революции, гражданской войны, в 1930-е гг. — и сравним с речью государственных мужей наших дней. Вот третий президент России Дмитрий Анатольевич Медведев (ДАМ). В какой бы роли он ни выступал: либерала, клептократа, фашиста — он идет до конца, про него хочется воскликнуть: во дает! Теперь все кому не лень издеваются над его ультра-фашистской, антизападной и антиукраинской риторикой: якобы только в пьяном бреду он мог выдать такие перлы:

Это кучка безумных нацистов-наркоманов, одурманенный и запуганный ими народ и большая стая лающих собак из западной псарни. С ними разномастная свора хрюкающих подсвинков и недалёких обывателей из распавшейся западной империи со стекающей по подбородку от вырождения слюной. <...> Когда трухлявый мировой порядок рухнет, он погребёт под многотонным спудом своих обломков всех его надменных жрецов, кровожадных адептов, глумливых прислужников и бессловесных манкуртов¹².

История, увы, свидетельствует, что это не пьяный бред, это канонический стиль 1937 г.: идеологически ясный, даже

12. 4 ноября 2022 г. URL: <https://stolica-s.su/archives/355944>.

по-своему образцовый, густо метафорический, истерически пафосный, характерный для мастеров пера того времени, даже лучших из них.

Заглянем в «Литературную газету» 26 января 1937 г., время т. н. второго московского процесса против «антисоветского троцкистского центра». Между прочим, это еще и «Пушкинский номер» — к 100-летию смерти поэта. Знаменательно, что праздновалась годовщина его смерти, а не рождения, как бы подверстываясь под дело убийц-троцкистов. У народа невольно создавалось впечатление, что антисоветская банда, готовя покушение на Сталина, заодно пристрелила и Пушкина, перепрыгнув на век назад и целясь из-за спины Дантеса.

Газетная шапка: «Смести с лица земли троцкистских предателей и убийц...».

Цена 30 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 2 стр. ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ОБВИНİТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
- 3 стр. АЛ. ТОЛСТОЙ — Соревновый план мировой войны. Н. ТИХОНОВ — Ослепленные злобой. К. ФЕДИН — Агенты международной контрреволюции. Ю. ОЛЕША — Фашисты перед судом народа. В. ГУСЕВ — Голос страны. Д. АЛТАУЗЕН — Пощады нет.
- 4 стр. А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Презрение наемникам фашизма. ВС. ВИШНЕВСКИЙ — К стекле! И. БАБЕЛЬ — Ложь, предательство, смертноюющим. Л. ЛЕОНТЬЕВ — Террорий. М. ШАГИНАН — Чудовищные убийства. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Этн люди не имеют права на жизнь. Г. ШТОРМ — Они готовили кабалу для народа. М. КОЗАКОВ — Шакалы. В. ИЛЬЕИКОВ — Под маской «литераторов».
- 5 стр. Г. ЛАХТИ — Родине. М. ИЛЬИН, С. МАРИШАК — Путь в Гестапо. В. ЛУТОВСКОЙ — Горе фашистам и их приказчикам. А. АРАВАЕВА — Изменники родины, шпионы, диверсанты и лживые физиономии. Л. СЛАВИН — Виродка. И. ОГНЕВ — Кровавая спорта. А. ПЛАТОНОВ — Преодоление злодеяства. Г. ФИЩ — Отнести так, как советовал «Друг народу». А. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Наш вердикт. В. ШКОЛОВСКИЙ — Эпилог.
- 6 стр. К. ФИНН — Есть ли большее предательство? Б. ЛАВРЕНЕВ — Их судят вся страна. А. МАЛЫШКИН — Из дневника СКИТАЛЦА — Торговцы кровью. Д. МИРСКИЙ — Чукческий сор. Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Мастера смерти. Р. ФРАЕРМАН — Мы вытащим их из щелей на снег. Б. РОМАШОВ — Изменникам — суровый приговор.

Андрей Платонов: «Разве они могут называться людьми даже в элементарном смысле? Нет, это уже нечто неоргани-

ческое, хотя и смертельно-ядовитое, как трупный яд из чудовища».

Леонид Леонов: «...Страна наша стоит перед обширным и отвратительным террарием. Что-то ползает, бесхвостое и вызывающее содрогание, во тьме этого гадкого пространства».

Михаил Исаковский: «Они ползли, как кровожадный спрут, /Они тянулись в озлоблены диком...»

Юрий Олеша: «Те, кого сейчас судят, были прямой агентурой фашизма. ...Эти люди воспитывали молодцов с револьверами. Им нужны были люди-маузеры... Мы, художники, должны особенно заклеймить эту сволочь»

Владимир Луговской: «Но приходит час, и злая свора / В тишине притонов и квартир / Предает изменнику и вору / Наш прекрасный, исполнинский мир. / Мерзостью несет, могильным тленем: / Разговор зверей в тифозном сне. / А за ними — кровожадной тенью / Троцкий в докторском пенсне».

Александр Безыменский: «И это гнусных змей клубок, / Трусы, идиоты и бандиты, / Что грязью с головы до ног / И кровью жертв своих облиты»¹³.

Этот густопсовый стиль 1937 г. замешан на метафорике животного мира и телесного низа, монструозного вырождения и смерти. Язык Медведева отличается, пожалуй, только тем, что сваливает в одну кучу разные метафоры. Враги — это и «стая лающих собак из псарни», и «свора хрюкающих подсвинков». Они и собаки, и пороссята: и лают, и хрюкают. Вместе с тем они «бессловесные манкурты» (по Айтматову). Они и надменные жрецы, и глумливые прислужники. Они кровожадные адепты и вместе с тем у них по подбородку «от выро-

13. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/literaturnaya_gazeta_26_yanvarya/. Приводя эти цитаты, я спрашиваю себя: не падут ли духом наши современники, видя, как запятали себя некоторые властители их дум? Если даже они поддались безумию своего времени, то чего же спрашивать с нас? Вместе с тем важно знать, что все сделанное тобой останется в памяти потомков, а не растворится само собой в потоке времени. Рукописи не горят: не только рукописи великих романов, но излободневных статеек и доносов. Так что сегодня эти документы 1937 г. — и свидетельство человеческой слабости, и призыв быть сильнее.

ждения» стекает слюна. В общем, щедрая кисть б.у. президента разгулялась во все стороны.

Важно понять: медведевская эскапада — это не причудливая галлюцинация алкоголика. Это строгая ритуальная форма выверенного идеологического чекана, восходящая к магическим формулам заклятий и проклятий. Два главных жанра и нашей, и той эпохи: *донос — снизу, приговор — сверху*. И если это бред, то не лично Медведева, а бредовое состояние целой эпохи. Андрей Платонов тоже не бредил про «трупный яд из чудовища», но внятно говорил на языке своего времени. Конечно, он мог писать и лучше, а Д. Медведев не может, но этим еще точнее подчеркивается ритуальная природа его словоизвержения. Медведев пытается разыграть столетней давности революционный обряд: «новый мир» на похоронах «старого» (западного). К этому реликтовому ритуалу в конце приклеивается еще один фразеологический пласт: «Эти слова дают нам священную цель. Цель остановить верховного властелина ада...» В духе нынешней «государственно-церковной симфонии» Медведев совершает еще и обряд экзорцизма.

Прообраз этого стиля — матерная брань, которая стремится уничтожить адресата, послав его в самый низ бытия, в подземные недра, в преисподнюю. Недаром философ С. Булгаков писал:

...Если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани... Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией... Теперь же, во время революции, ...это дошло до предела, прямо хульное неистовство какое-то¹⁴.

Достаточно вспомнить, что разнузданная брань — ярчайшая часть стилистически скучного ленинского наследия. «Слизняки, шваль, гадины, вонючки, говно, говняки... не люди, а слизь и мерзость». Ленин сравнивал своих противников с животными: это дикие и бешеные собаки, сторожевые псы, ослы,

14. Булгаков С. На пиру богов. Впервые опубликовано в сб. «Из глубины». М., 1918. URL: http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html#_ftn1.

шакалы, свиньи, акулы, пауки, клопы, блохи, пиявки, могильные черви, вонючие насекомые, гиены, стервятники, а также «мастодонты и ихтиозавры, ибо зубры для них слишком почетное». Выражения из области секса: языкоблудствовать вовсю, пачкать языкоблудством, языком распутничать, кастрировать, публичный дом, общедоступная сводница, выкидыши, недоносок, ублюдок, труположство и т. д. Особое внимание — проституткам: здесь и просто проститутки, и «проститутки либерализма», и «публичные мужчины»... Порой Ленин бранил и «своих»: арестовать паршивых чекистов... сажать коммунистическую сволочь... подвести под расстрел чекистскую сволочь. 55 томов Ильича — энциклопедия русской браны.

Брань, в отличие от лжи, не искаивает реальности. Она не информативна, а перформативна, она осуществляет то действие, которое обозначает, самим актом своего произнесения. Как известно, речевые акты делятся на констатирующие и перформативные. Первые описывают некие факты, соотносятся с реальным положением вещей — и могут быть истинными или ложными. Вторые предписывают, обещают, учреждают, уничтожают, клянутся, проклинают. «Иван женат на Марье» — эта констатация может быть истиной или ложью. Но когда священник, стоя перед Иваном и Марьей, говорит: «Провозглашаю вас мужем и женой!», он не описывает отношения между ними, он их учреждает, и такие высказывания не являются ни ложными, ни истинными. Точно так же перформативные акты в форме проклятий и ругани призваны символически уничтожать то, на что они направлены.

«Ложь», «лживость» — свойство развитого интеллекта, который умеет различать правду и неправду, реальность и фикцию и сознательно пользуется ложью для достижения своих целей. А в сознании Ленина, Сталина, их сподвижников, последователей и множества соотечественников эти категории еще даже не разделились, они живут в «пламенном бреду», одержимые манией собственной правоты и величия и презрением, страхом и ненавистью ко всему миру, включая ближайших соседей, если те живут лучше или иначе. Для них ложь, как и правда, — это пока еще не наступивший этап интеллектуального развития и приобщения к цивилизации. Россия

была уже близка к этому этапу глубинного различия правды и лжи в эпоху Л. Толстого и А. Чехова, а потом опять сорвалась в имперско-революционный загул.

«Большая стая лающих собак из западной пса́рни... разномастная свора хрюкающих подсвинков...» Это не ложь, это смесь браны и бреда. Бредовое здесь — само использование браны без каких бы то ни было познавательно-вменяемых мотиваций. Это уже даже не Палата № 6, а психлечебница размером в огромную страну, где вместо врачей правят сами сумасшедшие, а всех лекарей и лекарства они заперли или уничтожили, окружив страну колючей проволокой и стеной врагов. Пациенты называют себя пацанами. Они агрессивны, время от времени врываются на территории других стран и заражают их своим безумием, переворачивают там все вверх дном. К тому же они вооружены и могут при желании уничтожить мир, непрерывно держа его под ядерным прицелом.

Кроме «пациентской», есть еще одна «субкультура», где различение лжи и нелжи просто не имеет места, — это криминальная. Недаром слово «вор» происходит от того же корня, что «вратъ», и первоначально означало «мошенник», «обманщик».¹⁵ Вор не отличает чужое от своего, точнее, его специальность именно в том, чтобы чужое делать своим. Взглянем на героев разоблачительных документальных фильмов А. Навального: руководителей государства, прокуроров, министров, привластных олигархов, высших чиновников и их детей... Разве эти люди занимаются ложью и обманом? Они такими категориями даже не мыслят. Они пилят деньги, строят дворцы, развлекаются с девушками, убивают соперников, презирают соотечественников (еще больше, чем иностранцев), рулят страной и пытаются рулить миром. А где правда и где ложь — им глубоко наплевать, они крутые пацаны и в гробу видели фраеров-моралистов.

Такие «субкультуры» или, точнее, «антикультуры», как криминальная или психопатическая, существуют в любой стране, но в России они, во-первых, соединяются, во-вторых, становятся социопатическим мейнстримом. Большевизм —

15. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/2119-VOR>.

это смесь психопатии и криминала под соусом псевдонаучного коммунизма, ставшая после Октябрьского переворота основой государственной и языковой политики. Так что о лжи в собственном смысле слова здесь не приходится говорить, поскольку разрушены, точнее, еще не созданы, не укреплены самые границы между реальностью и фикцией.

Отсюда такая типологическая разница между «ложью» в современной западной политике и в российской. Никсон лгал, Клинтон почти солгал, за что они в разной степени поплатились; против Трампа все еще ведется множество расследований. Но Путин и Медведев, Лавров и Песков не лгут, они просто пользуются речевым аппаратом, чтобы производить магические высказывания, уничтожительные для «врагов». Это «вранье», т. е. заклинательная речь, как в заговоре, волхвании, в архаическом ритуале; и таким же враньем-ворожбой были речи советских лидеров, их идеологической обслуги и литературной свиты. Поэтому о «лжи» как основной российской проблеме говорить не приходится, до нее еще нужно дорасты.

DOI: 10.55167/1a761ef195b8

Z-идеология: «русский мир» в период военной агрессии

Михаил Савва

Руководитель Экспертной группы «Сова» (Украина), доктор политических наук, профессор Свободного университета egroupsova@gmail.com

Идея этой статьи появилась во время документирования военных преступлений в Киевской области в марте–мае 2022 года. Автор в качестве члена группы документирования общественной инициативы Евромайдан-SOS вел полевую работу по документированию в селах Андреевка Макаровского района, Шпильки Бучанского района, городах Буча, Ворзель, Ирпень, Макаров. Личные наблюдения и интервью с жертвами и свидетелями военных преступлений, сравнительный анализ украинских реалий и войн в Чеченской Республике позволили сделать вывод о нетипичности поведения российских военных в Украине.

Жестокость на войне обычно имеет кумулятивный характер: она усиливается по мере накопления, становится ответной реакцией на смерти и ранения близких людей, на пережитый страх смерти. Но российские военные были готовы к массовому применению насилия и жестокости, к совершению военных преступлений буквально с первых часов вторжения в Украину. Автор констатирует отсутствие кумулятивного эффекта жестокости у российских военных и очень большое количество военных преступлений на первом же этапе военных действий.

По состоянию на апрель 2023 года Офис генерального прокурора Украины зарегистрировал около 80 тысяч военных преступлений, совершенных российскими войсками и их «прокси¹. Автор не может провести сравнительный анализ

1. Собенко Н. ОГПУ зареєструвала близько 80 тисяч воєнних злочинів росіян — Костін // Суспільне новини. 19.04.2023. URL: <https://susplne.media/450945-ogru-zareestrvala-blizko-80-tisac-voennih-zlochiniv-rosian-kostin/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

этих данных с какими-либо другими войнами современности, поскольку адекватных количественных массивов для сравнения просто нет. В других военных конфликтах, которые можно было бы использовать для сравнения, военные преступления не документировались, или же они фиксировались той стороной, которая их совершила.

Такое количество военных преступлений российских военных и комбатантов подконтрольных России формирований невозможно объяснить эксцессами исполнителей и слабым контролем со стороны командиров российских подразделений. Безусловно, эксцессы исполнителей и слабый контроль присутствовали и зафиксированы в качестве причин военных преступлений в ходе документирования. Но эти причины объясняют незначительное количество преступлений. Если основной массив военных преступлений невозможно объяснить эксцессами и слабым контролем, то остается единственное объяснение: солдаты и офицеры российской армии были чем-то подготовлены к массовому совершению преступлений и использовали эту готовность с первых часов вторжения.

Интервью с жертвами и свидетелями военных преступлений приводят к выводу о том, что готовность российских военных убивать тесно связана с идеями, которые они высказывали в ходе совершения преступлений и которые удалось зафиксировать: «вы все бандеровцы», «вами управляет Запад, который использует украинцев против нас», « вас натравили на Россию» и подобные им. Эти идеи в разных случаях однотипны, они массово повторяются от одного преступления к другому.

Автор предполагает, что важнейшим фактором массовых военных преступлений в Украине является государственная российская идеология. Официально она не может существовать. Пункт 2 статьи 13 Конституции РФ установил: «Ни одна идеология не может устанавливаться как государственная или обязательная»². Фактически она существует и действует. Автор не углубляется в этой статье в рассмотрение различных

2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

мнений о наличии этой идеологии. Такой анализ лежит за пределами нашей темы. Достаточно только сказать, что большинство отрицаний существования государственной российской идеологии основаны на ее нравственном непринятии: «мне это не нравится, поэтому его не существует».

Наиболее простым доказательством наличия данной идеологии является признание её приверженцами. Популярный в определенных социальных группах российский актер и общественный деятель Иван Охлобыстин написал на своей странице в социальной сети Вконтакте: «Постоянно слышу, в форме упрека или обвинения — рашизм, рашизм!! А что рашизм? Рашизм — это хорошо. Это консолидарно, международно, прогрессивно. Рашизм — это способность считать себя причастным к чему-то глубоко правильному, духовному, ведущему свой источник от понимания, что Россия сейчас — это последний бастион, сдерживающий черную волну безликого индивидуализма, циничного потребления, звериного сладострастия и безразличной жестокости...»³.

Более сложным, но в то же время более убедительным подтверждением наличия государственной российской идеологии является анализ ее элементов на полноту. Идеология — это система идей, на основании которых разные группы (партии, социальные группы, государства) ведут свою деятельность. У идеологии есть ряд обязательных признаков. По их наличию можно уверенно делать вывод, имеем ли мы дело с идеологией, или это что-то другое:

1. наличие безусловных ценностей/идеалов,
2. представления о средствах защиты и продвижения ценностей/идеалов,
3. картина будущего мироустройства,
4. устойчивые образы (выражаются во фразах), характерные только по этой идеологии,
5. символы (визуальные знаки, цветовые сочетания), характерные только для этой идеологии.

3. Охлобыстин показал «клеймо рашиста» // Сайт Vesti. 14.08.2014.
URL: <https://vesti.ua/kultura/65470-ohlobystin-pokazal-klejmo-rashista> (дата обращения - 12 мая 2023 года).

К основным ценностям государственной российской идеологии относятся:

1. Суверенность России, понимаемая как способность действовать без учета норм международного права и морали, независимость от влияния «коллективного Запада», то есть стран развитой демократии⁴. Следствием этой ценности является представление о враждебности Запада и его стремлении уничтожить Россию, выраженное в цитате из телеграмм-канала заместителя секретаря Совета безопасности РФ Д. Медведева: «Меня часто спрашивают, почему мои посты у Телеграмм так резки. Отвечаю — я их ненавижу. Они ублюдки и выродки. Они хотят смерти нам, России. И пока я жив, я буду делать все, чтобы они исчезли»⁵. Защита суверенитета России в рамках идеологии рашизма предполагает возможность агрессии со стороны России.

2. Уникальная российская демократия, включающая представление об ущербности демократии в ее «западном» понимании, мнение о возможности собственных моделей демократии в каждой стране с учетом ее традиций («российская демократия», «китайская демократия»)⁶.

3. Коллективизм, понимаемый как отрицание индивидуальных свобод человека и приоритет «общего блага». Эта идея предельно конкретно была сформулирована в одном из выступлений В. Путина: «Все-таки в характере нашего народа

4. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента, помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года // Официальный сайт партии «Единая Россия». 22.02.2006. URL: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

5. Дмитрий Медведев // TGStat. 7.06.2022. URL: https://tgstat.ru/channel/@medvedev_telegram (дата звернення — 12 мая 2023 года).

6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Сайт Президента РФ. 4.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

или наших народов очень существенная составляющая кол-лективизма. В других странах ценится прежде всего индивидуальный успех, что чрезвычайно важно, но у нашего народа все-таки элемент коллективизма очень сильно присутствует в сердце, в душе, а это становится одним из конкурентных преимуществ сегодняшнего дня»⁷.

4. Доминирующая роль государства в жизни общества, предполагающая необходимость защиты государства от разрушительного влияния глобализации, международных корпораций и внутрироссийской оппозиции⁸.

5. Традиционная семья (т. е. семья из разнополых супружеских пар, в которой доминирует мужчина), которую необходимо защищать от современных влияний⁹.

6. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, которая оправдывает любые жертвы и делает невозможным критику действий советского политического руководства и военачальников во время той войны¹⁰.

7. Путин заявил, что коллективизм — преимущество русского народа // News.ru. 14.02.2018. URL: <https://news.ru/vlast/putin-zayavil-chto-kollektivizm-preimushhestvo-russkogo-naroda/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

8. Путин заявил о ведущей роли государств в мире // Regnum. 21.10.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3404289.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

9. Путин назвал традиционные семейные ценности нравственной опорой страны: Традиционные ценности нашей страны вызывают споры и критику в адрес России, но они являются важнейшей нравственной опорой и залогом успешного развития государства // Выступление В. Путина на 3 Евразийском женском форуме. Парламентская газета. 14.10.2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-nazval-tradicionnye-semeynye-cennosti-nravstvennoy-oporoy.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

10. Путин В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 19.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

7. Русский язык и культура, которые нужно защищать, в том числе за пределами русской Федерации¹¹.

Способы защиты и продвижения ценностей государственной идеологии:

1. Государственная пропаганда с использованием средств массовой информации и социальных сетей внутри РФ. Под пропагандой я понимаю систему социальных технологий и методов психологического воздействия, используемых управляющей РФ группировкой с целью добиться поддержки своих действий и участия в них массы индивидов. Государственная пропаганда России является не только массовой, но уже и альтернативной. В РФ независимые СМИ закрываются, доступ к электронным ресурсам ограничивается: блокируются websites и возможности вещания, ограничивается доступность электронных платформ Twitter, Facebook и Instagram¹².

2. Государственная российская пропаганда на Западе при помощи телевизионных каналов интернационального доступа (их более 50) и специальных СМИ, созданных для вещания на зарубежные страны. К последним относится, например, межгосударственная телерадиокомпания «Мир», созданная в 1992 году соглашением глав стран-участниц СНГ с целью формирования общего русскоязычного информационного пространства, а также RT. Этот международный телеканал основан в 2005 году для предоставления «альтернативного международным информационным корпорациям взгляда на происходящее в России и мире»¹³.

11. Путин отметил важность защиты русского языка и исторической правды за рубежом // Вечерняя Москва. 10.02.2020. URL: <https://vm.ru/news/779864-putin-otmetil-vazhnost-zashity-russkogo-yazyka-i-istoricheskoy-pravdy-za-rubezhom> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

12. Заявление официального представителя Государственного департамента США Неда Прайса «Репрессии против СМИ в России» // US Department of State. 02.03.2022. URL: <https://www.state.gov/translations/russian/репрессии-против-сми-в-россии/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

13. «Рискуем превратиться в пустое пространство»: не исполненные за 10 лет поручения Путина ставят под угрозу весь «Русский мир» //

3. Законодательные запреты. В административное и уголовное законодательство РФ введены и продолжают вводиться нормы, устанавливающие ответственность за критику ценностей идеологии нацизма. Например, запрещено и кriminalизировано «отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы», критика действий российских вооруженных сил и органов власти в ходе так называемой «специальной военной операции», и многое другое¹⁴.

4. Политически мотивированные репрессии против россиян и граждан других стран, в том числе и в первую очередь жителей оккупированных территорий Украины. Российский режим использует очень широкий набор методов репрессий, включая жесточайшие и незаконные даже с учетом законодательства РФ: внесение некоммерческой организации или человека в список «иностранных агентов», что значительно сокращает возможности вести публичную деятельность¹⁵; уголовное преследование и лишение свободы. Например, в списке политических заключенных, который ведет правозащитный центр «Мемориал», по состоянию на 05.04.2022 года (в этот день сайт организации перестал пополняться в результате незаконной ликвидации «Мемориала») 87 человек, еще 355 лишены свободы за религиозные убеждения, 553 человека преследуются без лишения свободы, 80 относятся к категории «Вероятные

Новый день. 07.06.2022.URL: <https://newdaynews.ru/moscow/761396.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

14. Федеральный закон № 278-ФЗ от 1 июля 2021 года «О внесении изменения в Федеральный закон (URL: <https://docs.cntd.ru/document/9011773#64UoIK>) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607124226> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

15. Иностранный агент. Кого могут признать, чем грозит этот статус, можно ли от него избавиться? // Поступотия. 20.04.2021. URL: <https://cherta.media/interview/inostrannyj-agent-kogo-mogut-priznat-chem-grozit-etot-status-mozhno-li-ot-nego-izbavitsya/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

жертвы, не включенные в списки»¹⁶; организация нападений силами членов провластных группировок¹⁷; убийства и покушения на убийства, в том числе в других странах¹⁸.

5. Дипломатическое давление на власть и средства массовой информации других стран. Это проявляется, например, в реакции Министерства иностранных дел РФ и российских дипломатов на попытки ограничения российской пропаганды за ее пределами¹⁹.

6. Вооруженное насилие с использованием Вооруженных сил РФ и подконтрольных властям частных военных компаний. Высшие руководители РФ много раз отмечали большую роль военной силы в решении политических проблем. Так, 21.12.2020 года министр обороны РФ С. Шойгу на заседании коллегии министерства заявил о том, что «возросла роль воен-

16. Список политзаключенных // Правозащитный центр «Мемориал». URL: <https://memohrc.org/ru/pzk-list> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

17. Активисты SERB напали на основателя «Артдокфеста» Виталия Манского. Они назвали это «обратным перформансом» в ответ на его пикет с трусами в поддержку Навального // Медуза. 09.04.2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/04/09/aktivisty-serb-napali-s-tryapkoy-na-osnovatelya-artdokfesta-vitaliya-manskogo-oni-nazvali-eto-obratnym-performansom-v-otvet-na-ego-piket-s-trusami-v-podderzhku-navalnogo> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

18. Oral statement to Parliament. PM statement on the Salisbury investigation: 5 September 2018//Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018> (дата обращения — 12 мая 2023 года); MİT Rus suikast timini çökertti! İşte katil şebeke için istenen ceza // AHBR. 23 Haziran 2022. URL: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2022/06/02/mit-rus-suikast-timini-cokertti-iste-katil-sebeke-icin-istenen-ceza> (дата обращения - 12 мая 2023 года).

19. Russia summons heads of U.S. media outlets, warns of ‘stringent measures’ // Reuters. 3 June 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/russia-summon-heads-us-media-outlets-warns-stringent-measures-2022-06-03/> (дата обращения — 12 мая 2022 года).

ной силы в решении международных проблем»²⁰. В настоящее время РФ ведет агрессивную войну против Украины.

В рамках государственной российской идеологии сформирована достаточно четкая картина будущего мироустройства. В этой картине Россия является мощным, самостоятельным великим государством, оплотом всех консервативных сил, борющихся против революций, хаоса и либеральных идей, насаждаемых США и Европой²¹. Уже в ходе агрессии против Украины к этой картине было добавлено лидерство РФ в современном «антиколониальном» движении, фактически — в коалиции недемократических режимов «третьего мира». Пара-доксально: страна, которая ведет явно колониальную войну, провозглашает себя главной силой антиколониализма. Но российская государственная идеология не стремится к системной целостности.

Эта идеология включает несколько устойчивых образов, выражаемых широко известными и узнаваемыми названиями и фразами — слоганами:

1. «Русский мир». Название концепции единства России с русской диаспорой и русскоговорящим населением всех стран мира. В современной науке и публицистике название «русский мир» довольно часто используют для обозначения государственной идеологии РФ до начала полномасштабного военного вторжения в Украину, которое существенно изменило характер этой идеологии.

2. «Своих не бросаем». Слоган, выражающий идею защиты Россией своих (русских, русскоязычных) во всем мире.

20. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами России Владимир Путин принял участие в расширенном заседании Коллегии Минобороны // Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2022». 21.12.2020. URL: <https://www.rusarmyexpo.ru/army2021/mediacenter/news/newsmilru/40816.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

21. Зевелев И. Границы русского мира // Россия в глобальной политике. 27.04.2014. 2014. № 2. <https://globalaffairs.ru/articles/graniczy-russkogo-mira/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

3. «Нам не стыдно». Слоган, выражающий идею правоты России в ее войне против Украины и в противостоянии коллективному Западу.

Это название и слоганы широко используются российской пропагандой.

Символика российской государственной идеологии формировалась в течение довольно продолжительного времени, около двух десятилетий, и включает в себя несколько визуальных знаков.

Первым по времени возникновения визуальным символом стала так называемая «георгиевская ленточка» из 3 полос черного и 2 полос оранжевого цвета. По внешнему виду и цветовому сочетанию соответствует ленте, которой обтянута орденская колодка медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Такие ленточки вручают участникам массовых акций, в том числе за пределами РФ, с 2005 года. Во время вторжения РФ в Украину в 2014–2015 и 2022 годах российские военнослужащие много раз использовали нашивки «георгиевской ленты» как отличительный знак для распознавания «своих».

В ходе военной агрессии РФ в Украину в 2022 году в качестве символов идеологии рашизма закрепились латинские буквы Z и V. Эти буквы, наряду с литературой O, использовались для распознавания российской военной техники. Помимо этого, российские военнослужащие активно использовали эти буквы для обозначения своего присутствия и контроля над территорией, например, на домах. Российские военные массово рисовали букву V аэрозольной краской на украденных у украинцев автомобилях. Автор исследования многократно фиксировал такие брошенные россиянами автомобили в Киевской области при документировании военных преступлений. Российская пропаганда активно использует букву Z. Этот знак используется в рекламе так называемой «специальной военной операции», то есть российского военного вторжения в Украину, на территории РФ²².

22. Буква Z как один из ключевых элементов российской пропаганды // Русская служба «Голоса Америки». 04.05.2022. URL:

Часто такие символы российской идеологии, как георгиевская лента и буква Z, сочетаются. Например, эта буква изображается в рекламе в цветах георгиевской ленты (черно-оранжевые полосы).

Таким образом, по мнению автора, российская государственная идеология проходит проверку на полноту элементов для того, чтобы называться именно идеологией. Идеология, признаки которой автор систематизировал, была сформирована в период пребывания у власти В. Путина в должности президента, премьер-министра и затем снова президента с рубежа XX–XXI веков до настоящего времени. Эта идеология имеет систему признаков неототалитарной идеологии и описывает, по мнению автора, направление политической динамики РФ к неототалитарному режиму.

Российская государственная идеология относится к идеологиям действия. Многие важные политические решения, в том числе решения о формате взаимодействия с другими странами, принимаются в соответствии с этой идеологией. Решения об аннексии Крыма, военной агрессии России против Украины в 2014 году и полномасштабной военной агрессии в 2022 году были приняты в рамках государственной российской идеологии. Эту идеологию необходимо анализировать с учетом такой важной особенности политического режима РФ, как его имитационный характер. Неототалитарная идеология несовместима с демократией, а законодательство РФ провозглашает эту страну демократической. Политический режим РФ имитирует демократию, в том числе ее базовые элементы — выборы, разделение ветвей власти, сменность власти. В силу имитационного характера политического режима РФ ряд элементов государственной идеологии не декларируются открыто. Например, ее антидемократизм маскируется идеей о национальных особенностях российской демократии.

После начала войны РФ против Украины в 2014 году начался процесс перехода идеологии «русского мира» к Z-идеологии. Этот процесс был завершен в первые недели полно-

<https://www.golosameriki.com/a/russian-military-propaganda-letter-z/6557175.html> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

масштабной агрессии, начавшейся 24 февраля 2022 года. Z-идеология имеет несколько новых характеристик, которые существенно меняют ее, но при этом не затрагивают систему ценностей.

К таким характеристикам относится выраженный антиукраинский характер Z-идеологии, который стал очевиден после начала войны в 2014 году. До аннексии Крыма и начала военных действий на Донбассе эта характеристика государственной российской идеологии не присутствовала в публичной сфере. Российская верхушка не скрывала своих симпатий и антипатий к различным политическим силам Украины, но не ставила открыто под сомнение украинскую государственность и не заявляла о враждебности этой государственности по отношению к России. В настоящее время Украина занимает особенно важное место в российской идеологии как государство и общество, являющееся антиподом России, ее противоположностью, то есть «анти-Россией». По мнению правящей в РФ группировки, Украина фактом своего суверенного существования оказывает разрушительное влияние на государственную идеологию РФ. В программной статье «Об историческом единстве россиян и украинцев» В. Путин написал: «Шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой — превратить Украину в барьер между Европой и Россией, в плацдарм против России. Неизбежно наступило время, когда концепция „Украина — не Россия“ уже не устраивала. Нужна была „анти-Россия“, с чем мы никогда не смирился»²³.

Антиукраинский характер Z-идеологии ситуативен. Если бы Украина находилась под контролем РФ, была лояльна российской политической верхушке, то российский режим сконструировал бы другую «анти-Россию».

Z-идеология, в отличие от идеологии предыдущего этапа, критически агрессивна. Пропаганда военного времени в РФ открыто использует язык вражды и довела агрессивный потенциал этой идеологии до максимума. Призывы к уничто-

23. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев // Сайт Президента РФ. 12.07.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66182> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

жению украинцев стали преступной нормой государственной российской пропаганды и политического дискурса²⁴, которые способствуют совершению новых военных преступлений и сами по себе являются военными преступлениями (Римский статут относит к военным преступлениям заявления о том, что пощады не будет).

Важной отличительной особенностью Z-идеологии является раскрытие ее народного характера. На предыдущем этапе российская идеология была по преимуществу государственной. Она формировалась и транслировалась властью, то есть не была продуктом российского общества. В то же время, эта идеология учитывала характеристики социума, например, глубокий традиционализм, и подстраивалась под него. В условиях военной агрессии эта идеология все более активно осваивается российским обществом. Это наглядно видно на примере российских военнослужащих, то есть воюющей части российского общества. Можно сказать, что многие российские военные вгляделись в эту идеологию и увидели в ней себя.

На оккупированных территориях было широко распространено мародерство. Автор фиксировал в ходе документирования военных преступлений в Киевской области присвоение бытовой техники (в том числе такой, назначение которой преступники не понимали), сантехники, в том числе унитазов, картин, посуды, белья. Z-идеология не призывает прямо к грабежам. Но она расчеловечивает оппонента до такой степени, что присвоение его имущества становится не просто допустимым, а обыденным и массовым.

Z-идеология стала удобным инструментом оправдания не только преступных способов удовлетворения базовых потребностей. Она работает также на удовлетворение преступных потребностей более высокого порядка. Автор ранее уже

24. Призывал к «денацификации» и уничтожению двух миллионов украинцев: в отношении депутата госдумы РФ начали новое уголовное производство // Zmina. 16.01.2023. URL: <https://zmina.info/ru/news-ru/pryzval-k-denaczyfykaczyy-y-unychtozhenyuu-dvuh-millyonov-ukravnczey-v-otnoshenyy-deputata-gosdum%D1%8B-rf-nachaly-novoe-ugolovnoe-proyzvodstvo/> (дата обращения — 12 мая 2023 года).

упоминал о широко распространенной практике присвоения российскими военными автомобилей местных жителей на оккупированных территориях. Эти ограбления в большинстве случаев не были проявлением корысти. Автомобили присваивали не для того, чтобы угнать их на родину и использовать. На них ездили (по словам одного из свидетелей «гоняли без головы»), пока хватало горючего, после чего уничтожали: разбивали о бетонный столб, стену дома, давили тяжелой бронированной боевой машиной илитопили в озере. На такой машине обязательно рисовали аэрозольной краской один из символов Z-идеологии. По свидетельству автора, на оккупированной территории Киевской области это была латинская литера V. Военнослужащие, которые это делали, самостоятельно и добровольно использовали символику российской государственной идеологии. Представители «глубинного народа» проявляли в рамках Z-идеологии свои глубинные инстинкты. Один из свидетелей задал российскому военнослужащему вопрос о том, зачем он забрал чужую машину и уничтожил ее. Ответом было: «Вы думали, что вечно будете хорошо жить? Теперь это все наше».

Война продолжает трансформацию, раскрытие потенциала Z-идеологии. Этот трагический естественный эксперимент должен быть объектом тщательного изучения. Динамика российской государственной идеологии непосредственно и активно влияет не только на характер политических решений, но также на масштаб военных преступлений.

DOI: 10.55167/0550e9d9b438

Русский мир — от зарождения до обнуления

Гасан Гусейнов

Доктор филологических наук, профессор Свободного университета

Разговор о русском мире после начала так называемого полно- масштабного вторжения в Украину 24 февраля 2022 года правильнее всего начать с понятия «обнуление». Как смеялась над ним критически мыслящая Россия, когда космонавтка Валентина Терешкова предложила парламенту и народу обнулить сроки президентства Владимира Путина. Словечко из бухгалтерского жаргона, о котором хорошо писал Владимир Иванецкий в далеком уже 2010 году в журнале «Знание — сила»: «Академический фасад языка пошел трещинами, его размыает; лепнина обваливается, обнажая дранку. Ничего специально не подбиралось, упомянуто первое попавшееся. Можно отрицать даже фактор новшества: ОБНУЛЕНИЕ имело хождение в советском лексиконе с дней механических арифмометров „Феликс“».

Да, какое чудесное совпадение: арифмометр «Феликс» должен быть любимым инструментом чекистов. Я бы добавил к официальному еще и неофициальное, и даже криминальное значение слова «обнуление». Так называли в моем детстве неудачный результат подкручивания счетчиков расхода электричества или газа: ты подкручивай, но, главное, не обнули его, сразу ведь поймут, что подкручивал. Это значение работает и сейчас, когда, например, говорят об обнулении счетчика картриджа на принтере — чтобы выдоить все из старого и подольше не покупать новый картридж. Можно сказать, что в социально-бытовой истории этого слова заложен элемент обмана.

И в политике «обнуление» стало словом-переходом к бессрочному, то есть криминальному, правлению. Но после путинского обнуления прошел всего год, 24 февраля 2022 года

началась война, и слово «обнулить» начали применять уже не к срокам правления президента, а к самому «русскому миру». Не успела начаться захватническая война, как посыпались жалобы из РФ и из обширной русскоязычной диаспоры: «Ой, нас обнуляют!» Обнуление стало синонимом «отмены» и «кенселинга» русской культуры.

Можно было подумать, что этим значением, довольно абстрактным, хотя и неприятным, дело может ограничиться. Но вот в середине сентября 2022, когда стало известно, что на украинский фронт бросают заключенных, сидящих по тяжким статьям за убийство, «Важные истории», а потом «Медуза» перепечатали разговор украинского журналиста Юрия Бутусова с бывшим российским заключенным Евгением Нужиным:

Из заключенных сформировали штурмовой отряд. На вопрос, как им объяснили задачу таких отрядов, Нужин ответил:

«Я даже не знаю, как объяснить. Как я для себя понял, пушечного мяса. Что не выполняешь, что-то не то делаешь — обнуляют. Расстреливают. Это у них называется обнуление».

«Недалеко [от нашей учебки] была еще одна. Нас привезли с ИК-3, а туда с ИК-5, тоже с Рязани, человек 60. До них там одного обнутили: он закусился с инструктором, просто словесный понос, и его обнутили. И у них с ИК-5 тоже человека обнутили (когда мы встретились на позиции, они рассказывали). Ни за что, можно сказать, за словесный понос, его расстреляли и там же где-то закопали», — утверждает Нужин¹.

То, что ровно сто лет назад, в годы Гражданской войны, называлось «разменять» и «списать в расход», теперь называется «обнулять». «Терминология» Максимилиана Волошина возвращается на новом историческом витке.

Русский мир Константина Леонтьева

А вот теперь можно подступить и к словосочетанию, которое меняет свое почти полуторастолетнее значение на наших гла-

1. «Что-то не так делаешь — обнуляют. Ну, расстреливают». Украинский журналист Юрий Бутусов опубликовал интервью с российским заключенным. Он записался в ЧВК Вагнера и сдался в плен // Медуза. 16 сентября 2022. URL: <https://meduza.io/feature/2022/09/16/chto-to-ne-tak-delaesh-obnulyayut-nu-rasstrelivayut>.

зах, и это — «русский мир». Сейчас «русский мир» многими воспринимается как оксюморон, но в стародавние времена применительно к Российской империи это было, может быть, не слишком удачное подражание латинским Pax Romana и Pax Britannica. В конце 19 века Константин Леонтьев в некрологе Аполлону Григорьеву дал изумительную формулу того, чем «русский мир» был для славянофилов. С самими «славянофилами» — кружком образованных людей предшествовавшей эпохи, ушедшим вместе с этой эпохой, Леонтьев знаком не был. Но он объясняет, почему в нем самом не остыли их мысли:

Многое рано прочтенное было дорого сердцу, и к близкому, еще теплому прошедшему можно отнести тогда лишь вовсе холодно, когда оно заменилось более высоким, более полным идеалом. Московские славянофилы имели этот идеал; для них он давно был ясен: русский мир и союз его с самодержавием, — Земская дума совещательная с полной свободой действия верховой власти; русская песня и русские обычаи; горячая вера в православие — доброе и прекрасное; и чистота семейных нравов, полная внутренней свободы, веселья и любви².

Ироничность — львиный коготь, царапины коего никогда не понимали жалкие эпигоны Леонтьева последующих эпох, — не мешает, а помогает нам разглядеть в самом понятии «русского мира» две стороны — некоего идеала и некоторой реальности, достигнутой в добром семейном укладе, в жизни не на страже «свинцовых мерзостей» русской жизни. Русский мир славянофилов в толковании Леонтьева в этом смысле противостоял русской реальности, войне и насилию — куда ни кинешь взгляด.

В дальнейшем в грамотном русском обществе под «русским миром» понимали, так сказать, хорошее и доброе, что дает миру Россия — ее культура, ее наука, ее пахари и мастеровые.

2. Константин Леонтьев. Несколько воспоминаний и мыслей о по-
койном Ап. Григорьеве (Письмо к Ник. Ник. Страхову) (1863–1869).
URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/vospominaniya/leontev-neskolko-vospominanij.htm>.

Второе значение — «русские за пределами Российской Федерации»

Но пройдет всего сто лет, и после распада советской ипостаси Российской империи под «русским миром» начнут понимать русских за пределами России. Русский мир всех этих «царьградов» и «завтру», Малофеева или Дугина — это химера ушедшей, разбежавшейся России, которую надо бы вернуть в наличные пределы Российской Федерации, внутри которой как раз никакого «русского мира» не наблюдается. Когда о «русском мире» говорит Никита Михалков, он мечтает о каких-то дворянских привилегиях своих предков и одновременно о чудом сохранившихся гнездах русской эмиграции в отдаленных районах Западной Европы. Но никак не о наступной РФ с ее текущими вождями вроде Владимира Путина, Рамзана Кадырова или Сергея Шойгу. Михалков и укрылся бы в какой-нибудь Ментоне, но ведь и из этого укрытища все равно вырвут, смочат портянку в ослиной моче и не приведи господь задушат ею утомленное солнце советского кинематографа.

Итак, понятие «русского мира» начиналось в 19 веке как мечта, к которой хорошо было воспарять под омофором духовной власти православия и под эгидой и за штыками царя. А в начале века 21-го стал он химерой возвращения русских, насильственного выпаривания их из украинцев и белорусов, выцарапывания бывших колониальных владений и вшивания их в неуютное и недружелюбное пространство Эрэфии, где русский человек чувствует себя заброшенным в какой-то кавказско-азиатский зиндан.

И в тот самый момент, когда последняя надежда — самая большая и до некоторой степени однородная часть «русского мира» под названием Украина — смачно харкнула в физиономию своим спасителям — носителям идеологии этого самого «мира», тут-то и оборвалась не главная, а попросту единственная скрепа, на которой держалась вся идеология Российской Федерации.

А ведь что произошло? Всего-навсего изменилось значение выражения «русский мир». Филологи болезненно реагируют на имена. И есть, есть какая-то мистическая месть языка

своим нерадивым носителям. Русскому миру в старом значении принадлежали Владимир Соловьев (1853–1900) и Константин Леонтьев (1831–1891). И у нынешнего «русского мира» есть свои одноименные светочи — Владимир Соловьев (род. в 1963) и газпромовский шпрехер Михаил Леонтьев (не путать с журналистом «Радио Свобода», род. в 1958). Как так могло получиться? Не знаю. Наверное, чтобы мы лучше понимали, что меняться может значение даже самого простого и ясного слова. А Клио — известная шутница.

«Русский мир» как мираж реконструкторов

В духе реконструкции «русского мира» действовали до начала нападения на Украину участники «костюмированных игр», или «косплеев», «реконструкторы» великих сражений прошлого. Так, в униформу русской армии времен Первой мировой войны рядился Гиркин-Стрелков. Новое русское слово «косплей» захватило умы реконструкторов.

О том, как эта аббревиатура с буквальным значением «костюмированная игра» обаяла любителей японских аниме и манги, уже написаны книги. От Википедии до Абсурдопедии — кто только ни писал об этих странных современных людях, уже и о подросшей молодежи, а теперь и о вполне взрослых людях, а местами и о стариках, которые вдруг на наших глазах стали воплощением кукол, мультфильмов и комиксов собственного детства, ожившими персонажами исторических фотоальбомов и фантастических сериалов. В Японии это началось примерно тогда, когда в бывшем СССР началась перестройка, в конце 1980-х годов. Советские люди шли к простому и ясному светлому демократическому будущему, в то время как разочарованные чересчур механизированной реальностью молодые японцы захотели переодеться в фантастические или, наоборот, очень точно воспроизведенные древние наряды своих предков и — новомодных героев, вспорхнувших из-под пера магов, которых называют графическими дизайнерами.

Японская мода распространилась по свету. Она сходилась с другими модами и оплодотворяла их. Субкультура косплея проникла и в Россию. Но фестивалями аниме и манги дело

не ограничилось. Одно из свойств эстетики косплея — внимание к детали, к вещи, к антуражу. Другое свойство — безразличие к тому, а кто он вообще, твой персонаж — черт или ангел, бессловесная кукла или вампир. Косплей не только поглотил в массовом сознании мелкие культуры двойников Элвиса Пресли или Дракулы, но и клонировал целые армии. Не только Ленин и Сталин на Красной площади, но и толпы реконструкторов великих сражений были клонированы дивным косплеем.

Параллельная жизнь, в которой воображаемое прошлое и воображаемое будущее на полном ходу сталкиваются в настоящем и сплющивают его.

Косплей — дело дорогое. Представьте себе, например, байкеров, которые рвутся на Берлин, желая повторить подвиг нескольких советских армий. Или родителей детсадовцев, для которых в преддверии Праздника Великой Победы шьют солдатскую форму времен Второй мировой войны.

Или предпринимателей, все доходы которых вложены в дорогую иномарку в России и так называемый отдых за границей. Машина снабжена желто-черной косплей-ленточкой, за рубеж он вывозит ельцинский республиканский триколор, а представляет фантастическую Империю Обеих Евразий.

В Японии, понятное дело, в центре военного косплея — самурайский меч. Не иначе и на Руси. Глава Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко сшила себе косплейский костюмчик цвета хаки и собрала на косплей-утренник глав бывших советских городов-героев и вручила всем золотые мечи. Размером с натуральный меч. Из позолоченной стали³.

Абсурдопедия не слишком далека от истины, когда пишет: «В разговорном русском языке слово „косплей“ сократилось до „косить“. Косплей настолько полюбился русским людям, что они стали косить не только под персонажей онемэ, но и под лодырей, больных и даже под предметы быта (чайники, валенки)». Шутка, конечно.

3. Нина Калинина. «Когда-нибудь это оружие мы передадим Киеву и Одессе». Подарок уральских оружейников вручили городам-героям // URA.RU. 29 апреля 2015. URL: <https://ura.news/news/1052207250>.

Не знаю, как с предметами быта, но иногда косплей приводит к полному разрушению быта в регионе проведения соответствующего фестиваля.

Так, косплей-мастера по игре в «Новороссию», гиркины, бородай, захарченки, нарядившись в форму не всегда понятных родов войск и воинских частей, под флагами не существующего ныне и никогда не существовавшего прежде косплей-государства, ухитрились в 2014 году уничтожить мирную жизнь в довольно депрессивном регионе Украины.

Чтобы поддержать товарищей, косплей-аниматоры высокой политики прикинулись ветеранами-реконструкторами, заставив полстраны нацепить на себя хотя бы банты или желто-черные шарфы. Никакого практического содержания, кроме весьма вероятной угрозы перебранки между людьми вследствие неполного понимания всей этой символики, у косплея нет. Он — только игра. Мы не знаем, сколько времени человеку, нарядившемуся товарищем Сталиным, нужно провести на Красной площади с себе подобными, чтобы стать свидетелем чудесного наступления большого террора или парада победы.

«В результате отравления аниме, — объясняет нам Абсурдопедия, — набор ролей резко меняется: человек, считавший себя адвокатом, алкоголиком или водителем троллейбуса, начинает считать себя самураем, дикобразом, даосским монахом или девочкой-волшебницей».

Постепенно в косплей может превратиться даже политическая экономия довольно большой страны. Например, в России у слова «косплей» есть политический синоним — «вежливые люди», есть и экономический — «импортозамещение». Гражданам предлагают нарядиться в их собственные костюмы советского прошлого и вернуть себе органолептическое ощущение от советской гастрономии. Это — очень дорогой антураж. Для эдакого косплея российскому государству пришлось отказаться от импорта, на первый взгляд, мелочей вроде французских сыров или вин. В ходе игры, однако, большинство играющих уверовало, что продовольственное эмбарго — инициатива супостата, злого Запада, а вовсе не заигравшихся в ролевую игру руководителей Российской Федерации.

Но у «русского мира» появилось новое значение: эпизод ролевой игры, результатом которого оказывается восстановление на территории Российской Федерации муляжа СССР разных эпох — времен Второй мировой войны у непосредственных границ с Украиной или в оккупированном Крыму. Именно этот «русский мир» является объектом обсуждения и осмеяния в СМИ Украины. Крайнее его проявление — поведение российских оккупантов в Буче и Гостомеле, в Мариуполе и в Херсоне.

Чем был «русский мир» в глазах Запада?

15 декабря 2021 года Федеральный канцлер Германии Олаф Шольц выступил с первым правительственным заявлением перед германским Бундестагом⁴.

Первым делом Шольц заявил об особых доверительных отношениях с Францией, а вот приверженность Германии Европейскому единству упомянул на втором месте. Было понятно, что мысль Шольца двигалась по хронологии — от эпохального союза Гельмута Коля и Франсуа Миттерана к расширению Евросоюза и преодолению кризиса, вызванного недавним брекзитом, который, в свою очередь, пришелся как раз на время правления Ангелы Меркель (и самого Шольца в роли вице-канцлера).

В этом контексте упоминание в качестве важнейшего внешнеполитического факта франко-германского альянса — это явно бегство в недалекое прошлое. А что в настоящем? Кризис в отношениях между ЕС с одной стороны и Польшей и Венгрией — с другой. При этом канцлер Шольц ни словом не обмолвился о не менее «особых» отношениях Германии с Польшей — страной, ставшей жертвой нацистской и советской агрессии в сентябре 1939 года, восстановленной только после Второй мировой войны и остававшейся в политическом подчинении СССР с 1945 до 1989 года. Германия в дальнейшем оказывала Польше большую экономическую и политическую помощь, способствовала быстрому включению этой страны в НАТО и Евросоюз. Но в речи нового канцлера Польше было

4. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2021/kw50-de-regierungserklaerung-871092>.

уделено внимание только в контексте напряженности на белорусско-польской границе, т. е. на бывшем рубеже между СССР и одной из «стран народной демократии».

В качестве основного глобального союзника Шольц, журналистской скороговоркой назвал Соединенные Штаты Америки, а затем дважды упомянул Российскую Федерацию. В первый раз — в правильном контексте российско-украинского противостояния, в котором РФ является агрессором, а Украина — потерпевшей стороной. Но именно этот ключевой момент в речи Шольца не прозвучал. А вот последующее рассуждение об особых отношениях, связывающих Германию именно с Россией — как одним из государств-наследников СССР, было грубой политической ошибкой нового канцлера Германии, которую этот политик унаследовал от своих предшественников.

В чем же состояла суть этой ошибки? Напомню: речь канцлера прозвучала всего за два месяца до начала большой войны в Европе.

Прежде всего, в контексте, который сам канцлер упомянул. Шольц перечислил конфликты на постсоветском пространстве, конфликты между бывшими республиками, входившими в состав СССР, но ставшими самостоятельными государствами, которые ведь даже еще и в советские годы были полноправными членами ООН. А канцлер по-прежнему видит их «зоной ответственности России». И заклинает Россию помягче относиться к бывшим колониям, а теперь — как бы протекторатам.

Канцлер Шольц в конце 2021 года забыл, что Украина и Беларусь, и не Российская Федерация, а СССР были государствами-соучредителями ООН в 1946 году. Статус полноправных членов ООН сохранялся за Украинской ССР и Белорусской ССР все годы существования СССР. Да, это был результат договоренности между державами-победительницами. Но это — политический факт такой же первостепенной важности, как независимость Польши или Финляндии.

То, что теперь Беларусь и Украина выламываются не только из бывшего СССР, а и из Российской Империи, по-прежнему остается за пределами понимания и Меркель, и Шольца. Судя по словам об особой ответственности перед Россией, Шольц

накануне войны не был готов признать, что эту ответственность Германия должна разделить между бывшими европейскими колониями СССР в равной мере, т. е. и перед Российской Федерацией, но и в гораздо большей степени — перед Украиной и Беларусью.

Только отстаивая независимость Украины и Беларуси от натиска Российской Федерации, можно спасти европейскую демократию. Интересно, что американцы и британцы понимают это сегодня лучше, чем сами европейцы. Но не так ли было и в годы второй мировой войны?

Российская Империя и СССР перестали существовать. На их территории возникли новые независимые государства. Только одно из них — пусть и самое крупное — Российская Федерация. Федеральный канцлер Шольц осознает это в полной мере только после 24 февраля 2022 года, хотя современное значение имени «Россия» изменилось 32 года назад.

Четвертый русский мир — это мир русского языка эпохи обнуления

И содержание, и форма русской речи, отливающиеся в политических и военных действиях, обнуляют и место русского языка и русского мира в современной истории. То, что совершается от имени России сегодня, непоправимо изменило этот мир вокруг нас.

Путин заявил, что украинцев не существует, а есть только русские, которых надо срочно спасти от не существующих украинцев⁵.

При этих словах поежились многие европейцы. Ведь если нет украинцев, то есть ли чехи и словаки, поляки и болгары? А вдруг и у них государственность искусственная какая-нибудь?

И если украинский язык — это просто деревенский диалект русского, «без своей великой литературы, как у русских» (популярное мнение Иосифа Бродского), то что должны подумать носители других славянских языков?

5. См., например: Путин заявил, что Украины не было в истории человечества до создания УССР // Известия. 24.05.2023. URL: <https://iz.ru/1517492/2023-05-24/putin-zaiavil-chto-ukrainy-ne-bylo-v-istorii-chelovechestva-do-sozdaniia-ussr>.

Получается, что агрессия РФ против Украины — это и в самом деле агрессия русского мира против украинского недоразумения, агрессия носителей русского языка против носителей украинского?

24 февраля 2022 года обнулилось и прежнее отношение мира на Востоке и на Западе к Российской Федерации как к наследнице СССР. Получилось, что в общественном сознании Европы (да и Азии) нынешняя агрессия РФ против Украины это не одна из войн за советское наследство, а новый виток всех прежних войн России с окружающим миром. Шведы вспоминают Полтаву, финны — Зимнюю войну, иранцы — вторжение Красной армии в Иран в 1941 году, а поляки — все разделы Польши и сентябрь 1939, венгры — 1956, чехи — 1968, французы — взятие Парижа русскими войсками в 1814, а грузины — не только 2008, но и 1801. И даже немцы уже не 1945, а 1953 — подавление восстания в ГДР.

Обнуление русского языка как государственного, обнуление связей с российскими госуниверситетами поможет другому восточнославянскому языку — украинскому. До сих пор этот язык не был особенно заметен на академическом базаре. Пусть для многих беженцев из Украины родной язык — русский, но в школах Германии, например, куда сейчас приглашают школьников из Украины, как родной им предложат учить украинский.

На кафедрах славистики во всех университетах мира, где обычно главенствовал язык Пушкина и Достоевского, русскому предстоит потесниться, дав больше места украинскому. И даже Гоголя начнут читать не так, как прежде. Захотят изучать украинский язык и многие русские, сейчас как правило не знающие ни одного другого славянского языка, кроме своего родного.

Западная наука учит многиे ошибки прошлого и будет спрашивать себя, не напрасно ли все слависты мира теряли время на любование языком Ахматовой и Бродского? Не правильнее ли будет сейчас сосредоточиться на изучении языка Сталина и Путина? Начнет ли русский язык очищаться от десятилетий чекистской лжи — от детских яслей до университетов? На эти и подобные вопросы пока нет ответов.

Русский мир эпохи обнуления, разбежавшийся от своих насильников в Ташкент и Ош, в Ереван и Тбилиси, в Ригу и Таллинн. В Стамбул, который ровно сто лет назад уже был перевалочной базой для тех, кто уходил «не в изгнание, а в послание». Но и теперь, как и тогда, не иллюзия ли — это послание «русского мира» человечеству?

Русский мир — враг российских меньшинств

Самоубийство человека из-за слова на родном языке может показаться кому-то актом безумия. Собственно, большинство россиян, никак не отзовавшихся на случившееся в самом сердце России, в столице Удмуртии Ижевске 10 сентября 2019 года, наверное, так и подумало. В противном случае, как говорится, встали бы заводы и фабрики, остановились бы занятия в школах. Ведь удмуртский язык не единственный находящийся под угрозой язык в России, да и сам русский язык сегодня едва ли не последний по значению и весу среди шести официальных языков ООН.

Мне могут возразить, что и другие языки, когда-то считавшиеся мировыми, утрачивали свое значение. Например, немецкому языку, с его тысячелетней историей и великой литературой, философией и наукой, для утраты мирового значения понадобилось всего 12 лет торжества национал-социалистической идеологии в Германии.

Кто-то скажет, что мы имеем дело не с языком как таким, а только с его носителями, с людьми, на нем говорящими. Но то-то и оно, что язык как таковой существует постольку, поскольку есть люди, создающие на нем ценности, к которым хотят приобщиться и другие. Вот почему по-прежнему остаются мировыми языками древнегреческий и латинский: на них держится язык мировой науки и культуры. Переводя в XXI веке Платона или Аристофана, поэт или философ каждой страны обновляет свой язык для следующего поколения.

Можно сказать, что сравнительная ценность языка определяется не столько численностью говорящих на нем людей, сколько качеством отношения языкового сообщества к своему языку. В том числе желанием и возможностью практиковать

этот язык в его сложности. В повседневной жизни, возразят нам, вполне можно обойтись без поэзии. Зачем тратить на нее государственные деньги? Занимайтесь, если хотите, за свой счет.

Так и с языками, составляющими культурное богатство многоязычной страны с одним главным языком. Они — мало-заметная деревенская поэзия, зачем она вообще нужна-то? Разве не стоит упростить жизнь? Вот есть у вас русский язык, на него мы готовы тратить деньги налогоплательщиков. А от местного многоязычия каких-нибудь удмуртов или чувашей никакой пользы. Даже наоборот — чего доброго, на основе языковой общности с другими угро-финнами, в том числе и бело-финнами, подорвут государственное единство России. Она ведь и называется Россия, а не Удмуртия, правда?

На похороны удмурта Альберта Разина, покончившего с собой из-за закона 2018 года, который помогает угробить его родной и пока еще живой удмуртский язык, чекисты не пустили озабоченных судьбой и других малых языков России⁶. Из опасения политических провокаций. Мол, начнут со своих никому не нужных малых языков, а кончат тем, что подорвут уверенитет великой России.

Царствующие в современной России представления о собственном языке формулируются не на русском, а на каком-то другом языке. На деревянном языке той самой примитивной эпохи в истории России, которая была по продолжительности примерно равна национал-социалистическому отрезку истории Германии и обнимает 1940-е — начало 1950-х годов. Это были годы не только депортаций целых малых народов, но и хорошо организованного удушения более крупных национальных культур.

В 1948 году великий английский поэт и мыслитель Т. С. Элиот так писал о тогдашней сталинской национальной политике, которую особенно интересно было наблюдать на фоне тогдашнего распада гигантской британской империи:

Новейший тип империализма — российский — является, возможно, наиболее изобретательным и наилучшим образом рассчитанным на процветание в соответствии с духом совре-

6. URL: <https://www.idelreal.org/a/30160814.html>.

менности. Российская империя, по всей видимости, усердно старается избегать слабостей предшествующих ей империй: одновременно она проявляет и большую беспощадность, и большую бережность к тщеславию подчиненных народов. Официальная доктрина — доктрина полного национального равенства — видимость, которую России легче сохранять в Азии благодаря восточному складу русского нрава и благодаря отсталости — по западным меркам — развития самой России. Делаются очевидные попытки сохранить подобие местного самоуправления и автономии: цель здесь, я подозреваю, — дать всем местным республикам и странам-сателлитам иллюзию своего рода независимости, в то время как подлинная власть исходит из Москвы. Бывает, что иллюзия блекнет, когда местная республика внезапно и самым постыдным образом низводится к положению своего рода провинции или не имеющей самоуправления колонии; иллюзия, однако, сохраняется — и это с нашей точки зрения наиболее интересно — путем старательного поощрения местной «культуры», культуры в ущербном смысле этого слова, то есть всего того, что живописно, безвредно и отделимо от политики, как, например, языка и литературы, местного искусства и местных обычаяев. Но так как Советская Россия должна сохранять подчиненность культуры политической теории, успех ее империализма приведет, по всей вероятности, к сознанию своего превосходства у того из ее народов, который политическую теорию породил; можно, следовательно, ожидать, что, пока существует Российская империя, все больше будет утверждаться господствующая — русская культура, при подчиненных ей национальностях, уцелевающих не как народы, с каждому из них присущим культурным своеобразием, но как низшие касты. Как бы то ни было, русские оказались первым народом нашего времени, ставшим сознательно направлять культуру политически и наносить удар в любой точке культуре любого народа, над которым они стремятся установить господство. Чем выше развитие чужой культуры, тем последовательнее попытки ее уничтожить путем устраниния среди подчиненного населения тех элементов, которыми эта культура наиболее осознана⁷.

7. Элиот Т. С. К определению понятия культура. Заметки / Перевод Е. Жиглевич. London: Overseas Publications Interchange, 1968. С. 123–124.

В России справедливо ежатся, когда слышат о русском империализме в отношении советской эпохи. Но в качестве аргумента предлагается только один: «Русские и сами пострадали от этой политики». С этим трудно спорить. Но почему же русские не осознали своих внутренних потерь? Почему они по-прежнему позволяют измываться и над своей собственной, и над малыми языками и культурами?

На плакате, с которым вышел на свою последнюю политическую акцию Альберт Разин, была строка русского поэта Наума Гребнева из его перевода стихотворения Расула Гамзатова «Родной язык».

Всегда во сне нелепо всё и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижно я.

Звенит река, бежит неукротимо.
Забытый и не нужный никому,
Я распластался на земле родимой
Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это
Не знает и не явится ко мне,
Лишь в вышине орлы клекочут где-то
И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилой
О том, что я погиб во цвете лет,
Ни матери, ни друга нет, ни милой,
Чего уж там — и плакальщицы нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
И вдруг услышал, как невдалеке
Два человека шли и говорили
На мне родном аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана
Я умирал, а люди речь вели
О хитрости какого-то Гасана,
О выходках какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я ожидал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Я за него всегда душой болею,
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.

И чтоб понять Махмуда, мой наследник
Ужели прочитает перевод?
Ужели я писатель из последних,
Кто по-аварски пишет и поёт?

Я жизнь люблю, люблю я всю планету,
В ней каждый, даже малый уголок,
А более всего Страну Советов,
О ней я по-аварски пел как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный,
От Балтики до Сахалина — весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароют в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула —
Преемника Гамзата из Щада.

В поисках причин распада Советского Союза иногда называют центробежные силы и национализм других народов. Но не вернее ли думать, что реальная причина в том, на что указал Т. С. Элиот, предрекая, что успех советского империализма приведет к сознанию своего превосходства у русских? За годы борьбы то с космополитизмом, то с буржуазными нацио-

нализмами так называемых меньшинств, в самом крупном по численности народе бывшей Российской империи оказалось вытравлено уважение и к другому, и к себе. Действовало правило, обнаруженнное Элиотом, и в других республиках, где отношение так называемых титульных, «главных» народов к своим меньшинствам строилось на подражании общимперской модели «русский против всех остальных».

На основании только этого воспитанного, наведенного чванства русские, десятилетия прожившие в Азербайджане или в Таджикистане, в Эстонии или в Якутии, местные языки и не учили. Зачем, если все здесь и так говорят на моем, главном языке? Но дело-то не в прагматизме, дело — в презрении.

Объясняет формула Элиота и то остервенение, что мы наблюдали в политике Сталина по отношению к «украинским националистам», и в политике Российской Федерации по отношению к современной Украине: «Чем выше развитие чужой культуры, тем последовательнее попытки ее уничтожить путем устраниния среди подчиненного населения тех элементов, которыми эта культура наиболее осознана».

Когда по-русски говоришь кому-то: «Мы с вами один народ», люди слышат совсем другое: «Есть один народ — русские, а тебя, хохол, не существует! Ты забыл, дурилка картонная, это наш язык — великий и могучий, а твой — только его певучий диалект!»

Думая о высокомерном взгляде двуглавого евразийско-византийского культурного орла что на Запад, что на Восток, можно понять, почему «русский мир» остался безучастным к смерти удмурта Альберта Разина.

DOI: 10.55167/b220ao559273

«Русский мир» и Великая степь

Вадим Дергачёв

Поэт, мультимедийный продюсер. Родился в Алма-Ате в 1969 году, живет в Астане и Алматы, Автор двух книг стихотворений: «След на коже» (1994) и «Стихи» (2011), а также видеоблога «Dergachyov Insight»

«Русский мир» и Великая степь. Она же — Великая мать.

Что такое «русский мир» в Казахстане? Да все что угодно: от культа Виктора Цоя от Караганды до Шымкента и гастролей оппозиционных, российскому правительству, музыкальных групп, вроде БИ-2, по четыре раза в году до возможности обойтись без казахского языка на достаточно большой нашей территории.

Поддержка Украины происходит в Казахстане на русском языке, как и поддержка России.

Сама возможность писать этот текст на русском языке, не зная никакого другого, находясь в Казахстане, говорит о том, какие глубокие корни пустил здесь «русский мир».

В чем его негативная роль? Не только в войне, которую ведет Россия в Украине, но и во внутренней усталости не только от войны, но и от негативного отношения к «российскому миру».

Отсюда такое большое значение для местного сообщества имеют «уехавшие русские медиа». Желание смотреть и слушать «хороших русских», ходить в наших городах на лекции от Екатерины Шульман до Тамары Эйдельман — это желание нормализации «российского мира».

Желание, вполне свойственное человеку, чтобы война закончилась и «русский мир» стал приемлемым, чтобы возможность нормализации распространилась с «хороших русских» на постсоветскую Россию. Связи слишком прочные с внутренним «российским миром» даже у тех, в Казахстане, кто осудил вторжение, не говоря уже о тех, кто не осудил.

«Русский мир» распространяется как чума и зараза через русский язык и долго ещё будет отравлять, сам будучи отравлен, но желание его принять и сделать приемлемым уже сего-

дня, даже во время войны, является сильнейшим внутренним побуждением и его сторонников, и его противников в Казахстане. Желание нормализовать Россию.

Почему нам нужно отказаться от нормализации «русского мира», в особенности тем, кто не говорит ни на каком другом языке, кроме русского? Почему нам необходимо переизобрести русский язык для себя заново? Потому что мы как общество и государство все же находимся на другой ступеньке зла, чем государство российское.

Потому что мы в целом стоим на ступеньке «воровство», а не на той, где повсюду — государственное насилие и кровавая диктатура.

Произошедший (или спланированный) у нас Кантар¹, в котором было убито около 250 наших граждан, позволил нам заглянуть в это зеркало, в котором мы смогли увидеть свое государство, примеряющее эту маску. Мы увидели и ужаснулись, по обе стороны зеркала. Что отнюдь не значит, что мы не способны пойти по этому пути. Но сейчас мы не там.

Кантар 2021 года отделил нас от России и сделал нас казахами определенное, чем предыдущие 30 лет независимости. Начавшаяся в следующем месяце российско-украинская война закрепила нашу идентичность, но фантомная боль по не до конца отрезанному русскому прошлому стала регенерировать утраченное практически сразу, приобретая причудливые формы, параллельно с началом российского полномасштабного вторжения в Украину.

Сочувствие вызывала Украина, но сухопутная граница в 7598,8 километров у нас осталась с Россией. Вот почему желание нормализовать Россию для себя возникало и возникает во всех слоях общества.

Не только потому, что через Казахстан двинулось более миллиона российских релокантов, из которых не менее 300 000

1. Қанды Қантар — «Кровавый январь», протесты в Казахстане, начавшиеся 2 января 2022 года, позже переросли в массовые беспорядки, закончившиеся расстрелом безоружных протестующих на Площади в Алматы.

осталось жить у нас, но и потому что связи прочнее и глубже, чем может показаться со стороны.

Как хотелось казахстанской интеллигенции победы мятежа Вагнера! То есть хотелось, чтобы бандиты, садисты и убийцы в России размазали в Кремле по стенам кгбэшную власть.

Наше общество, следуя общей дорогой зла, эмоционально хотело перескочить через ступеньку, которую мы не прошли сами, и соединиться с бандитами и убийцами, убивающими государственных убийц и бандитов.

Вот это влияние «русского мира» на наше общество. Мы всё же еще не настолько порочны, нам еще можно удержаться на воровстве, «ласковой коррупции», поэтому нам важно сейчас оттолкнуть от себя фантом «русского мира», «хорошего» или «плохого» — неважно. Важно, что инфицировано то общество другой болезнью, чем наше. Стадию выбора — воры или кровопийцы, — они уже давно прошли. У нас есть шанс задержаться на «мягкой стадии» и отсюда начать эволюционировать в сторону демократического развития.

Все выглядит несколько иначе, сначала, чуть завысили цену, потом закрыли глаза на поборы. С кем-то договорились, кого-то убедили, на что-то закрыли глаза. Где-то кого-то прижали, но мы-то тут причем? Запугивание — это для тех, кто не понимает. Мы просто делали свое дело, мы выполняли свою работу. Мы не мешали другим воровать, точнее — мы никому не мешали, мы просто делали бизнес, только бизнес, без — личного.

А там, вдруг — взрывается дом, и на месте улицы воронка от ракеты.

Мы думали, что воровать — это ничего страшного, а оно вон как вышло...²

Государство наше вынуждено маневрировать по отношению к «русскому миру» в силу зависимости. Общество, которое должно быть более свободным и иметь больший спектр реакций на этот самый мир, идет по пути его принятия, даже когда внешне его критикует, и от него отказывается. Нужно отказаться от русского мира всерьез. Или не нужно? Пожелания

2. Вадим Дергачев. Личная страница в сети фейсбук. 3 ноября 2023.

отказа от «русского мира» не более чем «благие пожелания», даже в среде крайних казахских националистов?

Что же произойдет в Казахстане с «русским миром» на самом деле? Собственно, то же, что так или иначе происходит с релокантами — мягкая адаптация.

Казахстан как раз и есть такой огромный природный чан мягкой силы, не навязываемой степной свободы, в которую погружаются все пришедшие.

Мягкой силы и степной свободы со всеми их особенностями, в том числе потерей темпа и утратой динамики.

Всё, вы уже никуда не торопитесь, вы уже всё, что могли, натворили, вы в резервуаре. Если хотите — в отстойнике, если не хотите — тоже в нем.

Язык ненависти и вражды, который «русский мир» приносит с собою, язык никогда не заканчивавшейся гражданской войны, вся эта «Россия, кровью умытая», теряет на наших просторах именно его — свой русский язык, и начинает, через какое-то время, говорить на нашем русском.

Как это происходит и за счет чего — трудно объяснить, но тесто замешивает и принимает всё. Связано ли это с конформизмом? Да, и с ним тоже, но не только.

Зачем вам, цуцыки, свобода?
Когда бы рядом кто лежал,
Когда бы пил вино, как воду,
И за судьбу бы не дрожал.
Когда бы дети были сыты,
Учились в школе наравне,
А если кто-то где убитый,
То не на нашей же войне.
Нам отвечать за папу с мамой,
За детский сад, за трудный быт,
И оправдаемся тем самым,
Когда где кто-нибудь убит.
Зачем нам, цуцыки, свобода.
Где бомбой ноги оторвать —
Везде у гробового входа
Младая будет жизнь играть³.

3. Вадим Дергачев. Личная страница в сети фейсбук. 31 июля 2023.

Вопрос о взаимодействии с «русским миром» — это вопрос нашей готовности к будущему. Мы понимаем, что скорость его прохождения и скорость изменений в связи с российско-украинской войной очень выросла, мы не находимся в ситуации утраты зеркальных связей со своим правительством и президентом, в отличие от «хороших русских», которым взаимодействовать уже не с кем.

Мы, хотя и получили серьезный ожог Января/Кантара, отчасти по-прежнему делегируем реакции на «русский мир» нашему президенту и — иногда с возмущением, иногда с удовольствием — смотрим, как у него это получается. Кроме того, самим реагировать, нам чаще всего, просто лень.

Aх, мой милый хабитус...

Человек с ущемлением нерва
Оступившись, схватился за мост
В ожиданье прохода Минервы
И колонн бронетанковых войск
Перекрученный в жгут позвоночник
Заставляет смеяться слоном —
Все, что хочешь, и все, что не хочешь,
Над тобой приподнимет заслон
Мы мигаем очками, глазами
Подавая сигнал в пустоту —
Нас здесь держат в заложниках. Знамя
Мы зарыли на третьем мосту!
Подментованным МИДом скитаясь
Сорок лет коридорных пустынь
Моисеевой манной питаясь,
Кто на ны, аще с нами псалтырь?
Мы неправдой дворовых раскладов
Неожиданно площадь зальем
Больше яда нам дай, больше ада,
Нам не страшно, мы здесь и умрем⁴.

DOI: 10.55167/42f938fe8389

4. Вадим Дергачев. Личная страница в сети фейсбук. 19 марта 2023 года.

О «мягкой силе» России, институтах и ориентирах

Константин Пахалюк

Кандидат политических наук, г. Хайфа

Интерес к инструментам «мягкой силы» стал возрастать у российского государства в конце 2000-х гг. на фоне политических противоречий с США и ЕС, и особенно после 2008 г., когда использование вооруженной силы против Грузии не удалось оправдать в глазах мирового сообщества отсылкой к концепции «гуманитарной интервенции». Этот интерес привел к постепенному росту соответствующих государственных и аффилированных с ним общественных структур. В 2013 г. понятие «мягкой силы» впервые появилось в обновленной Концепции внешней политики, что свидетельствовало об официальном признании значимости этого поля деятельности, которое, правда, понималось весьма смутно и вело к политизации культурно-гуманитарного сотрудничества.

Концептуальное оформление

Хотя понятие «мягкой силы» присутствует в официальных внешнеполитических документах уже 10 лет, а экспертные дискуссии — еще старше, они во многом разбились о концептуальные споры, породив относительно небольшое количество работ, посвященных анализу прикладных вопросов. Не будет преувеличением сказать, что в условиях «консервативного поворота» понятие «мягкой силы» в дискурсе политиков и дипломатов оказалось заменой более знакомого, понятного слова «пропаганда». На это прямо указывает соответствующий абзац из Концепции внешней политики 2013 г. Согласно ему, больше всего в этой области российское государство было обеспокоено относительно двух вещей: поддержка зарубежной общественностью целей внешней политики России и зарубежное вмеша-

тельство во внутренние дела через критику состояния прав человека¹.

Не менее спорным оказалось и ставшее популярным понятие «русский мир», содержательная размытость которого также немало критиковалась. Показательно, что еще в 2008 г. сотрудница департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России О. Н. Батанова так и писала: «Несмотря на то что теория русского мира существует более десяти лет, до сих пор не разработан ее понятийный аппарат»². В практическом плане концептуальная размытость «русского мира» вряд ли являлась проблемой: она вполне отчетливо указывало на готовность работать с русскоязычной диаспорой в любом ее виде — главное, готовность людей включиться в российские государственные проекты и выступить агентами влияния. Желающие, безусловно, придавали этому понятию «однозначно-этническое» звучание, но в 2010-е гг. на официальном уровне ответственные лица обычно сторонились этого (если не брать в расчет риторику Л. П. Решетникова и отдельных иерархов РПЦ). В конечном счете работа по демонтажу Украины как национального государства с 2014 г. шла, судя по всему, под руководством силового блока, в то время как описанная ниже

1. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797>. «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится „мягкая сила“ — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования „мягкой силы“ и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом».

2. Батанова О. Н. Русский мир // Международная жизнь. 2008. № 11. С. 9.

сеть из государственных и близких к ним некоммерческих организаций работала преимущественно на других направлениях, лишь спорадически включаясь в тему Донбасса. Культурная интеграция силовым способом аннексированного Крыма осмыслилась как внутриполитическая задача.

«Консервативный поворот» в российской политике 2010-х гг. скорее прикрывал эклектичным набором консервативных идей усиление авторитарных тенденций и отчуждение граждан от политики³. Потому было бы странным ожидать, чтобы во вне Россия реально, а не на словах позиционировала себя в качестве альтернативного «консервативного центра» мирового развития (досужие рассуждения доморошеных идеологов на этом фоне выглядели всегда весьма уныло). Это Дж. Най, изобретший понятие «мягкой силы», фактически облагородил более старое понятие «гегемонии», в то время как экономически и политики Россия и не была готова втягиваться в такие проекты.

Отсюда проистекает специфический утилитаризм, который сводился к решению двух взаимосвязанных проблем: с одной стороны, наращивание пропагандистских ресурсов и количества их слушателей по всему миру, с другой — постепенное физическое проникновение на территории других стран и формирование там «центров притяжения» — хотя бы внешне — пророссийских сетей: будь то расширение представительств Россотрудничества или фонда «Русский мир», увеличение числа приходов Русской православной церкви Московского патриархата и подконтрольных ему зданий⁴ или массовая установка памятников, бюстов и других мемориальных объектов «нужного» исторического значения.

3. Подробнее: Гельман В. Авторитарная Россия. М., 2021; Бызов Л. Г. Консервативный тренд в современном российском обществе — истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 25–49; Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М., 2020.

4. Митрохин Н. От конфронтации к сотрудничеству: «европейская политика» РПЦ в XXI веке // Неприкосновенный запас. 2016. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/3/ot-konfrontaczii-k-sotrudnichestvu-evropejskaya-politika-rgcz-v-xxi-veke.html>.

Пропаганда и вложения в инфраструктуру получили куда больший приоритет, нежели реальная сетевая работа с людьми. С одной стороны, несмотря на всю заскорузлую риторику, подобный утилитаризм на официально-публичном уровне явно отдавал предпочтение неидеологическим проектам, с другой — государство одновременно политизировало их уже тем самым, что потенциально нейтральное пространство культуры превращалось в ресурс государственной политики. Ее проводники каждый такой проект проверяли по своим размытым и ситуативным критериям «полезности».

Показательна здесь небольшая статья главы Россотрудничества Евгения Примакова (внук известного политика 1990-х гг.), опубликованная в конце 2000 г. По лекалам марксистско-ленинской диалектики, он обрушился одновременно и на «либеральных критиков», и на «имперцев», облекая в слова уже давно применявшимся утилитаризм, пусть и в аранжировке из вороха «идеологем»: «И есть третий [подход], который только-только появляется на практике: дружите с Россией, объединяйтесь с Россией, равняйтесь на Россию, потому что с Россией безопасно, хорошо, выгодно, потому что те блага, которые вам даёт содружество и сотрудничество с Россией — традиционные ценности в сочетании с технологическим модернизмом, безопасность и независимость от разлагающих государство мягких и жёстких атак извне — возможны только с Россией. Этот подход предполагает бухгалтерский учёт наших затрат — и мы исходим из того, что в прекрасной России будущего это выгодно и другим странам, потом что такая поддержка укрепит их гражданское общество и суверенитет и сбережёт их. Не за счёт России, а вместе с Россией»⁵. Центральная метафора — «бухгалтерский учет», которая, с одной стороны, говорит об отказе от идеологии (пусть и проговариваемой, поскольку у российского чиновника нет иного публичного языка), с другой — указывает на стремление превращать предмет взаимо-

5. Примаков Е. Как профессиональные «имперцы» разрушают то, чего не создавали // Российский совет по международным делам. 2020. 16 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kak-professionalnye-impertsy-razrushayut-to-chego-ne-sozdavali>.

действия в выгодный ресурс или ренту⁶. Такой подход логически понятен, когда речь идет о международной политике или экономике, однако Россотрудничество, как ведомство, все же работает преимущественно в поле культуры и с эмигрантами, где такое видение контрпродуктивно и нерационально.

В российском политическом языке «мягкая сила» и «русский мир» на протяжении примерно 15 лет оставались достаточно смутными и размытыми понятиями, отражавшими желание государства как-то инструментализировать гуманистическое сотрудничество и культуру. Для «гуманитариев» (ученых, деятелей культуры, благотворителей и пр.) обращение государства к «мягкой силе» также являлось инструментом признания значимости их деятельности и получения финансирования под свои проекты. Насколько они соответствовали заявляемым «государственным интересам» — вопрос вторичен, поскольку любую гуманистическую деятельность перед чиновниками можно было обернуть в «патриотическую обертку», выбросив ее по получении гранта и достав еще раз при написании отчета. С одной стороны, такое положение дел давало простор для различного рода проходимцев, снижало эффективность государственных затрат и мешало осмыслению сути процесса со стороны вовлеченных чиновников и руководителей (а раз нет сложных форм мышления — будут простые в виде «палочной отчетности», «количества просмотров» или наивной идеи, что построить церковь или памятник — это «реальная работа», по сравнению со смутным «формированием сообществ»). С другой — создавало простор для буквального протаскивания вполне вменяемых гуманистических и культурных проектов.

Утилитарный pragmatism «мягкой силы» вел к тому, что многочисленные культурные, научные и гуманистические про-

6. Понятие ресурс здесь употребляется в том значении, которое ему придавал С. Кордонский, описывая систему государственного управления России: *Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России*. М., 2008; *Его же. Россия: поместная федерация*. М., 2010. О ренте как извлечении выгоды из близости к власти, а не в ходе рыночного обмена применительно к России см. здесь: *Фишман Л. Г., Мартынов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество в тени труда, капитала и демократии*. М., 2019.

екты отсекались государством или даже стигматизировались, если считались «вредными», или излишне «либеральными». Те исследователи, которые сосредотачивались на том, что делается государством или при его прямой поддержке и одобрении, получили неверное представление о степени вовлечения россиян и российских институций в глобальные культурные и научные проекты. Можно поспорить о том, кто больше сделал для включения россиян в международные интеллектуальные дискуссии: СВОП и «Валдайский клуб» или частные Европейский университет в Санкт-Петербурге и Московская высшая школа социальных и экономических наук.

Этот подход к «мягкой силе» вызывал немалую критику с разных сторон. Для одних было очевидно, что государство делает недостаточно для стимулирования «подлинного» научного, культурного и научного сотрудничества. Перманентная критика действий государства, не прекращающаяся сегодня, примечательна, хотя, полагаю, должна рассматриваться и как форма борьбы за распределяемые ресурсы⁷.

Другие, наоборот, считали утилитарный прагматизм недостаточно наступательным и имперским. Они решили присвоить себе понятие «русского мира», наполнив его радикальным православными и русско-этническими значениями. Голоса таких «аналитиков» были маргинальны в экспертной среде, однако постепенно увлекали различного рода политиков, желавших сыграть на пророссийских чувствах на Балканах или в «советскую ностальгию» на постсоветском пространстве. На это работали, например, РИСИ и структуры «православного олигарха» Константина Малофеева, Институт стран СНГ депутата К. Ф. Затулина, информационное агентство «Регнум» М. А. Колерова и «Anna-News», которую связывали со структурами ГРУ и которая информационно работала в интересах пророссийских сепаратистских сил на постсоветском пространстве. Однако общей идеей для имперских кругов было

7. См. напр.: Бурлинова Н. Четыре элемента публичной дипломатии: от идеи до формы // Российский совет по международным делам. 2022. 12 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/russian-softpower/chetyre-elementa-publichnay-diplomatii-ot-idei-do-formy>.

признание, что государство мало что делает в этом направлении, недостаточно «защищает русских» на постсоветских пространствах. Этот специфический дискурс привлек к себе немало сторонников, ставших участниками или проводниками силовой политики 2010-х гг. После начала полномасштабной агрессии против Украины эти идеи оказались особо востребованы государством.

Институциональная сетка

Дисперсная сеть официальных и формально независимых структур, призванных стать «агентами мягкой силы России», формировалась постепенно, преимущественно вокруг решения конкретных задач (продвижение русского языка, истории, взаимодействие с соотечественниками, работа с экспертными сетями) или конкретных фигур.

В одних случаях можно говорить о подвижниках, как о В. А. Москвине, который с 1990-х гг. второсортную районную библиотеку превратил в Дом Русского зарубежья, ставший ключевым центром изучения и популяризации наследия русской эмиграции. Во взаимодействии с чиновниками эта культурно-исследовательская работа описывает себя как «строительство русского мира» и «эксплуатация мягкой силы». В других — о политиках, чья карьера в определенной степени связана с работой в этом поле. Так, Вячеслав Никонов, председатель правления «Русский мир», через пять лет после этого назначения стал депутатом Государственной Думы и одним из ключевых публичных спикеров российской власти. Третий тип — это политические фигуры из высшей когорты российской власти, которые инвестировали в гуманитарные проекты ввиду личных представлений о прекрасном, удовлетворяя внутреннюю жажду публичного признания в качестве «государственных деятелей». Яркий пример — В. И. Якунин, в 2005–2015 гг. возглавлявший ОАО «РЖД». Он активно спонсировал проекты, прославлявшие российских монархов, содержал Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (заигрывавший с конспирологией и продуцировавший государственную риторику), а также вложился

и в «зарубежные проекты», такие как экспертная ассоциация «Франко-российский диалог», фонд «Андрея Первозванного» (возит ежегодно «священный огонь» из Иерусалима по России) и институт «Диалог цивилизаций»: регулярные летние форумы на Родосе стоит рассматривать и как механизм сетевого взаимодействия, и как вид элитарного и оплачиваемого государством туризма. Последние мотивы нельзя сбрасывать со счетов: для российских высокопоставленных чиновников культура и гуманитарная сфера в целом — это одновременно и инструмент пропаганды, и вид элитарного отдыха, и способ придать эстетическое измерение своей деятельности, как если бы «свои музеи и памятники» были свидетельством их статуса «государственных деятелей».

Еще в 2000-е гг. представители российских властей стали все больше внимания уделять положению русского языка в мире и работе с эмигрантами, а также их потомками. Понятие «русский мир» как раз и вело к этому переплетению языка и diáspory, хотя фактически речь шла о решении все же разных задач. Использование понятия «соотечественники» свидетельствует об интенции «присвоить» их, осмыслив культурную близость как связь именно с государством. В 2022 г. российское государство стало уже настойчиво требовать заменять понятие «эмигранты» на «соотечественников».

Отметим, что поле для работы было и остается достаточно большим. Хотя после крушения СССР и социалистического блока русский язык стал утрачивать международные позиции, он сохраняется в качестве основного языка ООН, является государственным языком Беларуси и одним из официальных языков в Казахстане и Кыргызстане. В Туркменистане — это один из языков межнационального общения. Имеет ту или иную степень признания на муниципальных или региональных уровнях в Молдове, Румынии, Австралии, США и других странах, где имеется значимое русскоязычное меньшинство. За последние 30 лет количество носителей и владеющих русским языком сокращалось, однако все же остается весьма серьезным. На 2023 г. по данным проекта «Ethnologue», русский язык является 9-м языком в мире по распространению: 147 млн носителей и еще для 108 млн человек он является вторым языком.

В этом он уступает не только китайскому, английскому и хинди, но и французскому, арабскому, испанскому,ベンガльскому и португальскому⁸. По данным российского Министерства иностранных дел, на середину 2010-х гг., количество русскоязычных людей на постсоветском пространстве оценивалось в 17 млн, еще 4 млн проживали в Германии, около 3 млн — в США и 1,5 млн — в Израиле, правда, по США эти данные стоит признать завышенными (около 879 тыс. пользовались им в повседневности, и около 2,7 млн считаются выходцами из России или их потомками)⁹. В Израиле, наоборот, сформировалась «русскоязычная субкультура»: в 30 городах они составляют более 1/5 населения, включая такие крупные, как Хайфа, Беэр-Шева и Ашдод¹⁰.

Однако нисходящий тренд, вызванный постимперской трансформацией и объективной слабостью российской экономики, стал предметом особой политической озабоченности, которая вела к секьюритизации темы языка и культуры. Деятельность по продвижению русского языка сопровождалась алармистской риторикой, воспроизводимой на разных уровнях политиками и различными экспертами. Например, один из них в 2011 г. жаловался, что в 1990 г. в Грузии было 500 русских школ, сейчас — 130, отмечая их радикальное сокращение и в Украине¹¹. Как правило, в такой аналитике отсутствовало изучение реальных причин невостребованности русского языка как языка международного общения и влияния на это

8. What are the top 200 most spoken languages? // Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/insights/ethnologue200>.

9. Klyueva A., Mikhaylova A. Building the Russian world: Cultural diplomacy of the Russian language and cultural identity // JOMEC Journal, 2017. URL: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/103224/1/456-1861-2-PB.pdf>.

10. Ханин З. Большая алия из СССР и постсоветских стран и становление «третьего Израиля» // Институт евроазиатских исследований. URL: <https://institute.eajc.org/большая-алия-из-ссср-и-постсоветских-с->.

11. Воронов А. В. Русский язык в современном мире // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennom-mire>.

снижение интереса российской силовой политики. Подобная риторика стала входить и в риторику В. В. Путина. Так, в 2019 г. он уже спокойно рассуждал о попытках «бесцеремонно сократить пространство русского языка в мире, вытеснить его на периферию»¹².

Общий тренд, конечно, находился на спаде, и путинская Россия его не переломила: в 1990 г. русский язык по всему миру изучали 74,6 млн иностранцев, в 2004 г. — 51,2 млн, а в 2018 г. — 38,2 млн. Если исключить постсоветское пространство, то падение еще серьезное: с 20 млн до 1 млн. Наиболее значительным оно стало в Восточной Европе и на Балканах: в 1990–2015 гг. количество владеющих русским языком упало с 38 млн до 8 млн¹³. Аналогичные процессы шли и на постсоветском пространстве. Еще в 2004 г. фонд «Наследие Евразии» подсчитал: в СНГ (без учета России) из 139 млн человек 36,9 млн не владели русским, 36,9 млн понимали его и только 61,2 млн использовали его для общения¹⁴. Эти цифры отражали объективные процессы постимперской трансформации этих территорий, однако одновременно порождали имперские комплексы, как если бы бывшие граждане СССР и их потомки обязаны разговаривать по-русски.

Ключевая роль в области продвижения русского языка и взаимодействия с «соотечественниками» была отведена фонду «Русский мир» В. А. Никонова. Помимо этого, каждые пять лет принимается федеральная целевая программа «Русский язык 2016–2020» (оператор минобрнауки / миннауки), с 2014 г. при президенте действует Совет по русскому языку. Согласно отчету фонда «Русский мир» за 2020 г. (последний по времени, размещененный на сайте), в 52 странах действовали 119 «русских центров», а в 58 государствах — 139 «кабинетов русского языка». Кроме того, фонд спонсирует ежегодно десятки различных

12. Заседание Совета по русскому языку // Президент России. 2019. 5 нояб. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986>.

13. Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР // РБК. 2019. 28 июня. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473dod9boab1>.

14. Пьянов А. В. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник КемГУ. 2011. № 3. С. 56.

мероприятий и культурных программ. В отчетах особо выделяется ежегодный съезд «соотечественников» под названием Ассамблея русского мира. Также «Русский мир» выступает в качестве оператора грантовых заявок: за 14 лет (2007–2020) поддержаны 2 472 (в среднем 176 в год)¹⁵.

Как видно из приведенных выше цифр, усилия не привели к качественному росту числа владеющих русским языком или изучающих его иностранцев. Единственные позитивные изменения связаны были с отдельными постсоветскими странами. По данным Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, в 2010-е гг. отмечался рост количества студентов в российских вузах из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, а также увеличение числа студентов, обучающихся на русском языке, в Беларуси, Таджикистане и Узбекистане: в общей сложности на 45 тыс., что является незначительным показателем, в то время как в Казахстане оно сократилось на 100 тыс.¹⁶

Обратим внимание, что привлечение иностранных студентов — один из ключевых приоритетов российского государства в области «мягкой силы», особенно сегодня, когда формы гуманитарного международного сотрудничества минимальны. Для иностранцев существует правительенная квота, в 2021 г. она составляла 18 тыс. мест, в 2022 г. она увеличилась до 23 тыс., а в 2023 г. — до 30 тыс.¹⁷ Правда, после агрессии против Украины интерес к российскому высшему образованию упал: в 2021 г. 70 тыс. заявок от иностранных студентов, а год спустя — 47,5 тыс. Как показывает исследование Российского совета по международным делам (РСМД), опубликованное в ноябре 2023 г., российские университеты и не стремятся

15. Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2020 году. С. 49.
URL: <https://russkiymir.ru/fund/docs/report2020.pdf>.

16. Как изменилось положение русского языка в мире за последние 30 лет // РБК. 2022. 31 марта. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/624591cc9a7947d35bfb12bfc>.

17. К 2023 году Россия увеличит квоту для иностранных студентов до 30 тысяч мест // Минобрнауки. 2022. 10 февр. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46932>.

особо продвигать свои услуги: даже качество их англоязычных сайтов оставляет желать лучшего (а по критериям РСМД, оно и вовсе снизилось за год). Даже у участников государственного приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» англоязычные сайты заполнены в основном на половину¹⁸.

Другое направление российской «мягкой силы» — история, интерес к которой у российского государства начал расти в 2000-е гг. на фоне споров о прошлом на постсоветском пространстве. Первые квазинезависимые структуры в этом поле появились в это же время. Если фонд «Исторической перспективы» Н. Нарачницкой (2007 г.) уже спустя 10 лет перестал играть какую-либо роль, то «Историческая память» историка А. Дюкова (2008 г.), подчиненный Администрации Президента, является успешным примером акторов политики памяти. Он сосредоточился на критике «героизации нацизма» в странах Балтии и в Украине, сумев выстроить собственную экспертную сеть вокруг этой темы.

В 2010-е гг. российская политика памяти во многом оставалась «внутренним продуктом», призванным сформулировать и высказать общенациональное единство. Борьба против «фальсификаторов истории» и «войны памяти» была по большей части медийным продуктом, транслируемым на российскую публику. Таким образом происходило формирование ложной повестки, отвлекающей внимание от более насущных проблем. Участие основных акторов политики памяти во внешней политике было спорадическим. Показательно, что примерно спустя год после аннексии Крыма в составе исполнительной дирекции Российского военно-исторического общества был расформирован международный департамент за ненадобностью. Вместо попыток стимулировать развитие научных и культурных контактов вокруг истории российское государство отдавало предпочтение тому, что входило

18. Тимофеев И., Бакуменко О., Карпинская Е., Солодухина Е. Электронная интернационализация: англоязычные интернет-ресурсы российских университетов (2023 г.). М., 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Digital-University-Report88.pdf>.

в обозначенную выше логику «либо развиваем дискурс, либо укрепляемся на местах». Так, усилиями Россотрудничества за рубеж была перенесена акция «Бессмертный полк», которая стала, впрочем, довольно ярким символическим механизмом демонстрации «российского присутствия». Также нарастила систематичность разовых мероприятий, организуемых дипломатическими представительствами. Кроме того, по моим подсчетам, в 2012–2018 гг. в европейских странах было установлено около 100 памятников, мемориальных досок или других знаков, прославляющих российскую армию или несколько реже — культуру¹⁹. В смысловом плане государство в основном интересовалось тем, как рассказать иностранцам о вкладе СССР или Российской империи (тем самым встраивая все империи в линейную историю современной России) в победу в мировых войнах, в культуру или науку. Несмотря на все разговоры о «повороте на восток» российская политика памяти всегда была и остается европоцентричной.

Третье значимое направление российской «мягкой силы» — выстраивание институтов, призванных стать «точками притяжения» общественно-экспертных сетей. В одних случаях речь шла о поддержке экспертно-научных институтов, которые стремились не столько стать агентами государства, сколько занять собственное и желательно престижное место на глобальной арене международно-экспертной мысли (будь то академические институты Российской академии наук, как ИМЭМО РАН, Институт Европы, Институт востоковедения, Институт славяноведения, Институт США и Канады РАН, или такие университеты, как МГИМО и НИУ «ВШЭ»). В этот ряд можно поставить и квазинезависимый Совет по внешней и оборонной политике, выпускавший с 2002 г. журнал «Россия в глобальной политике». В 2010 г. указом президента был создан «Фонд Горчакова» для финансирования инициатив в области «народной дипломатии». В следующем году заработал «Российский совет по международным делам», одновременно

19. См. Пахалюк К. А. Обращение к прошлому в контексте российско-государственного внешнеполитического дискурса (по материалам министерства иностранных дел) // Политическая наука. 2018. № 3. С. 239–256.

международно-политический think tank и экспертная площадка. Тогда же и «Валдайский клуб» из ежегодной (с 2005 г.) дискуссионной площадки для В. В. Путина развил подобный формат работы. Еще один проект «Rethinking Russia» возник в 2015 г., однако вскоре был закрыт.

Наиболее известным стало наращивание ресурсов медийного влияния, которое шло по двум направлениям. Первое — государственные СМИ: радио «Спутник» (до 2014 г. — «Голос России»), входящий в холдинг «Россия сегодня» и вещающий на 24 языках; и холдинг «Russia Today», ведущий вещание на английском (с 2005 г.), арабском (с 2009 г.), французском (с 2017 г.), немецком (с 2021 г.), имеющий также сайт на сербском и осуществляющий интернет-вещание и на китайском. Второе — неформальная работа в социальных сетях. В частности, речь о «фабрике троллей» Е. Пригожина, работавшей автономно под конкретные политические задачи.

К числу «эксплуататоров мягкой силы» относятся и другие ведомства: минкультуры (культурные мероприятия), минобороны (военно-мемориальные представительства), Росмолодежь (привлечение иностранной молодежи к своим мероприятиям), МЧС (помощь при гуманитарных кризисах), минобрнауки / миннауки (иностранные студенты). В 2009–2017 гг. на постсоветском пространстве и балканском направлении активность проявлял Российский институт стратегических исследований (в подчинении Администрации Президента), чей директор Л. П. Решетников в открытую эксплуатировал русско-православный этно-националистический дискурс. Его близость к «православному олигарху» К. Малофееву также симптоматична. На региональном уровне наибольшая активность принадлежала Москве (в ее подчинении собственный Дом соотечественника и Дом русского зарубежья) и Санкт-Петербургу, в целом интерес к теме «публичной дипломатии» у регионов достаточно низкий²⁰. Из негосударственных, но

20. См.: Бурлинова Н. В., Божко Д. Е., Табак В. Н. Табак, Е. С. Мельникова, А. Э. Толоконина. Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг. / Под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецовой, С. М. Гавриловой. М., 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/>

близких к власти, акторов наибольшее влияние принадлежит РПЦ. По мере нарастания усилий по развитию политически лояльного гражданского общества, государство стало создавать крупные грантовые фонды, такие как фонд Президентских грантов (2017 г.) и Фонд культурных инициатив (с 2021 г.), которые также выделяют деньги под «народную дипломатию».

Таким образом, речь идет о достаточно разветвленной, далеко не взаимосвязанной друг с другом, сети государственных и квазиобщественных организаций, которые превратили «мягкую силу» и «русский мир» в предмет извлечения прибыли, порождая, однако, сети сотрудничества и различные проекты. Ее работа в 2010-е гг. и после 2022 г. в полной мере не изучена, как и конкретные результаты, однако не следует огульно утверждать, будто вся эта работа проводилась в интересах возрождения СССР и оправдания агрессии против Украины.

Россотрудничество

Центральным ведомством, ответственным за российскую «мягкую силу», считается Россотрудничество, основанное в сентябре 2008 г. вскоре после «пятидневной войны». На данный момент в его подчинении находятся 85 «Русских домов», в более чем 70 странах и частично признанных территориях (таких, как Абхазия, Южная Осетия и Палестина). В Беларуси, Египте, Киргизстане и Таджикистане — по 2 представительства, в Казахстане — 4, а в Индии — 5²¹. Это заставляет предположить, что фокус внимания направлен на страны Востока, в основном азиатские, поскольку в Африке Россотрудничество представлено только в Тунисе, Замбии, Танзании, Эфиопии и ЮАР.

Согласно отчетам в 2021–2022 гг. ежегодно Россотрудничество тратило по 4,5 млрд рублей, при доходах в 900 млн

publications/praktiki-publichnay-diplomatii-regionov-rossii-2017-2021-gg.

21. Русские дома за рубежом // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/predstavitelstva-za-rubezhom>.

за этот период²². Учитывая падение курса рубля, в 2022 г. реальные расходы за рубежом даже снизились.

Ключевые направления работы звучат разнообразно и даже прагматично: привлечение иностранных студентов в российские вузы, обеспечение сохранности историко-мемориальных объектов (в основном невоенные захоронения эмигрантов на которые с начала 2010-х гг. выделяются правительственные средства), взаимодействие с «соотечественниками», популяризация русского языка и развитие волонтерских движений. Отдельное — различные тематические мероприятия к историческим и военно-историческим датам. Наиболее заметное, с середины 2010-х гг., это организация шествий «Бессмертного полка», которые стали весомым способом символического обозначения «русского присутствия» в мире.

Что было сделано реально за 9 млрд?

Возьмем официальные доклады, которые, по традиционной бюрократической логике, должны даже завышать активность и рассказывать о повышении эффективности расходов²³.

Первыми идут пропагандистские акции. По бюрократической логике, что ближе к началу — то важнее. В 2021 г. ведомство отчитывалось об организации акций «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти» и «Бессмертный полк», в 2022 г. — к ним добавились акции «Голос победы» и «Сад памяти». Больше акций — больше легко выполнимых задач для аппарата.

Правда, в 2021 г. «Диктант Победы» прошел в 80 странах, а спустя год — только в 45, но зато впервые его писали в Бангладеше и Мексике. Зато 300 тыс. человек просмотрели пропагандистский ролик «Это наша Победа», а в Бишкеке в 9 мая зажгли 3,5 тыс. свечей в память о детях Блокадного Ленинграда, оказавшихся в Кыргызстане. Годом ранее здесь высадили 80 деревьев в виде сада памяти. Количество деревьев и свечей

22. Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/open-foiv>.

23. Основные результаты деятельности Россотрудничества в 2021 году. URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/04/drond-2021.pdf>; Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2022 год. URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/04/drond-2022-god-dlya-razmeshheniya.pdf>.

в отчетах на 9 млрд рублей — это, конечно, не то, что ожидаешь увидеть, но ведь курочка по зернышку клюет.

Стали больше показывать фильмов на своих площадках. В 2021 г. речь шла только о «Подольских курсантах», в 2022 г. о целой программе показа советских мультиков и фильмов в рамках акции «Из России с теплом». Еще в Смоленске и Минске прошли целые кинофестивали. Зато исчезли из отчета онлайн-конференции блокадников (к 27 января) и ветеранов (к 9 мая).

Отдельное направление — мероприятия к каким-то датам (День любви и верности, юбилеи российских ученых, писателей и пр.). Здесь мы также видим проседание: с 70 мероприятий в 34 странах до 61 мероприятия в 25-ти. Чем заняты остальные «Русские дома» — непонятно. Но и тут есть успехи: в 2021 г. в честь полета Гагарина «Звездный десант» написали 17 тыс. человек, спустя год — 24 тыс. Также в 2022 г. юбилей Петра I «праздновали» в 48 странах. Помимо этого, состоялись Дни русской культуры в Анкаре (Турция) и провели Международную театральную школу в Бишкеке.

Петр I продвигался однозначно успешнее русского языка, с которым возникли проблемы. На курсах при «Русских домах» (70 представительств в 60 странах) в 2021 г. училось 18 тыс. человек, в 2022 г. — 15 тыс. Количество участников Дня русского языка упало с 110 тыс. до 9,8 тыс. Общее количество участников «мероприятий по популяризации русского языка снизилось» с 800 тыс. до 158 тыс. Меньше стали скачивать книги с сайта «Мой русский» (с 140 тыс. до 106,7 тыс.). Меньше и печатной литературы распространило Россотрудничество (с 170 тыс. единиц до 156,4 тыс., причем все ушли на постсоветское пространство). Может быть, это как-то связано и со следующим падением: количество активных аккаунтов ведомства в соцсетях упало с 350 до 300.

Сложно сказать, в чем причина снижения цифр: война или разница в отчетности, поскольку содержательно работа усилилась.

Вот сравните. В 2021 г. ведомство отчиталось о просветительских мероприятиях по русскому языку «Слово и образ» и «Русский язык и профессия» в Азербайджане, Узбекистане,

Беларуси, Таджикистане и Казахстане. На международную конференцию в Германии по проблемам русских школ собрали 119 участников из 38 стран и 192 человека — в Санкт-Петербурге на курсах повышении квалификации. Еще 14 студентов-филологов из России отправились на практику в зарубежные страны.

Но уже в 2022 г.: 500 специалистов из стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки посетили методические мероприятия по преподаванию русского языка. Также появилась платформа «Русский язык как иностранный», где за год скачали 3174 единицы пособий. Нельзя забыть и про недели русского языка в Турции и Германии, а также про «Российскую неделю математики, физики и компьютерных наук» для учащихся старших классов школ, изучающих русский язык в Сирии.

Хуже обстояли дела с продвижением российского высшего образования. Тут можно все списать на внешние обстоятельства, но Россотрудничество старалось: 90 «гибридных выставок» в Интернете, 4 образовательные ярмарки в Таджикистане и Киргизии. В 2021 г. речь шла о неких мероприятиях для поддержки науки (20 вузов и организаций России были связаны с непоименованным количеством участников из 86 стран), а в 2022 г. — уже о 300 мероприятиях в 82 странах.

Работа с соотечественниками — это опять мероприятия, раздача бесплатной литературы и обеспечение поездок в Россию. Так, каждый год Россотрудничество поддерживало около 400 мероприятий соотечественников, печатало краеведческую литературу о них (в 2021 г. Албании, Грузии, Казахстане, Молдавии и на Кипре, в 2022 г. — только в Германии, Кипре, Сербии и Тунисе). Книги и учебная литература, видимо, передаются по особому плану: в 2021 г. они ушли в Турцию, Армению и Беларусь, в 2022 г. — в Германию, Кипр и Молдову. Конференции и конкурсы для учителей русского языка из числа соотечественников были организованы в 2021 г. в 12 странах, а вот год спустя — только в 9.

В отдельную графу вынесено взаимодействие с молодежью: в 2021 г. 369 человека из 54 стран приняли участие в 22 мероприятиях, на следующий год — 509 человек в 20-ти.

Можно отметить рост эффективности: с 16,7 до 25,4 человек на одно мероприятие. Но вот за госсчет Россию стали посещать меньше российских сограждан. В 2021 г. 670 человек приехали на экскурсию в Россию (программа «Здравствуй, Россия!») и 600 человек — в Санкт-Петербург для участия во Всемирных играх юных соотечественников. В 2022 г. количество «правильно-патриотических» туристов снизилось до 533, а «игроков» — до 130.

Еще одно направление — уход за историко-мемориальными местами. В отчетах упомянуты некие работы в Болгарии, Греции, Италии, Марокко, Тунисе, Турции. Содержательно представлена работа только во Франции: реконструкция за счет внебюджетных средств Сен-Женевьев-де-Буа и восстановление могил художников Ларионова и Гончаровой. Также в 2022 г. вопросы реставрации захоронений прорабатывались в Сербии и Боснии и Герцеговине.

Россотрудничество нельзя обвинить в склонности к экспансии. Расширение деятельности связано только с Сингапуром: в 2021 г., согласно отчету, здесь завершалось строительство здания, а в 2022 г. «завершение» продолжалось, но уже в комплексе с православным храмом.

Но есть и содержательное развитие. В 2022 г. Россотрудничество обеспокоилось образом России за рубежом. Прежде всего, это проявилось в конкурсе для журналистов о России «Честный взгляд»: более 100 человек из Белоруссии, Ирана, Таджикистана, Узбекистана и Черногории в итоге бесплатно посетили Россию. Вслед за министерством иностранных дел был создан чат-бот для сбора жалоб о проявлениях национализма, правда, статистика за 2022 г. не представлена.

Новый трек — волонтерство. В 2021 г. совместно с НКО из Молдавии Россотрудничество запустило программу «Миссия добро»: по оказанию бесплатной гуманитарной помощи. В Узбекистане волонтеры рассказывали, как учить русский язык, а в Казахстане целый 21 день они «восстанавливали природные ландшафты, помогали сотрудникам приютов для животных, провели эко-уроки в школах». В 2022 г. ведомство отчиталось о 77 мероприятиях в Беларуси, Молдавии и Армении, а также

поддержки проектов фонда различных благотворительных фондов и НКО России.

Таким образом, согласно докладам-отчетам, «мягкая сила» Россотрудничества ограничивается преимущественно странами постсоветского пространства, в лучшем случае — Балканами и отдельными государствами Ближнего Востока и Западной Европы. Как такового «поворота на восток» здесь не состоялось. Количество «активистов» — около 1 тыс. человек, где-то до 25 тыс. можно определить в категорию «участников», а повседневная деятельность привлекает внимание около 100 тыс. человек (если верить отчетам). Деполитизированный характер многих проектов можно отметить положительно. Однако представленные показатели никак не бывают ни с заявлениями ответственных руководителей о «глобальной культурной борьбе» (отказ от реальной идеологизации всей своей работы примечателен и заслуживает внимания), ни с объемами финансирования, ни с сетью представительств. А это ставит неудобный вопрос об эффективности управления и необходимости содержать столь большую структуру, которая на практике оказалась экспортом постсоветских районных «домов культуры» за рубеж.

Обращу внимание, что эта метафора принадлежит не мне, а замглавы Россотрудничества Д. В. Поликанову, который в 2023 г. признал: «Русские дома подчас рассматриваются в качестве своего рода „домов культуры“, чья основная задача — обеспечение досуга соотечественников и дружественного дипломатического корпуса через проведение выставок, концертов и различных праздничных мероприятий, например, новогодних представлений и фуршетов»²⁴. Появление такой публичной критики примечательно, поскольку, ввиду особенностей российского политического пространства, где не принято «выносить скор из избы», она свидетельствует о дискус-

24. Поликанов Д. В. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы // Российский совет по международным делам. 2023. 17 апр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoi-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremenyy-rossiyskiy-opryut-i-perspektivu>.

сиях о том, насколько это ведомство России необходимо и что с ним надо делать.

Россотрудничество на пути реформ?

В 2023 г. на сайте «Российского совета по международным делам» заместитель руководителя Россотрудничества Д. В. Поликанов опубликовал две программные статьи о «мягкой силе». В них — без малого коренные предложения тотального реформирования этого ведомства, причем заявленные идеи, несмотря на несколько оговорок, идут в разрез с имперско-националистической Z-риторикой.

Первая статья появилась в апреле. Если отбросить первые абзацы (ритуальные штампы и знаки уважения к начальству) и последний раздел (где «отчет об успехах» скомбинирован с призывами к сотрудничеству к конкретным учреждениям), то остается в целом концептуальное сочинение. Вероятно, не меньше моего, Д. В. Поликанов был вдохновлен разобранными выше отчетами, а потому подверг разрушительной критике подчиненных. Дутая отчетность, отсутствие профессиональных кадров, опора на «профессиональных соотечественников», низкая медиаграмотность, отсутствие стратегии — все это не ново для любого, кто хоть раз соприкасался с реальной работой «Русских домов». Привлекают внимание сетования на бюрократическую негибкость, бюджетные ограничения, дипломатический статус, а также намек, что 80% расходов идет только на содержание аппарата. Среди «лекарств» Д. В. Поликанов обозначил конкуренцию за свободное время людей, аккумуляцию ресурсов на приоритетные направление и расширение сотрудничества с НКО. «Нужна аналитическая работа по изучению целевых аудиторий и гибкому реагированию на их спрос», «коммуникация ради коммуникации является важным элементом культуры, укрепления связей между людьми», «нужны не «одноразовые» события, а выстраивание последовательной цепочки воздействия на целевую аудиторию» — мысли простые, но, как это ни странно звучит (я без иронии), довольно смелые для российской бюрократии²⁵.

25. Там же.

В конце августа Д. В. Поликанов развел эти идеи, выступив с конкретными предложениями. Будущее Россотрудничества он увидел как реализацию четырех возможных сценариев: сохранение статус-кво, фокус на содействие международному развитию, превращение в «Роспропаганду» по типу Совинформбюро или агента по порождению новых сообществ. Хотя он и признает, что скорее всего, стоит совместить третий и четвертый подходы, все же сам он настроен на реализацию последнего из них²⁶.

В духе времени метафорически Д. В. Поликанов называет свою идею «гуманитарным десантом», что скорее скрывает ту интенцию, что просматривалась в первой публикации — пойти путем разгосударствления. Если кратко, то речь идет о координации работы порядка 70 «гуманитарных комиссаров», с опытом в политтехнологиях или коммерческих продажах, на которых работает «бэк-офис» (20–30 человек). Каждая команда работает в отдельной стране, выстраивая собственную стратегию работы с «пророссийскими гражданами».

Схема, сопровождающаяся финансовыми выкладками и рассуждением о потенциальных сложностях и критериях эффективности, выглядят очень смелой для российской бюрократии. При детальном рассмотрении вполне очевидно, что Д. В. Поликанов предлагает те идеи и конкретные решения, которые и двадцать лет назад вполне себе работали в области международного государственного сотрудничества. Однако если учесть, что перед нами текст бюрократического топ-менеджера, который не мог появиться без отмашки от руководства, то обращают на себя внимание следующие принципиальные вещи.

Во-первых, он фактически признает не только заскорузлость, но и токсичность российских государственных ведомств, особенно для внешних контактов в гуманитарной сфере. Когда в тексте замглавы ведомства, которое, на минутку, пожирает

26. Поликанов Д. В. О возможностях Россотрудничества и потенциале развития ведомства // Российский совет по международным делам. 2023. 22 авг. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-vozmozhnostyakh-rossotrudnichestva-i-potentsiale-razvitiya-vedomstva>.

из бюджета ежегодно 4,5 млрд рублей, встречается такая фраза: «Россия могла бы каждый год отбирать за рубежом и привозить в „Сириус“, „Кванториумы“, на региональные форумы 1000 талантливых и перспективных детей в возрасте 14–19 лет из-за рубежа», то складывается впечатление, что он считает Россотрудничество никчемной структурой. Предложения по развитию «экосистемы» гуманитарного сотрудничества (организация ведомств, сопровождающих иностранных студентов в России или поселенцев, увеличение грантов организациям, которые занимаются подготовкой учителей русского языка или мемориальной деятельностью) также указывают на то, что «мягкая сила» теперь — это не столько про системную работу «вовне», а про попытку из «этого во вне» что-то привлечь «вовнутрь».

Вероятно, Д. В. Поликанов весьма серьезно отнесся к той проблеме, которую я озвучивал на протяжении многих лет и проговаривал выше: государство самим фактом прямого участия в таких проектах ведет к их ненужной политизации²⁷. Решение простое: перейти от «развития дискурса и захвата мест» к мягкому патронату. Спрятать уши государства под шапкой «мы тут только сообщества формируем». Что ж, признание собственной токсичности — это первый шаг к выздоровлению.

Во-вторых, если не обращать внимание на военные метафоры, слова про русофобию, недружественную Чехию и инвективы в адрес релокантов, то перед нами программа человека из «партии мира» более подходящей для послевоенного будущего. Это во многом сближает его с повесткой, идущей из кругов, близких к С. В. Кириенко: под прикрытием «квасного патриотизма», все больше говорить про будущее, выгоды от сотрудничества с российским государством, новые возможности, личном развитии и перспективах²⁸. Все это было

27. Пахалюк К. А. Горячая память о Великой Отечественной // Российский совет по международным делам. 2022. 8 мая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/goryachaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy>.

28. Например, статья его близких соратников А. Д. Харичева и А. В. Полосина про молодежные образы будущего, где они пропагандируют идею России как страны возможностей для тех, кто готов

бы актуально в 2013 г. и, может быть, в 2021 г., но поезд ушел после двух «маленьких фактов»: сначала Россия начала полномасштабную агрессию против соседа, а затем предала своих граждан, отправив их убивать невинных людей и погибать, пусть и за неплохую цену в виде гробовых. Демократическая Россия возможна только вокруг обсуждении этих двух вопросов, а для путинского авторитаризма идеи Поликанова — опасная и пугающая вольность.

В-третьих, предлагаемая реформа чем-то напоминает идеи Н. Карамзина, что проблемы России решатся, если просто найти группу достойных губернаторов. То есть опора на личности, а не на институты. Д. В. Поликанов, конечно, тоже предлагает практические институциональные решения, но ставку предлагает делать на «комиссаров». Возможно, он видит их Дягилевыми с «Русскими сезонами», правда, предлагаемый «мягкий патронат» все также включает согласования и отчетности в Москве, перед безликими представителями государства. Бюрократы, интриганы, рвачи или эффективные менеджеры — неважно благодаря каким талантам они поднялись. Эти люди, как правило, не имеют никакого представления о культуре и гуманитарной сфере в целом, но полагают возможным сдержантельно высказываться о тех вещах, в которых мало что понимают. Вместо системной работы государства в интересах «своих граждан» — попытка быть не управленцем и государственным деятелем, а демиургом. Перед нами все тот же утилитаризм, пусть и со спрятанными государственными ушами. В качестве рабочей альтернативы видится система государственных и частных грантов, которые в значительной степени распределяются через конкурирующие профессиональные сообщества. Требование от исполнителей политической лояльности действующим элитам или следования государственной

с ним сотрудничать: Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9–19. На этой же ноте заканчивается и учебник истории России за авторством В. Р. Мединского (также в подчинении С. В. Кириенко) и А. В. Торкунова.

внешней политике должно быть запрещено. Однако сам ход мысли в сторону разгосударствления гуманитарной деятельности стоит поддержать как форму демонтажа институтов путинской России.

Заключение

Если рассматривать «мягкую силу» в качестве инструмента, продвигающего «российскую модель развития», или политики, посредством которой Россия включается в обсуждение проблем мирового развития и культурной глобализации, то этого не существует. Осознанная ставка на утилитаризм (почему-то называемый pragmatism) низводит «мягкую силу» до пропаганды или приводит к политизации, а то и откровенной профанации культурно-гуманитарных вопросов. История, культура, православие, русскоязычная диаспора — все это видится в качестве потенциальных ресурсов для извлечения выгоды. Обратная сторона — раздражение, когда «потенциальный ресурс» видит себя субъектом, а то и основным выгодополучателем (т. н. «профессиональные соотечественники»).

За этим сквозит системное непонимание значимости культурных, научных и прочих контактов (тот самый network building), которые кажутся чем-то малозначимым, проходным и ненужным, если не оборачиваются громким пиаром или их нельзя использовать в качестве свидетельства поддержки проводимой внешней политики. Люди и дело — вторичны по сравнению со смутно понятыми «государственными задачами». Неудивительно, что несмотря на все разговоры, количество изучающих русский язык и разговаривающих на нем постепенно снижается, в том числе благодаря усилиям самой официальной России: война против Украины — яркий сигнал всем другим странам постсоветского пространства.

Конечно, внутри описываемой системы всегда были люди, которые видели поле культурно-гуманитарного сотрудничества иначе, однако их активность никак не могла восполнить системные недостатки, вызванные органическим нежеланием ответственных лиц содействовать как распространению по миру культурного и научного потенциала россиян, так и ра-

боте с теми группами, которым интересна Россия как страна, а не государство.

Однако сегодня, несмотря на агрессию против Украины и влияние идеологических шор Realpolitik, «мягкая сила» России сохраняет определенный потенциал. В его основе лежат три социальных явления.

Первое: «советская ностальгия» среди отдельных групп жителей постсоветского пространства, которые недовольны своим положением и готовы даже на «русские танки», если вслед за ними пойдет поток финансов. Такие люди сыграли пагубную роль в ходе российского вторжения в Украину, несомненно их наличие в Беларуси и Молдове, однако требуется количественная оценка. В активе остаются непризнанные политические образования, такие как Абхазия, Осетия и Приднестровье, находящиеся под российским влиянием. Правда, сдача Москвой четвертой такой «республики», Нагорного Карабаха, имеет в перспективе непредсказуемые последствия (в трех оставшихся «сигнал о последствиях в случаях дистанцирования от Москвы» может быть осмыслен и как повод найти других покровителей). В целом, имперская идея плотно связана с особенностью политэкономического развития России, где федеральное правительство выступает распределителем доходов от обширных ресурсных рент. Остается лишь удивиться, почему на этой основе провластные политологи и философы не сформулировали «национально-имперскую идеологию», хотя отдельные программные тезисы, высказываемые в рамках идеологического проекта «ДНК России» под кураторством С. В. Кириенко, указывают на движение в этом направлении.

Второе: антizападный ресентимент тех групп, которые ввиду объективного проигрыша от глобализации или намеренной эксплуатации «исторических обид» готовы приветствовать Россию в качестве антizападной альтернативы. Зачастую речь идет не о реальном приветствии, а о специфической риторике, которая, впрочем, улавливается российскими государственными медиа и активно транслируется внутри России, создавая образ самих себя в качестве «альтернативного центра силы». В некоторых случаях риторика «российской угрозы» даже используется во внутренней политике других стран, будь то

США (после выборов Д. Трампа), или Нигер в 2023 г. (накануне военного переворота). Однако было бы поспешным считать это однозначно выгодным для российской внешней политики. Здесь показательно навязчивое стремление ХАМАС в октябре 2023 г. публично записать Россию в свои союзники, намеренно преувеличивая степень ее содействия. Впрочем, нельзя выпускать из внимания моральное удовлетворение ряда членов российских политических и идеологических элит от такого рода заявлений. Радикальные антizападные и левые идеи — это то поле, в котором агенты российского государства могут работать.

Третье: милитаризированный образ России тесно связан с политикой «силового предпринимательства», а именно продажи военных услуг авторитарным режимам Африки и Ближнего Востока. В этом начиная с конца 2010-х гг. была относительно успешна ЧВК «Вагнер». Она занималась и предложением политконсалтинговых услуг африканским политикам. По сообщениям СМИ, в некоторых случаях (как Гвинея и Зимбабве) такое сотрудничество было успешным, в других (Мадагаскар) — нет²⁹. Журналисты из издания «Проект» утверждали о присутствии пригожинских политтехнологов в 20 странах Африки³⁰. Однако после гибели (убийства?) Е. Пригожина в августе 2023 г. это направление остается под вопросом. Затяжная война против Украины и фактический отказ от гарантий Армении в отношении Нагорного Карабаха в 2023 г. нанесли удар по имиджу России как «силового брокера»: отсюда можно ожидать попытки подкрепить эти неудачи продвижением милитаризированной эстетики, которая, однако, скорее всего, останется «нишевым» продуктом.

Война против Украины, сопровождаемая лозунгами о «русофобии» и призывами «восстановить советскую империю / русский мир», нанесла сокрушительный удар по любому использованию культурного и гуманитарного сотрудничества от лица или под эгидой российского государства. Противоречивая риторика в отношении релокантов (более 800 тыс. только за

29. URL: <https://www.proekt.media/investigation/prigozhin-afrika>.

30. URL: <https://www.proekt.media/investigation/prigozhin-polittekhnologi>.

первый год) варьируется от обвинений в предательстве (председатель Государственной Думы В. В. Володин) до описания их в качестве потенциального ресурса (пресс-секретарь президента Д. Песков, Д. В. Поликанов). Это указывает на стремление государства видеть в своих гражданах и результатах их деятельности некий ресурс. Разница лишь в том, считаются ли они в данном случае «плохим активом», от которого надо избавиться, или осмысяляться в духе некоей вариации «стратегических вложений», отдача от которых будет в далеком будущем.

DOI: 10.55167/5eee1f4f76c6

Русское Православие на путях оправдания насилия

Сергей Чапнин

Старший научный сотрудник Центра православных исследований Фордемского университета, главный редактор альманаха современной христианской культуры «Дары»

Русская Православная Церковь (РПЦ) поддержала агрессию против Украины и облекла свою поддержку в религиозные одеяния. При этом РПЦ проявила удивительное единодушие: никто из епископов на территории России не выступил против агрессии, а редкие антивоенные выступления духовенства жестоко карались церковными властями. Это позволяет предположить, что к началу российской агрессии в Русской Православной Церкви сложился определенный консенсус, если не конкретно по отношению к войне в Украине, то, по крайней мере, к безоговорочной поддержке государства и оправданию насилия в целом. Какие для этого были предпосылки и как именно был сформирован механизм солидарной поддержки авторитарного государства и культа насилия со стороны Церкви? В эпоху церковного возрождения у Церкви, казалось, были силы сопротивляться этому и выбрать иной путь развития.

В последние годы, и это связано не только с полномасштабной агрессией России против Украины, происходит серьезная переоценка¹ — историческая, богословская и этическая — того периода, который принято называть *церковным возрождением*². На протяжении трех десятилетий было принято

1. Прежде всего здесь следует назвать документ «Декларация об учении о „Русском мире“» (<https://publicorthodoxy.org/ru/2022/03/13/10845/>) и исследование Кристины Штекль и Дмитрия Узланера «The Moralist International. Russia in the Global Culture Wars» (2022).

2. Подробнее см., например: Игумен Перт (Мещеринов). Проблемы воцерковления. – М.: Quo Vadis, 2010; Чапнин С. Церковное возрождение. Итоги. М.: Эксмо, 2018.

говорить как минимум о положительной динамике при описании церковной жизни начала 1990-х — конца 2010-х годов, а внутри самой Русской Православной Церкви преобладал триумфалистский подход как к описанию внутрицерковных проблем, так и отношений Церкви с государством и обществом.

Религиоведы и журналисты делали акцент на анализе политических и экономических³ процессов, происходящих в РПЦ, однако общего критического анализа тенденций развития или, — вероятно, это будет более правильно, — мутаций РПЦ сделано не было.

На каких развилках РПЦ сделала ошибочный выбор, предпочтая критерии удобства и выгоды, а не следованию Евангелию и правде Божией? Почему эти ошибки не были замечены вовремя и исправлены? Разговор об этом только начинается, однако предварительные замечания уже вполне можно сформулировать.

1) Так же, как и российское общество в целом, РПЦ лишь декларировала осуждение государственных репрессий в XX веке, которые привели, в частности, к уничтожению независимой Церкви и созданию Московской патриархии, полностью лояльной советской власти и готовой с ней сотрудничать. Более того, возникли попытки оправдания советской власти и, соответственно, ее мифологизации и даже героизации.

2) Московская патриархия сделала ставку на авторитарную модель управления, укрепляя иерархическую вертикаль и максимально ослабляя приходы, делая их практически бесправными, а приходское духовенство, вопреки церковным канонам, лишая права голоса и какой-либо защиты.

3) Высшее церковное руководство отказалось от какой-либо отчетности перед Церковью и поощряло различные формы коррупции, формируя особый класс церковной бюрократии, заинтересованной в сохранении своей власти и своих доходов.

4) Московская патриархия внесла значительный вклад в формирование неоимперской идеологии, которая стала осно-

3. См., например: *Рейтер С., Напалкова А., Голунов И.* Расследование РБК: на что живет церковью. URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/24/02/2016/56c84fd49a7947ecbf1473d> (доступ 19.11.2023).

вой путинского режима. Именно РПЦ «продала» Кремлю концепции «русского мира» и традиционных ценностей и создала основу для пренебрежительного отношения к правам человека, а порой и прямо оправдывала их нарушение.

5) Наконец, РПЦ активно включилась в работу с российской армией, формулируя для нее новое представление о долге и о смерти через ложную — на грани ереси — трактовку евангельских слов о любви: *Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13).

Безусловно, общий анализ не может и не должен быть ограничен перечисленными выше темами, однако они вполне могут послужить отправной точкой для разговора. На последнем тезисе я остановлюсь подробнее.

Сознательный отказ Церкви от осуждения тоталитарного государства

В 1990-е годы Русская Православная Церковь сделала многое для того, чтобы восстановить свое влияние и авторитет в постсоветском обществе и в новом российском государстве.

Одной из центральных тем стала историческая память. В церковном контексте сужение проблематики исторической памяти до памяти о гонениях и новомученикахказалось вполне закономерным. По мере того, как раскрывались архивы, картина уничтожения Церкви как непримиримого врага Советского государства, развертывалась с ужасающими подробностями.

На рубеже 1980-1990-х годов это позволило Церкви сделать смелый политический ход и начать позиционировать себя в качестве единственного общественного института, который сохранился со времен Российской империи и, следственно, может обеспечить связь с исторической, то есть несоветской — а порой и антисоветской — Россией.

Здесь точкой отсчета считается конец 1989 года, когда был причислен к лику святых Всероссийский патриарх Тихон (Беллавин, 1865–1925), который вскоре после Октябрьского переворота анафематствовал советскую власть:

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы.
Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поис-

тине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной. Властью, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной⁴.

В Советском Союзе на протяжении десятилетий имя патриарха Тихона как явного врага советской власти было фактически под запретом, и канонизация — неожиданная, подготовленная практически втайне — стала одним из первых признаков того, что Русская Православная Церковь обретает самостоятельный голос и выходит из-под контроля спецслужб и советского государства.

Десятилетием позднее, на Архиерейском соборе в 2000 году были прославлены около 1000 новомучеников, а к 2020 году число имен в Соборе Новомучеников и исповедников фактически удвоилось и превысило 1700.

Тема гонений советской власти на Церковь перестала быть запретной и постепенно стала не только центральной для исследований по истории Церкви, но и частью церковной культуры в широком смысле слова — новомученикам были написаны иконы, составлены богослужебные тексты, в их честь были освящены храмы.

Однако со временем стало ясно, что процесс канонизации новомучеников не лишен серьезных проблем и противоречий. С точки зрения массового религиозного сознания важнее были святые, которые могут помочь в решении конкретных проблем, как, например, канонизованная в 1998 году блаженная Матрона Московская (Никонова, 1881(?)—1952), не имеющая к новомученикам никакого отношения. Пример святых, сохранивших свою веру перед лицом жестоких гонений, в конце XX века многим казался неактуальным.

В 2006 году значительно осложнил работу церковных историков федеральный закон № 152 «О персональных данных».

4. Послание Святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918. URL: <https://martyr.ru/331-2013-02-01-22-33-21> (доступ 19.11.2023).

Он фактически закрыл доступ исследователям к судебно-следственным делам, содержащимся в российских архивах. Однако Церковь не решилась выступить публично против запретов, которые принимало государство. Было уже очевидно, что закрытие архивов связано с желанием российских спецслужб, которые вновь получили возможность взять под контроль различные сферы жизни российского общества, не афишировать карательных характер спецслужб в советское время, прямыми наследниками которых стали российские спецслужбы и заморозить все исследования в этой области. Все попытки историков и церковных краеведов организовать официальное письмо с выражением хотя бы озабоченности со стороны Церкви, окончились безрезультатно.

Ясным сигналом, что Церковь взяла новый курс на сотрудничество со спецслужбами, стало приветствие митрополита Варсонофия (Судакова) по случаю 80-летия УФСИН России по Республике Мордовия. «Примите искренние поздравления с 80-летием Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Мордовия!» — так начал митрополит Варсонофий. И далее продолжил:

С исторической точки зрения 80 лет — это относительно небольшой период, но за это время Вы прошли путь от первого построенного здания в непроходимых лесах Мордовии до одной из лучших в России системы исполнения наказаний, освоившей территорию от Потьмы до Барашева протяженностью более 50 километров. Ваш повседневный труд по исполнению наказания для тех, кто совершил преступление, является служением нашему Отечеству и требует от Вас полного напряжения всех физических и духовных сил. Исполняя наказания осужденных за преступления, Вы укрепляете веру в справедливость, а помогая осужденным стать на путь исправления, вы возвращаете их к жизни и ограждаете общество от новых преступлений⁵.

5. Послание управляющего делами Московской Патриархии митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия в связи с 80-летием УФСИН России по Республике Мордовия. URL: <http://www.soborushakova.ru/index.php?id=25870> (доступ 19.11.2023).

Без преувеличения можно сказать, что это приветствие вызвало шок, так как ФСИН Мордовии — это прямой наследник сталинского ГУЛАГа, на этой территории были расположены Темлаг и Дубравлаг, в которых содержались в том числе священники и епископы. Например, известный литургист епископ Афанасий (Сахаров) срок по последнему приговору отбывал в Дубравлаге с ноября 1946 года по май 1954 года и провел в лагере сверх срока два с половиной года.

Получается, что митрополит Варсонофий, один из ближайших сотрудников патриарха Кирилла в первые годы его патриаршества, как минимум умалчивал о реальной истории колоний на территории Мордовии — по крайней мере на протяжении нескольких десятилетий никакой речи об «укреплении веры в справедливость» быть не могло. Эти лагеря были частью репрессивной машины советского государства по уничтожению граждан, которых оно объявило классовыми врагами.

Всего через год после этого пафосного обращения митрополита Варсонофия в ИК-14 на территории Мордовии будет отбывать срок Надежда Толоконникова из Pussy Riot, получившая такой же незаконный — с точки зрения права — срок, как и жертвы политических репрессий 1930–40-х годов.

В том же 2011 году Владимир Легойда, председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата, предложил новую политическую формулу, которая перечеркнула прежнее отношение к новомученикам. Несмотря на многочисленные возражения она вошла в документ «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших», который был подготовлен Межсоборным присутствием Русской Православной Церкви и принят Архиерейским собором в 2011 году:

Подвиг новомучеников и исповедников свидетельствует об их противостоянии богоборчеству, а не государству как таковому⁶.

6. О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших. URL:

Эта формула очень понравилась патриарху Кириллу, так как отражала «новый курс» РПЦ на *встраивание* в новое авторитарное государство, которое вскоре начал строить Владимир Путин.

Несколько месяцев назад, весной 2023 года, ФБР рассекретило один из документов⁷, который ясно свидетельствует о том, что сразу после избрания на Московский патриарший престол Кирилл стал выстраивать системное взаимодействие с российскими спецслужбами и, вполне возможно, что последовательное выведение государства из пространства какой-либо критики со стороны Церкви было одним из ключевых условий такого сотрудничества.

Иерархическая вертикаль Московской патриархии и церковная коррупция

После 1917 года Православная Церковь не только была лишена всех своих привилегий, но и на несколько десятилетий оказалась вне закона. Только в 1943 году Сталин согласился на легализацию Церкви и позволил зарегистрировать ее под новым названием, которое и сейчас широко известно — Русская Православная Церковь⁸.

Бурное развитие церковной жизни в начале 1990-х годов привело к тому, что возникло стихийное мирянское движение, одной из форм которого стали православные братства, сыгравшие огромную роль в открытии новых приходов, в организации миссионерской, катехизаторской и просветительской работы. Однако церковная иерархия, испугавшаяся такой во многом бесконтрольной активности мирян, в 1994 году фактически запретила братства, ограничив их деятельность рам-

<http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907> (доступ 19.11.2023).

7. Первую публикацию документа и комментарий к нему подготовили исследователи российских спецслужб Андрей Солдатов и Ирина Бороган: Как РПЦ помогает разведке вербовать агентуру в США. URL: <https://agentura.ru/investigations/cerkov/> (доступ 19.11.2023).

8. Прежнее название Церкви в Российской империи — Православная Кафолическая Восточная Греко-Российская Церковь.

ками приходов и жестко подчинив их настоятелям храмов. Это был первый, и как впоследствии оказалось, один из самых чувствительных ударов по формирующемуся горизонтальным связям между церковными общинами.

Одновременно формировалась новая церковная бюрократия — создавались новые синодальные отделы, для них подбирали сотрудников как из числа духовенства, так и мирян. Практически сразу, еще в первой половине 1990-х годов, руководители синодальных отделов сумели создать целый ряд коррупционных схем, в рамках которых отмывались десятки, если не сотни миллионов долларов. Самой известной и самой крупной стала афера с безакцизным ввозом в Россию табака и алкоголя в 1996 году. Главным организатором и бенефициаром этой аферы стал митрополит Кирилл (Гундяев), который уже в следующем, 1997 году, получил прозвище «табачный митрополит». Однако это была далеко не единственная афера. Чуть позднее РПЦ получила квоты на экспорт нефти. Значительные средства осели на счетах высшего эшелона церковной бюрократии в результате присвоения средств, выделявшихся на социальные, благотворительные и образовательные проекты.

Видимо, именно в это время высшая церковная иерархия поняла, что реальные деньги Церковь может получать только от государства и аффилированного с ней крупного бизнеса. Прихожане, мелкий и средний бизнес существенной — для церковной иерархии — роли в финансировании Церкви играть не будут.

Тем не менее в период патриаршества Алексия (Ридигера, 1929–2008), авторитарной административной вертикали не существовало, и приходские общины, не связанные ни жесткими административными, ни финансовыми, ни идеологическими обязательствами могли сравнительно спокойно развиваться и выстраивать свою жизнь в соответствии со своими богословскими и церковно-практическими взглядами.

Безусловно, иерархический принцип лежит в основе канонического устройства Православной Церкви, однако крайне важно понимать, что это не единственный принцип. Он должен сочетаться с принципом соборного управления, использовать по крайней мере элементы демократических процедур.

Ситуация резко изменилась в результате радикальных административных реформ патриарха Кирилла. Церковная бюрократия получила полный контроль и исключительную власть над всей церковной жизнью. С одной стороны, патриарх Кирилл учредил новые институты церковного управления — Межсоборное присутствие Русской Православной Церкви, Высший церковный совет, а также учредил на территории России множество новых епископских кафедр. Однако в итоге все эти институты оказались лишь имитационными формами соборного управления. Все они оказались прикрытием — до поры до времени вполне удачным — той авторитарной системы, которую выстраивал патриарх Кирилл.

Резко выросло количество доносов, которые, в отличие от эпохи патриарха Алексия II, становились основой для принятия серьезных кадровых решений. Любые формы инакомыслия и нелояльности предельно жестко пресекались. Личная лояльность патриарху Кириллу постепенно становилась одним из главных принципов кадровой политики Московской патриархии.

Создавая авторитарные формы церковного управления, патриарх Кирилл, безусловно, копировал Путина и, как позднее оказалось, не гнушался опираться на спецслужбы, когда речь шла о пересечении государственных и церковных интересов. Наиболее ярко это проявилось в 2022–2023 годах в преследовании антивоенно настроенных священников, когда угрозы в их адрес звучали не только со стороны правящего архиерея, но и в некоторых случаях напрямую со стороны ФСБ⁹.

Война и насилие в евангельской и богословской перспективе

Прочно ассоциируя себя с политикой Российской Федерации, РПЦ постоянно вовлекалась в конфликты на постсоветском пространстве. Полномасштабная война в Украине не стала

9. Опубликованных свидетельств об этом нет, однако отсутствие публикаций связано прежде всего с тем, чтобы не ставить под угрозу жизнь тех священников, которых прямо запугивали сотрудники ФСБ.

исключением, наоборот, кульминацией вовлеченности Церкви в противостояние с теми соседями-единверцами, которых авторитарное государство посчитало своими врагами.

В 2015 году, вскоре после аннексии Крыма, я впервые заметил, что склонность к насилию и оправданию насилия носит не случайный характер, а становится характерной чертой современного Русского Православия не только в его административно-институциональных формах, но и на уровне различных форм православного активизма¹⁰.

Сituативно реагируя на исторические вызовы конца XX — начала XXI веков, РПЦ полностью отказалась от того богословского и церковно-общественного наследия, которое формировалось — при активном участии представителей РПЦ — в Европе после окончания Второй мировой войны и особенно в годы «холодной войны» между Востоком и Западом. Широкое богословское осмысление проблем войны и насилия шло по нескольким направлениям и представители РПЦ если не участвовали во всех дискуссиях непосредственно, то внимательно следили за их ходом. Здесь следует отметить три основных направления:

1. миротворческий диалог в рамках международных экуменических организаций;
2. богословские исследования Юргена Мольтмана и ряда других богословов в рамках направления, получившего название *богословие после Освенцима*;
3. религиозно-философские исследования Рене Жирара и его концепция миметического насилия.

1. Экуменический миротворческий диалог. В период гонки вооружений и нарастания угрозы ядерной войны теория «священной войны» была осуждена христианскими богословами разных христианских Церквей, и Православные Церкви не были исключением. Более того, широкое распространение

10. Чапнин С. Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святыне // Страницы: богословие, культура, образование. 2016. 20:1. Р. 69–79. URL: [https://www.academia.edu/28937075/Православие_в_публичном_пространстве_война_и_насилие_герои_и_святыне_\(access_19.11.2023\)](https://www.academia.edu/28937075/Православие_в_публичном_пространстве_война_и_насилие_герои_и_святыне_(access_19.11.2023).).

получила позиция, которая утверждает, что и теория «справедливой войны» не может ответить на вызовы современного мира. Потому на место теории справедливой войны приходит теория *справедливого мира* (теория поддержания справедливого мира, англ. *just-peacemaking theory*). Во второй половине XX в. в лексике христианских церквей появляется характерный термин «богословие мира». Одной из задач церквей считается активное миротворчество, постоянные усилия для поддержания мира на планете. Война рассматривается как абсолютно недопустимое средство разрешения конфликтов, поскольку теперь она несет в себе угрозу уничтожения человечества. Церкви начинают активно сотрудничать со специалистами в области практической политологии с целью выработки эффективных методов сохранения мира и предотвращения военных столкновений.

К концу XX века международное экуменическое движение оказалось в глубоком кризисе, а институты, обеспечивающие экуменический диалог, во многом утратили свой авторитет.

На смену им пришли сетевые организации, прежде всего христианских консерваторов, которые, с одной стороны способствовали внедрению культурных войн на постсоветском пространстве, а с другой стороны внедряли консервативную повестку в различных международных организациях, включая ООН.

2. Богословие после Освенцима. Выдающий богослов из Германии Юрген Мольтман утверждает, что в христианском осмыслении трагедии и зла Освенцима главный фокус — это страдающий Бог. «И совершенно верно, что после Освенцима богословский пересмотр образа Бога в целом начался с Его всемогущества», — подчеркнул Мольтман. Вспоминая Дитриха Бонхеффера, Мольтман повторяет его слова: «Только страдающий Бог может прийти на помощь». В конфликте между преступниками и жертвами только страдающий Бог всегда на стороне жертв.

Эмилио Джентиле, занимаясь критическим анализом тоталитарных режимов, отмечает, что фашизм — это одно из проявлений *сакрализации политики*:

Политическая религия... *санкционирует насилие* (курсив мой. — С. Ч.) как легитимное оружие в борьбе против тех,

кого считает своими внутренними и внешними врагами, и как средство обновления коллектива¹¹.

Другими словами, идею Всемогущего Бога «забирают себе» тоталитарные режимы и на этой или подобной основе строят свою политическую религию.

Примечательно, что все попытки открыть новое исследовательское направление «богословие после ГУЛАГа» серьезного развития не получили, хотя вполне очевидно, что здесь есть огромное пространство для богословского анализа.

3. Миметическое насилие. Связь насилия с жертвой через описание самого акта жертвоприношения как морально нейтрального и свойственного любому человеческому сообществу, позволяет проанализировать самые различные конфликты, используя новую оптику. Жирар делает особый акцент на уникальности евангельского благовестия, которое заключается в том, что только Христос последовательно отменяет всякое насилие. Такой подход дает возможность вернуться к доконстантиновскому, доимперскому прочтению Евангелия и увидеть задачи христианской жизни как для отдельного христианина, так и для всей Церкви в перспективе полного отказа от насилия и поиска внешних врагов.

И здесь следует отметить, что в богословском дискурсе официальной Церкви в России произошел радикальный — вплоть до возможности квалификации его как ереси — разворот. Речь идет о понимании и толковании слов Спасителя из Евангелия от Иоанна: *Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13).

Это цитата из прямой речи Спасителя во время последней беседы со своими учениками после Тайной Вечери. В этих словах речь идет вольной жертве и предстоящей смерти Самого Богочеловека на Кресте, без каких-либо дополнительных коннотаций о насилии над другими и уж тем более о том, что это может быть сопряжено с намеренным убийством, например, врагов на поле боя. Наоборот, никакой крови, даже своих

11. Джентile Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации. URL: <http://gefster.ru/archive/10519> (доступ 19.11.2023).

врагов, Спаситель не проливает, оставляя их жизнь, их судьбу и в земной, и в вечной жизни на суд Своего Отца: *Отче! Прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34).

Однако, когда фраза вырывается из контекста, — а православные проповедники поступают именно так, никогда не используют эти слова Спасителя в контексте 15-ой главы — она приобретает иной смысл. Фактически Церковь говорит воинам, что в любой ситуации они отдают свои жизни не напрасно.

Вот фрагмент проповеди патриарха Кирилла 9 мая 2020 года, на литии по погибшим и усопшим участникам Великой Отечественной войны:

Религиозное возрождение нашего народа во время войны — это один из факторов, который, несомненно, повлиял на ее исход. Потому что верующий человек исполняет свой долг, имея ответственность не только перед начальником, который над ним поставлен, но и перед своей совестью и, самое главное, пред Богом. А ведь именно Господь сказал: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин. 15, 13). Господь призвал нас быть готовыми отдавать свою жизнь за других, и если в мирное время эта заповедь не воспринимается как очень актуальная, то в военное время она сделалась для многих руководящим принципом их жизни¹².

Говоря о смерти на поле боя патриарх Кирилл намеренно игнорирует контекст. Речь идет не о пацифистах, которые сознательно отказываются от насилия и без всякого оружия в руках принимают смерть, как мученики в Ранней Церкви. Речь идет о тех, кто имел твердое намерение убивать и убивал сознательно, порой жестоко и многократно. Такая «забота о друзьях» тесно связана с ненавистью к врагу. Этот посыл сформулирован в стихотворении Константина Симонова, «Убей его!», написанного в 1942 году:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!

12. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после литии в день 75-летия Победы. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5633969.html> (доступ 19.11.2023).

Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Пытаясь преодолеть это явное нравственное противоречие митрополит Тихон (Шевкунов) в интервью телеканалу «Россия-24» в ноябре 2022 года заявил, что общаясь с военнослужащими 76-ой десантно-штурмовой дивизии после возвращения с оккупированной территории Украины, он не видел еще «ни одного пылающего ненавистью к украинцам» солдата и добавил:

Инвалиды на всю жизнь, но у них нет никакой ненависти — вот это меня просто поражает. Когда же смотришь некоторые репортажи и высказывания с той стороны, то поражает именно ненависть¹³.

Эти красивые и благочестивые на первый взгляд слова звучат совсем иначе, если вспомнить, что именно солдаты и офицеры Псковской дивизии вошли в Бучу и Ирпень и вместе с войсками Росгвардии несут ответственность за массовые убийства мирных жителей.

Однако еще более проблематичным использование цитаты из Евангелия становится в контексте не справедливой, а захватнической войны, которую российские войска ведут на оккупированных территориях Украины. Никаких реальных друзей на территории Украины, которых надо было защищать, у российских солдат не было.

Тем не менее эти евангельские слова тысячи, а возможно, уже и десятки тысяч раз повторяли многие православные священники¹⁴ в различных регионах России на похоронах воинов-оккупантов, погибших на территории Украины.

13. Митрополит Тихон: победа в СВО будет заключаться в уничтожении ростков ненависти. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16308323> (доступ 19.11.2023).

14. См., например, слово игумена Вознесенского Печерского монастыря архимандрита Тихона (Затёкина)(https://vk.com/wall-50331579_938172?ysclid=lp8tt863sz292351066, доступ 19.11.2023) или слово священника Сергия, настоятеля храма Рождества Христова в Воронеже (<https://www.vrn.kp.ru/daily/27583/4854770/>, доступ 19.11.2023) и т. д.

«Русский мир» и эскалация насилия

К концу 1990-х гг. в активную фазу формирования вошла концепция «русского мира»¹⁵ и о церковном миротворчестве все благополучно забыли.

Концепцию «русского мира» разрабатывали православные неофиты, то есть те постсоветские интеллектуалы, которые создали экспертную среду при Отделе внешних церковных связей Московского патриархата по заданию и при личном активном участии митрополита Кирилла.

Они рассчитывали, что с помощью «русского мира» можно будет сохранить культурное и церковное влияние на те православные славянские народы, которые после распада Советского Союза оказались в новых независимых государствах и переживали, как и русские в России, глубокий кризис идентичности. Однако возрождение в России имперской идеи в начале 2000-х привело к тому, что у «русского мира» сперва появился политический центр — Москва, а затем и все прочие узлы и элементы «русского мира» стали отстраиваться не как сетевая структура, а инструмент консолидации вокруг Москвы и на деньги Москвы.

«Русский мир», задуманный как инструмент «мягкой силы», в течение нескольких лет превратился в свою противоположность: политическую религию, санкционирующую насилие и убийство — прямо по Эмилио Джентиле.

Вполне возможно, что даже перестав быть «мягкой силой», «русский мир» мог бы остаться инструментом имперской политики прежде всего в соседних государствах — Украине, Беларуси, Молдове и среди русскоязычной диаспоры в других странах мира.

Однако открытое насилие — а именно война в Донбассе — стало поворотной точкой. Произошла предельная радикализация концепции «русского мира». И неожиданно раскрылся

15. В марте 2022 года группа православных богословов опубликовала «Декларацию об учении о „Русском мире“», в которой предпринята попытка, в целом довольно удачная, проанализировать это учение. URL: <https://publicorthodoxy.org/ru/2022/03/13/10845/> (доступ 19.11.2023).

его большой мобилизационный потенциал. Именно под знамена «русского мира» удалось рекрутить большое количество наемников из России, Беларуси, Молдовы и даже Сербии, которые отправились воевать в Луганск и Донбасс на стороне сепаратистов против «украинских фашистов». Это движение было особенно широким и массовым на первом этапе войны. При этом православные священники благословляли наемников перед их отправкой в Донбасс.

Однако известен только один случай, когда церковные власти наказали священника за подобные действия. В Екатеринбурге в 2015 году епархиальный совет временно отстранил от служения протоиерея Владимира Зайцева, который призывал добровольцев, отправляющихся в Луганск, «быть фашистскую мразь». Во всех остальных случаях никаких наказаний не последовало. Можно сделать вывод, что православная иерархия в целом благосклонно отнеслась к участию наемников из России в вооруженном конфликте на территории Украины.

С началом полномасштабной агрессии России против Украины оправдание насилия со стороны Церкви стало регулярным и безоговорочным. «Русский мир» мутировал в подобие политической религии, прямо санкционирующей насилие и убийство.

Церковь и российская армия

В 1990-е годы взаимодействие Церкви с Вооруженными силами складывалось непросто. Военные, которые дольше всех находились в жестких рамках советской идеологии, с большим трудом шли на контакты с Церковью. Однако уже к концу 1990-х Церковь нашупала три основных направления, по которым *пошла в атаку* на армию.

Во-первых, Церковь предложила армии новое видение истории России. В условиях глубокого кризиса советской идентичности Церковь помогла армии заглянуть далеко за «советский горизонт». Русская история не только дает множество примеров тесного сотрудничества Церкви и армии, но и показывает, как православная вера вдохновляет таких известных полководцев, как, например, генералиссимус Александр

Суворов и контр-адмирал Федор Ушаков. Культ последнего, получил широкое распространение в российской армии. Хотя Федор Ушаков был канонизирован не за свои военные победы, а за благочестивую христианскую жизнь после своей отставки, в постсоветской гражданской религии место *главного святого воина* оставалось вакантным. В разное время на него претендовали воин Евгений Родионов, который был убит в чеченском плену в 1996 году, однако попытки его канонизации провалились из-за недостаточности и ненадежности свидетельств; советский маршал Георгий Жуков, но его канонизация так и не случилась; святой благоверный князь Александр Невский. Последний стал особенно популярен благодаря формированию нарратива о «извечном противостоянии» православного Востока (Византия, потом Россия) католическому Западу (Германия, Евросоюз, Америка). Однако именно святой праведный Федор Ушаков оказался самым удобным инструментом для формирования культа не просто святого, но и непобедимого русского военачальника.

Во-вторых, Церковь помогла армии по-новому увидеть проблему смерти. Кризис идентичности был не только идеологическим, но и духовным кризисом. Огромной армии, которая еще совсем недавно стояла на страже атеистического по своей природе государства, было крайне необходимо осознать реалии нового мира, который более невозможно описать как противостояние двух систем — социализма и капитализма.

Сперва евангельская проповедь стала попыткой гуманизации армии, а слова Евангелия от Иоанна «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13) на долгие годы стали основой духовного окормления, главным «магическим заклинанием» для военнослужащих.

И затем именно религиозно окрашенные тезисы о защите «универсальной православной цивилизации», России как защищнице христианских ценностей стали основными объяснениями противостояния России и «коллективного Запада».

Наконец, в-третьих, в постсоветские годы **значительное количество вышедших в отставку военных приняли священный сан и стали своего рода «лоббистами» развития отношений Церкви и армии** на самых разных уровнях. Они

хорошо понимали логику военного командования и зачастую могли на равных общаться с военными. Систематическая работа с Министерством обороны началась в 1995 году, когда был создан Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Годом ранее при Православном Свято-Тихоновском богословском институте возник Центр духовного образования военнослужащих, однако только в 2009 году началось возрождение института штатного военного духовенства. Сегодня в структуре Синодального отдела действуют 10 секторов по взаимодействию с видами и родами Вооруженных сил, а также войсками и воинскими формированиями не входящими в состав Вооруженных сил (секторы Сухопутных войск, ВМФ, ВВС, РВСН, ВКО, ВДВ, Внутренних войск МВД, Пограничной службы ФСБ России, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы охраны), 5 секторов по направлениям деятельности (секторы организационно-мобилизационный, информационно-издательский, информационно-аналитический, учебных заведений, общественных связей) и сектор по взаимодействию с МВД.

Одним из ярких проповедников-пропагандистов стал митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан (Баданин), капитан 2 ранга, демобилизовавшийся из Военно-Морского флота в 1997 году и рукоположенный патриархом Кириллом в епископский сан в 2013 году. Он стал одним из главных апологетов российской агрессии, утверждая, что в Украине происходит «беснование»:

Вот я помню, как начинался этот самый 2014-й год, это прыгание на Майдане обезьянье какое-то, не знаю, люди-то не ведут так себя, это не по-человечески, так прыгают шимпанзе, подрыгивать любят, ну горько это было видеть — одоление бесами целого народа... Как же так случилось? Это беснование. Это народ попустил в свое сердце прийти князю тьмы и принять его волю, и превратиться в клоунов каких-то, прыгающих, скакущих, орущих.... И опять русский народ приходит на помощь, и опять он берет на себя и наши ребята там погибают, и они выполняют эту задачу, иначе конец всему, если будет царствовать князь тьмы, если народы будут им одолены. Последний рубеж проходит здесь, в России, мы с вами последние, те, которые стоять поперек этого движе-

ния к царству Антихриста... Всегда стоял русский народ попрек, потому что у нас православие. Мы последние. На нас колossalная ответственность, и все наши молитвы сейчас об этом. Чтобы мы выполнили свою историческую миссию, которая всегда выпадала на наши плечи — умирать за истину, за правду, за справедливость, за веру¹⁶.

И стилистически, и содержательно это яркий пример проповеди постсоветской гражданской религии, где тесно переплетаются мифы кремлевской пропаганды, язык православного благочестия и мессианские идеи, связанные прежде с русской нацией, а не с Евангелием.

Но это лишь один пример. Сегодня их многие сотни. Судя по всему существует целая программа отправки священников из разных регионов России на оккупированные территории Украины с целью показать, что РПЦ не только на словах поддерживает и благословляет войну, но и практически помогает российской армии.

Некоторые перспективы

Главное, что произошло и сделало возможной полномасштабную войну России против Украины — это соединение политической воли российского руководства и полная их поддержка со стороны Русской Православной Церкви. Путинское государство получило от официальной Церкви в России благословение «на всё», включая войну и военные преступления.

И это означает, что период церковного возрождения закончился не возрождением Церкви в традиционном смысле этого слова, а тяжелой, болезненной и крайне опасной мутацией — формированием *постсоветской гражданской религии*, ставшей важной частью идеологического обеспечения авторитарного государства. Многочисленные элементы православной традиции в этой новой идеологической системе никого не дол-

16. Проповедь митрополита Мурманского и Мончегорского Митрофана (Баданина) 23 марта 2022 года. Цит по: URL: <https://shaltnotkill.info/mitropolit-murmanskij-mitrofan-demoniziruet-ukrainczev-i-rassmatrivaet-vojnu-protiv-nih-kak-borbu-s-czarstvom-antihrista/> (доступ 19.11.2023).

жны вводить в заблуждение. Они носят формальный, поверхностный характер. С точки зрения содержания центральным является *неоимперский миф*. Этот миф построен на безусловном главенстве авторитарного государства над обществом и Церковью, которые имеют право голоса лишь постольку, поскольку они готовы поддерживать государство. Во всех остальных случаях включается репрессивная машина поиску и наказанию внешних и внутренних врагов. Если эти враги представляют серьезную угрозу, то борьба с ними получает примитивную религиозную мотивацию как борьбу «сил добра и света» с «силами зла и тьмы».

Для самой Русской Православной Церкви такой выбор будет иметь катастрофические последствия. Ее авторитет в российском обществе теперь связан исключительно с политической властью. Власть падет, падет и РПЦ в ее нынешнем виде. Епархии РПЦ в большинстве независимых государств будут последовательно отказываться от любых ассоциаций с Москвой, потому что даже духовные связи, не говоря уже об административной зависимости, будут рассматриваться в свете политических интересов. Наконец, в этой ситуации неминуемо отделение Русской Православной Церкви от большинства поместных Православных Церквей, которые относятся к «коллективному Западу» и в значительной своей части расположены на территории Евросоюза и НАТО. В худшем случае это приведет к тому, что РПЦ превратится в православную секту. Сегодня может показаться, что это фантастический сценарий, но вполне возможно, что уже сегодня его следует рассматривать всерьез.

Статья написана в рамках проекта «Православие и права человека» Центра православных исследований Фордэмского университета при финансовой поддержке Фонда Генри Люса и Фонда «Лидерство 100».

DOI: [10.55167/573bb6195bc6](https://doi.org/10.55167/573bb6195bc6)

The “Russian World”: The Birth of a Mythologeme

Andrei Desnitsky

Профессор Свободного университета, ailoyros@gmail.com

The expression *Russkii mir*, or “Russian World”, has played a key role in Kremlin propaganda since the late 2000s. It is usually seen as a rhetorical or ideological instrument. There is nothing new about this concept: it was constructed already in the mid-19th century, primarily but not exclusively by Slavophiles under the influence of European nation-building ideologies and Romanticism. The article traces this concept’s origins and demonstrates that it can be best described as a mythologeme which eventually became central for Russia’s civil religion.

Ideology, Mythology and Civil Religion

If we try to find a short expression that would designate the epicenter of the Kremlin’s primary ideology over the past decade, the expression *Russkii mir*, the “Russian World” (RW) will likely take first place. It defines the Kremlin’s attitude towards other countries, especially those that had been Soviet republics in the past, and also the expectations which the regime has for Russian citizens. Since 2007, the Russian World Foundation¹ has been in operation, and a magazine bearing the same name has been published². This name is also used in numerous other projects.

This ideology (before 2022) has been described in detail, first of all, by David Lewis, Bo Petersson and Brian Taylor³. Several publications have already described how the RW concept has been used as an ideological and political tool, especially in the diplomatic sphere. Among the most important authors, we may list

1. URL: <https://www.russkiymir.ru>.

2. URL: <https://rusmir.media>.

3. Lewis, 2020; Petersson, 2021; Taylor, 2018.

Valentina Feklyunina, Aliaksei Kazharski, Marcin Kosienkowski, Marlene Laruelle and Mikhail Suslov⁴; a recent update was proposed by Sean Griffin⁵. Still, global scholarship usually regards it as a recent invention which is not true. The very concept, as will be demonstrated below, was widely used already in the middle 19th century and for a good reason.

The RW concept can of course be understood as a propagandistic cliché. But propaganda seeks to justify the actions of the government, while RW ideology appears to be more religious than logical, something of the kind that drove the Crusaders. One of the main promoters of the RW has been Russian Orthodox Patriarch Kirill. The complete list of his sermons and other texts dedicated to this concept is too long to give here; suffice it to say that a collection of his works entitled “Seven Sermons on the Russian World”⁶ was published in 2015, when the Ukrainian crisis had already begun, and the next year was awarded a Russian literary prize “for the best book of the year”.

The RW is often linked with the concept of “Moscow as the Third Rome” (this will be discussed in greater detail below) but these two are clearly not identical concepts. In an article published on the official site of the Moscow Patriarchate, Pavel Kuzenkov suggests: “the Third Rome is a mystical image of the ‘last country’ of world history, the rulers of which would bear a lofty moral responsibility for the destinies of all humankind and who ought not to place their hope in the transient riches, power and glory of “this age”, but solely in God”⁷. Thus, the Third Rome concept is labeled as something imaginary and even suspicious, which is very different from how representatives of the Russian Orthodox church speak about the RW.

The present article aims at tracing the origins of the RW concept in Russian culture and its relation to the concept of “Moscow as the Third Rome”. What distinguishes these expressions from

4. Feklyunina, 2016; Kazharski, 2019; Kosienkowski, 2020; Laruelle, 2016; Suslov, 2018.

5. Griffin, 2022.

6. Patriarch Kirill, 2015.

7. Kuzenkov, 2023.

other ones like “Holy Russia” is that they are not just sentimental epithets, they were regularly used as concrete ideologemes with a certain content. My hypothesis is that the RW can be described best as a mythologeme deeply rooted in the “collective unconscious” (to borrow Carl Jung’s term) while the “Third Rome” indeed belongs to a more superficial level, that of political propaganda and rhetorical flattery.

Many state ideologies can be described as “civil religion”. This term was coined by Rousseau in his book *The Social Contract* (1762) and was introduced to modern scholarship by R.N. Bellah, who examined the state ideology of the USA as an example⁸. Since then, this term has been used to refer to a nation’s set of ultimate values, as expressed through its public rituals, symbols, ceremonies and sacred places. Explanatory narratives can be found behind all of these; for example, on monuments to national heroes depicting their achievements that changed the life of the nation and set an example to follow. Such narratives can be called myths; this does not necessarily mean that they are factually inaccurate (although they sometimes are) but rather focuses on the role they play in the life and belief structure of a society. The Jungian term “collective unconscious” can be used here to stress that a human society usually shares certain beliefs that strongly influence people’s behavior even when they do not realize it; these beliefs need to be uncovered first if we want to understand how they work.

The basic core element, motif or theme of such a myth is called its *mythologeme* (also spelled *mythologem*). One could call these simply “myths” of course, but a myth is a rather long narrative consisting of many elements and inseparably connected to other narratives of the same kind, so if we need to single out a specific idea or motif, “mythologeme” is a more useful term.

One of most helpful definitions of myths as a way to explain the world was given, in my opinion, by Y. Meletinsky: “Myth is a way to conceptualize the world, both the one outside a person and the one inside. To a certain extent, it is a product of primeval thinking. The mentality of myth is connected with collective consciousness ... rather than personal experience. Primeval thinking

8. Bellah, 1967.

is diffusive, syncretistic, inseparable from the emotional, affective and motor sphere. This is why myth anthropomorphizes nature; this is where universal personification, animism, and metaphorical identification of natural and man-made objects come from. The universal coincides with the concrete and sensual ... Myth identifies the form and the content, the symbol and the symbolized; there is often no distinction between a subject and an object, between a sign, a thing and a word, between an essence and its name, between an object and its attributes, between singular and plural, time and space, origins and qualities of an object. Mythological conceptualization is not void of logic, but this logic is clumsy⁹.

One may also add that mythological thinking is something basic and inherent to human nature. This is why it is so often used by politicians, especially by dictatorial regimes. In fact, many ideological constructs can be described as mythologemes¹⁰. They are used not only for propaganda purposes; they propose fundamental answers to many crucial questions. The present article regards RW as a mythologeme and aims at investigating its origins in Russia in the 19th century.

The “Third Rome” and the “Russian World”

First of all, it must be said that in the modern Russian language, the word *mir* is homonymic and means both “world” and “peace”, a remarkable coincidence which was widely used in the Soviet propagandistic slogan *miru mir*, i.e. “peace for the world”. Before the orthographic reform of 1918 these homonyms were at least spelled differently: *mipə* “peace” and *miрə* “world”, but now they are homographs as well.

The second word *mir* “world” (the one formerly spelled *miрə*) is also frequently used in the sense of “community”, especially in the proverbial expression *vsem mirom*, “all together, unanimously” (lit. “by the entire world”). It was used, for instance, when a local rural community was building a church or something equally important for its members. So, the title of the famous saga by Tolstoy

9. Meletinsky, 2001:24. Quotations from Russian-language sources are given in my own translation.

10. Shul'ga, 2006.

Voyna i mir is rightly translated into English as “War and Peace”, but for a Russian reader it immediately evokes special overtones unavailable for speakers of other languages: Tolstoy is also speaking about the ways in which the Napoleonic wars changed the entire world and reshaped Russian society.

If we take this homonymy as having a serious cognitive effect in the minds of native speakers of Russian, we see that the very expression *Russky mir* can be understood by Russians not only as “The Russian World” but also as “The Russian Peace”, and even “The Global Community of Russians”. It immediately evokes in Russian minds the concept of *Pax Romana*, “The Roman Peace” (established by the dominance of that empire over hundreds of small kingdoms and city states that had previously been engaged in constant wars between themselves). The benefits of such an order of things and its connection with the Christian faith is clearly expressed in an ecclesiastic chant which can be heard on Christmas Eve at the Orthodox Great Vespers of the Nativity: “When Augustus became supreme ruler of earth, the multiplicity of rule among men ceased. And when You became human from the spotless one, the worship of many heathen gods also ceased. Then the cities came under one worldly rule; and the nations believed in one divine supremacy. The nations were enrolled by an order of Caesar; but we believers were enrolled in the name of Your Divinity, O our incarnate God. Wherefore, great are Your mercies, glory to You”¹¹.

These allusions to the Roman Empire may at first glance seem irrelevant, but one should not forget that Muscovy, as well as the Russian Empire, regarded itself as the continuation of the Roman Empire. The famous doctrine “Moscow is the Third Rome” has been sufficiently studied by modern scholars; first and foremost should be mentioned Boris Uspensky who has build a conceptual framework for its study¹² and Nina Sinitzyna who proposed

11. Joseph Irvin, The Vesperal Liturgy of St. Basil the Great (Lulu Press 2019). URL: <https://books.google.lt/books?id=5jaQDwAAQBAJ>.

12. Uspensky, 1996:83–123.

the most detailed description¹³. The recent state of the discussion can be found in Jardar Østbø's book¹⁴.

The most important question of this discussion is the degree to which the whole idea was taken seriously and to which it was propagandistic. Perhaps like with many other ideas in history, it was a mixture of both, and proportions depended on context personalities. Here, just a few most important facts will be given.

The very phrase appeared for the first time in the Paschalia (calendar for the Easter and Lent cycles) composed by Metropolitan Zosimus in 1492. It calls Grand Duke Ivan III the "new Constantine" and his capital city of Moscow "the new Constantinople", although this may have been simply an exercise in flattering rhetoric.

This concept was explained in more detail in a private letter of relatively low importance: around the year 1523, a monk named Filofey from the Pskov region wrote a letter to a Muscovite official staying in Pskov named Misur-Munekhin. Filofey's letter was noticed and elaborated into an official appeal presented to Grand Duke Vasily III. The message was clear: after the first Rome in Italy became heretical and the second Rome, Constantinople, fell to the Turks, Moscow became the capital of the only state on earth that keeps the true faith, which lays a special responsibility upon its rulers. The final appeal to the Grand Duke had three practical suggestions: 1) to control the way people perform the sign of the cross while praying (anticipating the great dispute of the Russian *Raskol* of the 17th century); 2) to make sure there is no lack of bishops in the country (anticipating the role usurped by the tsars, starting with Peter the Great, as the supreme authority in the church); and 3) to purge the land of what Filofey calls "sodomy". We may note that centuries later the last point has become one of the key topics in Kremlin propaganda; somehow, male homosexuality is repeatedly regarded as the worst possible sin by admirers of the strong hand in Russia, but the reasons for this lie beyond the scope of our present study.

The Third Rome doctrine gradually became an integral part of Russian state ideology, especially after the reforms of Peter

13. Sinityna, 1998.

14. Østbø, 2016.

the Great, who transformed the essence of Russian statehood, even if it changed considerably in appearance, first of all, geographically¹⁵. The first Russian emperor, dissatisfied with the city of Moscow, built a new city and named it after St. Peter, the patron saint of Rome. He eagerly accepted Roman titles (*imperator, pater patriae*, etc.) and gave Latin and, less often, Greek names to new power structures (Senate, Synod, collegium etc.). Finally, he assumed a Messianic role, which was clearly recognized and accepted by his followers¹⁶. In doing this, Peter was relying on a lengthy tradition going back to the Byzantine era, and even Biblical theology, as I have already discussed in another paper¹⁷.

It has been argued by Marshall Poe¹⁸ that the doctrine of Moscow as the Third Rome played a relatively insignificant role in the official discourse of Muscovite and Russian rulers until the latter 19th century, when it was revived by the Slavophiles. Then, as Daniel Rowland has demonstrated¹⁹, the rulers of Moscow in the 16th and 17th centuries spoke of this city rather as the new Jerusalem than as the Third Rome. In fact, both designations meant more or less the same: now Moscow was The City, the political and religious center for the Orthodox world (that is, the Russian world).

What is characteristic for a mythologeme is that it does not necessarily need to be explicitly retold, demonstrated and proven every time it is mentioned; rather, it is taken for granted and needs no arguments at all, an accepted presupposition. For instance, when Ivan the Terrible was corresponding with Johan III of Sweden (his first letter, written on January 6, 1573)²⁰, the first and the most important thing for him was that he was a direct descendant of, and heir to, the Roman emperors (a fictional lineage of course), while the Swedish king was of common descent. This claim is based entirely on the Third Rome doctrine; there are simply no other supporting facts or arguments. As the tsar was talking poli-

15. Lotman and Uspensky, 1996.

16. Uspensky and Zvivov, 1996.

17. Desnitsky, 2000.

18. Poe, 2001.

19. Rowland, 1996.

20. Likhachev, 1986:116–121.

tics, he was speaking about Rome, while in religious discourse he repeatedly referred to his domain as the new Israel, and so did his main opponent, Andrei Kurbsky, when he used biblical quotations to criticize the tsar's tyrannical rule²¹. They strongly disagreed about the personality of the tsar but they completely agreed about the sacred status of his tsardom.

All of this, of course, was not yet the mythologeme of the RW, but we may notice certain components that were later used by the creators of this mythologeme, namely:

1. There can and must be just one state in the world which holds, defends and propagates the true faith.
2. Such states were (in turn) the Roman Empire, the Byzantine Empire and Muscovy, the third and final.
3. Such a state can be called a “new Rome” when talking politics and a “new Jerusalem” in a religious context, but these alternate titles denote essentially the same thing.
4. The role played by the monarch of such a state is unique and very important not only for the state itself, but for all of humankind. In a way, it has messianic and eschatological aspects.

One can add that such political messianism is not unheard of among other nations of the Judeo-Christian tradition, especially in the 19th century with its Romanticism and nation-building. One calls to mind, e.g., how Adam Mickiewich in 1832 (after another Polish revolt was crushed by the Russian army) called Poland “the Christ of nations” in his epic poem *Dziady* “Forefathers’ Eve” (part III, scene 5) and this had a great impact on the history of Polish thinking, even up to the present day²². Poland, however, was one out of many Catholic nations while the Russian tsardom and later empire was proud to be the only stronghold of the true Orthodox faith on Earth which made the messianic claims yet stronger.

Still, the doctrine of the Third Rome was not sufficient for nation building. It concerned the tsar and his tsardom while having very little to do with ordinary people and their daily life. A new

21. Lur'ye and Y. Rykov, 1979.

22. Litka and Kowalik, 2018.

idea, or a new mythologeme was badly needed, and it appeared in the mid-19th century. It was linked to the Third Rome but in no way limited to it.

The “Russian World” in the Russian Empire

The expression “Russian World” (*Rustii mir*, spelled *Pycniū mirъ* in Old Russian) occurs in ancient Russian sources sporadically, with the first known occurrence in a sermon from the 11th century, “A Word on the Renovation of the Church of the Tithes” (the first stone church in Kiev built by order of Grand Prince Vladimir)²³. There, it appears as a synonym for the expression “Russian land” (i.e. Kievan Rus). Anyway, at first this expression was used rather rarely and was obviously not yet a self-standing concept.

The National Corpus of the Russian Language²⁴ allows us to see how a certain word or a phrase was used in Russian texts in different eras. There are no occurrences of the expression *Russky mir* in modern Russian texts before the 1830s²⁵. Afterwards, in the 1830s to 1850s, this phrase appears in a rather broad and even nostalgic sense; it is occasionally used when speaking about something distinctly and characteristically Russian, sometimes in opposition to other Western nations, and sometimes in reference to the idealized past.

Thus, in his memoirs, a high-ranking official named Modest Korf calls Metropolitan Filaret of Kiev “a relic of the Russian world and a true monk”²⁶. Literary critic Aleksander Besstuzhev-Marlinsky claims that in St. Petersburg, crowded by foreigners, one could meet “neither the Russian world, nor a single word in Russian”²⁷.

23. Nazarenko, 2013.

24. URL: <https://ruscorpora.ru>.

25. In a private conversation, a colleague from Sumy (Ukraine), Vyacheslav Artiukh, suggested that this expression was used in Ukrainian ecclesiastical literature starting from the 17th century and was borrowed from those Ukrainian texts by Russian texts in the 19th century. But so far this remains a hypothesis which needs further investigation.

26. Korf, 2003:144. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=276829&p=144>.

27. Besstuzhev-Marlinsky, 1995:590.

In contrast to that, writer Mikhail Zagoskin reports that Moscow “is not just a city or a capital, but the entire Russian world”²⁸ because here you can meet all the strata of Russian society and see all the aspects of their life. When writer Ivan Goncharov was describing an expedition on a Russian military ship around Africa and Eurasia, the very first thing he called this ship was “a little Russian world with four hundred inhabitants”²⁹. And literary critic Valerian Maikov calls the peasant poet Alexey Koltsov “a painter of the Russian world”³⁰.

All of these examples date back the mid-19th century, and the National Corpus provides us with quite a few more of the same kind. They seem to be characteristic of the romantic European nationalisms of that period when people within the same nation state (or longing for such a state, as was the case in Germany) started to look for a common identity based on ethnicity and culture. Similar concepts can be found in other languages, like *Deutschheit* in German or *Hispanidad* in Spanish.

As demonstrated by sociologist Dmitry Travin³¹, such sentiments in Russia were largely influenced by the same type of ideology as 19th century Germany’s, known as *Sonderweg*, “a special way”. Cyril Hovorun has applied this observation to the concept of the RW³². This was offered as an alternative explanation for why Germany in many ways was behind the mighty empires built by the British and the French: we are not any worse, we are just different. Needless to say, the Russian Empire, which appeared on the European stage only in the 18th century, badly needed some kind of similar justification for its position among the great nations. So, in 1856 literary critic Aleksandr Druzhinin, while discussing the European (primarily French) influence on Russian literature, called for the Russian world to exhibit greater intellectual independence³³.

28. Zagoskin, 1988:59.

29. Goncharov, Leningrad 1986:1.

30. Maikov, 1985.

31. Travin, 2018.

32. Hovorun, 2016.

33. Druzhinin, 1983:132-175. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0120.shtml.

A particularly remarkable quotation comes from another literary critic, Pavel Annenkov, who in 1857 described the Russian author Nikolay Gogol's sojourn in Rome: "By then, he was generally convinced that the Russian world is a separate sphere with its own laws, completely unknown in Europe"³⁴. This was, as Annenkov reports, Gogol's answer to an anonymous proposal to convert serfs in Russia into independent farmers, as had been done in Germany. We must not confuse Annenkov's memoirs with Gogol's own position, but as far as we can judge from Gogol's own letters, this was not a distortion. Here, the RW is an explanation for why Russia is different and unchangeable, always equal only to itself. It is also important that for Annenkov, the RW presumably included Ukraine, which Gogol, being Ukrainian himself, loved so much and often described in his prose.

This was certainly the case also with Nikolay or Mykola Kostomarov, a historian of the 19th century who is now described as both Russian and Ukrainian (with alternate first names), and he would probably agree to such a twofold identity. He repeatedly spoke about the RW as a (potentially) united political body consisting of all the territories inhabited by eastern Slavs³⁵. The historical mission of Muscovite rulers was to unite them all in one state, of course including Ukraine. Kostomarov's respectful opinion about Ukrainians ("Southern Russians", in his terminology) is clearly summarized in the following statement: "It appears that there are two Russian nationalities, not one, and perhaps still more will be found, yet they are all Russian... The Southern Russian tribe in its previous history has proved its unreadiness for statehood. It rightly ought to have yielded to the Great Russians and joined them, since the common task of Russian history was to create a state. Now, the Russian state is formed, developed and strong. It will be natural now for a people of opposite foundation and character to begin its autonomous development while influencing the Great Russians."³⁶

As we can see, Kostomarov acknowledged the uniqueness of the Ukrainian people (and even left a potential place for Belar-

34. Annenkov, 1983:67.

35. See, in particular, Kostomarov, 1873; Kostomarov, 1903.

36. Kostomarov, 1861.

usians as well) and opted for their autonomy within the empire (perhaps the most liberal thought that was allowed to be expressed in Russia at that moment). In fact, Kostomarov's *Knyhy bytiia ukrainins'koho narodu* ("Books of Ukrainian People's Genesis") written in the middle of the 19th century became one of the first if not the very first manifesto of the emerging Ukrainian nationalism, but this is outside our focus now.

In the same period of time, a conservative journalist named Mikhail Katkov issued a different statement, which included all the ethnic groups of the Empire in the RW: "There is one dominant people in Russia, and one language, elaborated over the centuries in life and history. Still, there are also many tribes in Russia, each of them with its own language and special customs, there are entire countries with their own character and legends. But all these diverse tribes, all these heterogenous areas on the outskirts of the great Russian world — they are its integral parts and feel their unity with it because they are in a single state, under a single ruling authority, i.e. the Tsar, the living and ultimate representation of this unity".³⁷ This is a very clear political manifesto issued in 1863, and the first public proclamation of the RW doctrine as the core element of the civil religion of Imperial Russia.

Another characteristic depiction of this idyllic picture can be found in Konstantin Leontyev's 1869 description of what Moscow Slavophiles held as their ideal: "The Russian world as autocratic, with an advisory *Zemskaya Duma* and full freedom of action for the ruling authorities; Russian songs and Russian customs; fervent faith and Orthodoxy, graceful and beautiful; and purity in family life, full of internal freedom, happiness and love".³⁸ The mythologeme was now ready for use. However, there was no consensus about it even among conservatives such as Konstantin Leontyev, who did not choose to join the circle of Moscow Slavophiles that he was talking about. Needless to say, Slavophiles and other conservatives had only limited influence on the imperial government, as well as their opponents, the so-called Westernizers.

37. Katkov, 1897:79.

38. Leontyev, 2003:8.

Starting in the 1860s, this concept of the RW became commonplace, even banal. From 1871 to 1880 a rightist daily newspaper entitled *Russkii mir* (Russian world) was published in St. Petersburg. In 1880 it merged with *Birzhevoi vestnik* (Stock Exchange Herald) under a new and rather neutral title *Birzhevye vedomosti* (Stock Exchange Records). In this newspaper, the RW was sometimes described in opposition to other countries and cultures (always European), but usually without any jingoism. Recently, Aleksandr Dolinin demonstrated how statements about the imminent death of the West and its pernicious influence on the RW in the 19th century became commonplace in Russian thought and hardly needed to be proven at all³⁹. If the West is going to perish anyway, why fight against it?

But as soon as the actual battle started in 1914, the concept of the RW was used to explain the endless sacrifices that the Russian people were called upon to make. Here is a quotation from philosopher and theologian Sergey Bulgakov in 1916 (he probably would not have repeated these sentiments a couple of decades later): “Some may consider it inappropriate to care about abstract things during an earthquake. We, to the contrary, regard focusing on the ultimate questions of religious thought as a sort of spiritual mobilization for waging warfare in the highest domain, the spiritual, the domain in which external events are prepared and sometimes even predestined. In particular, this collision between Germanism and the Orthodox Russian world has been brewing for a long time. It has become visible only now, but the spiritual war did not break out recently. For a long time, a hot, dry wind has blown in our direction from the Germanic West and carried desert sand with it to cover the Russian soul with a shroud of ashes and damage its normal growth”⁴⁰. Once again, if not for stylistic differences, this could easily be a quotation from propaganda on Russian TV today, only “Germans” would be replaced with “Anglo-Saxons”.

Another important text in which the RW is called Orthodox appears in the Acts of the Council of the Russian Orthodox Church from 1917-18. Here the council itself was called “the hope which the

39. Dolinin, 2020a; Dolinin, 2020b.

40. Bulgakov, 1994:5.

Orthodox Russian world has kept alive for generations⁴¹ (a phrase coined by archpriest Pavel Lakhovsky on August 16, 1917). Nevertheless, although this religious affiliation between Orthodoxy and the RW is factual, it is only part of the essence of the total RW concept.

Although the year 1918 is technically beyond the chronological limits of this paper, I would like to quote one more text written early this year. It does not mention the very expression “*Russkii mir*” but it nicely summarizes the mixed feeling that many Russians have towards “the collective West”, including their striving for recognition and appreciation. Now, the Revolution gave them the opportunity to speak freely and to opt for a new turn of events. This is the famous poem “The Scythians” by Aleksandr Blok:

That Sphinx is Russia. Grieving and exulting, And weeping black and bloody tears enough, She stares at you, adoring and insulting, With love that turns to hate, and hate — to love. ... Come join us, then! Leave war and war's alarms, And grasp the hand of peace and amity. While still there's time, Comrades, lay down your arms! Let us unite in true fraternity! But if you spurn us, then we shall not mourn. We too can reckon perfidy no crime, And countless generations yet unborn Shall curse your memory till the end of time.⁴²

Conclusions

Now, we can summarize the principal characteristic features of the RW mythologeme as it appeared before the Communist Revolution of 1917, and was to an extent shared by all who were using this concept, starting from the years 1860s:

5. All Eastern Slavs, united by their common language and culture, belong to the RW, and the differences between their “tribes”, however noticeable, are only secondary.
6. An important role in the formation of the RW is played by the Orthodox Church, although the primary grounds for in-

41. Sv'ashchennyi Sobor, 1918:34.

42. English version by Alex Miller. URL: <https://allpoetry.com/The-Scythians>.

clusion are not religious faith but ethnic and cultural communality.

7. The RW is predestined, eternal and unchangeable in its essence, any external influence can only aim at spoiling it.
8. The historical mission of the RW is to create and maintain a strong national state, including (but not limited to) all the territories inhabited by Eastern Slavs.
9. Other ethnic groups can be included in such a state if they are unable to build their own nation states of equal might and splendor. Within the RW, however, they are not expected to change their way of life.
10. Such a state can be governed by an autocrat only. Democracy is incompatible with the RW.
11. The RW is essentially different from the West but in no way inferior to it. The West can neither comprehend nor accept the RW as its equal, so the West repeatedly seeks to destroy it.
12. The fate of the RW is very important for the entire world (Messianic connotations). Repelling Western attacks on the RW is in the end salvific for the West itself.

After the Revolution, the very expression “*Russky mir*” became rare and seemingly obsolete. Poet Mikhail Kuzmin, e.g., wrote in his diary (Leningrad, 1934); “I’m afraid that the Russian world has turned into Crete and Mycenae: one can be fascinated by them, but not live there”⁴³. But the very idea of a messianic civilization opposed by the West did not disappear, it just acquired new external forms under the Bolshevik rule. This is the way mythological thinking works: core mythologemes are constantly reproduced and transferred from one generation to another in many ways, appearances may change but the essence remains.

Much has already been written on Soviet Messianism as the continuation of the Third Rome theory, such as the book by Peter Duncan⁴⁴ and many others; Alicja Curanović and Kevork Oska-

43. Mikhail Kuz'min, *Dnevnik 1934 goda* (St. Petersburg 1998). URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0370.shtml.

44. Peter Duncan, *Russian Messianism: Third Rome, Communism and After* (London — New York, 2000).

nian⁴⁵ have demonstrated how this messianic idea lies in the very center of Kremlin's foreign policy. When in the years 2000 ideologists were looking for ideas, they did not have to invent anything; just to adapt the already existing mythologeme to their needs.

A final brief example to conclude this paper. In Russia, just as in the USSR, New Year's Day is probably the most important feast of the year. The main TV event ushering in the New Year is a show called "The Blue Spark". At the stroke of midnight, this show has Russian celebrities making toasts, congratulating their compatriots and making statements of a propagandistic nature. Practically, it is a civil rite, an essential element of Russia's civil religion.

Thus, during the very first hour of 2023, Russian viewers watched stand-up comic Yevgeny Petrosyan start his toast with the following words: "In the outgoing year, the West kept trying to destroy Russia without considering the fact that Russia is the load-bearing structure of the entire world. Yes, gentlemen, whether it pleases you or not, Russia is expanding"⁴⁶.

Born in the middle of the 19th century, in the year 2023 the RW mythologeme is still as vivid and strong.

References

- Annenkov, Pavel. Gogol' v Rime letom 1841 goda [Gogol in Rome in summer 1841], in his Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
- Bellah, Robert N. Civil Religion in America, *Dædalus* 96 (1967), No. 1:1–21.
- Besstuzhev-Marlinsky, Aleksandr. Fregat Nadezhda [Frigate Nadezhda], in his Kavkazskie povesti [Caucasian novels]. St. Petersburg: Nauka, 1995, p. 590.
- Bulgakov, Sergey. Svet nevechernii [Non-evening Light]. Moscow: Respublika, 1994.
- Curanović, Alicja. The Sense of Mission in Russian Foreign Policy: Destined for Greatness! New York: Routledge, 2021.
- Desnitsky, Andrei. Svyashchenstvo i tsarstvo v rossiiskom obshchestvennom soznanii [Priesthood and kingdom in Russia's social consciousness], Kontinent 2000, No 104, pp. 248–278.

45. Kevork Oskanian, A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism, *Europe-Asia Studies*, 2018, 1(70), 26–52; Alicja Curanović, The Sense of Mission in Russian Foreign Policy: Destined for Greatness! New York: Routledge, 2021.

46. URL: https://www.youtube.com/watch?v=oFdDrSzD_yQ.

- Dolinin, Aleksandr.* "Anglichanka gadit" ["The English shits"], in his *Gibel' Zapada i drugie memy* ["The death of the West" and other memes]. Moscow: Nivie Izdatel'stvo, 2020, pp. 65–71.
- Dolinin, Aleksandr.* "Gibel' Zapada": k istorii odnono stoikogo verovaniya ["The death of the West": to the history of a certain belief], in his *Gibel' Zapada i drugie memy* ["The death of the West" and other memes]. Moscow: Nivie Izdatel'stvo, 2020, pp. 11–64.
- Druzhinin, Aleksandr.* Kritika gogolevskogo perioda russkoi literatury i nashi k nei otnosheniiia [Criticism of the Gogol's period of Russian literature and our relations to it], in his *Literaturnaya Kritika* [Literary Criticism], Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1983, pp. 132–175. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0120.shtml.
- Duncan, Peter.* Russian Messianism: Third Rome, Communism and After. London — New York: Routledge, 2000.
- Feklyunina, Valentina.* Soft power and identity: Russia, Ukraine and the 'Russian world(s)', European Journal of International Relations, 2016, No 4, pp. 773–796.
- Goncharov, Ivan.* Fregat Pallada [Frigate Pallada]. Leningrad: Nauka, 1986.
- Griffin, Sean.* Russian World or Holy World War? The Real Ideology of the Invasion of Ukraine. URL: <https://publicorthodoxy.org/2022/04/12/russian-world-or-holy-world-war/>.
- Hovorun, Cyril.* Interpreting the "Russian World". In Churches in the Ukrainian Crisis, edited by Andrii Krawchuk and Thomas Bremer, 163–171. Cham: Springer International Publishing, 2016.
- Irvin, Joseph.* The Vesperral Liturgy of St. Basil the Great. Lulu Press, 2019. URL: <https://books.google.lt/books?id=5jaQDwAAQBAJ>.
- Katkov, Mikhail.* Sobranie peredovykh statey Moskovskikh Vedomostei. 1863 god. [Collection of the first page articles in Moskovskiiie Vedomosti. Year 1863.] Moscow: Katkova, 1897.
- Kazharski, Aliaksei.* Eurasian Integration and the Russian World: Regionalism as an Identitary Enterprise. Budapest — New York: CEU Press, 2019.
- Korf, Modest.* Zapiski [Memoirs]. Moscow: Zakharov, 2003, p. 144. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=276829&p=144>.
- Kosienkowski, Marcin.* The Russian World as a legitimation strategy outside Russia: The case of Gagauzia, Eurasian Geography and Economics, 2020, 62, pp. 319–346.
- Kostomarov, Nikolai.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley [Russian history in biographies of its main actors], vols. 1–3. St. Petersburg: Stasiulevich, 1873–1888.
- Kostomarov, Nikolai.* Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no — vechevogo uklada [Northern Russian self-governance in the epoch of udel and veche], in his Sobranie sochinений в вос'mи knigakh [Collected works in eight books], book. 3, vols. 7–8. St. Petersburg: Stasiulevich, 1903.
- Kostomarov, Nilolai.* Dve russkie narodnosti (Pis'mo redaktoru) [Two Russian ethnicities (a letter to the editor)], Osnova, St. Petersburg 1861, No 3, pp. 33–80.

- Kuz'min, Mikhail.* Dnevnik 1934 goda [Diary of the year 1934]. St. Petersburg: Ivan Limbakh, 1998. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0370.shtml.
- Kuzenkov, Pavel.* "The Third Rome": From Eschatology to Political Myth. Moscow Patriarchate, 2021. URL: <https://mospat.ru/en/authors-analytics/86649>.
- Laruelle, Marlene.* The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis, Post-Soviet Affairs 32, 1 (2 January 2016), pp. 55–74; Suslov, Mikhail. "Russian World" Concept: Post-Soviet Geopolitical Ideology and the Logic of "Spheres of Influence". Geopolitics 23, no. 2 (3 April 2018), pp. 330–353.
- Leont'ev, Konstantin.* Neskol'ko vospominanii i myslei o pokoinom Apollone Grigor'ev'e [A few memoirs and thoughts on the late Apollon Grigoryev], in his Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Full collection of works and epistles], t. 6, ch. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2003.
- Lewis, David.* Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order. Edinburg: Edinburg University Press, 2020.
- Likhachev, Dmitrii et al.* (eds.). Ivan Groznyi. Poslanie shvedskomu koroliu Iukhanu III 1572 goda [Epistle to the king of Sweden Johan III, year 1572], in Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: vtoraya polovina XVI veka (vyp. 8) [Literary monuments of Ancient Russia: the second half of the 16th century (vol. 8)], ed. by, vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
- Litka, Paulina and Łukasz Kowalik.* Polski mesjanizm romantyczny [Polish romantic messianism], Przegląd Filozoficzny — Nowa Seria 2018, No 27 (1), 67–91. URL: https://pf.uw.edu.pl/images/NUMERY_PDF/105/PFilozi-185-PLitkaLKowalik.pdf.
- Lotman, Yuri and Boris Uspensky.* Otzvuki kontseptsii "Moskva — Tretii Rim" v ideologii Petra Pervogo [Echoes of the conception "Moscow is the Third Rome" in the ideology of Peter the First], in Boris Uspensky's Izbrannye trudy, vol. 1. Moscow, 1996, pp. 124–141.
- Lur'ye, Iakov and Iuriy Rykov* (eds.). Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. Lenigrad: Nauka, 1979.
- Maikov, Valerian.* Stikhotvoreniya Kol'tsova s portretom avtora, ego faksimile i stat'eyu o ego zhizni i sochineniyakh [Koltsov's poems with a portrait, his facsimile and an article on his life and contemporaries], in his Literaturnaya kritika [Literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.
- Meletinsky, Yeleazar M.* Ot mifa k literature [From myth to literature]. Moscow: Labirint, 2001.
- Nazarenko, Aleksandr.* Slovo na obnovlenie Desyatinnoi tserkvi, ili k istorii pochitaniia svyatitelia Klimenta Rimskogo v Drevnei Rusi [The word on the renovation of the Church of Tithes, or To the history of veneration of St. Clement of Rome in Ancient Russia]. Moscow: Sv.-Iekaterinskii muzhskoi monastyr', 2013.
- Oskanian, Kevork.* A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism, in: Europe-Asia Studies, 2018, 1(70), pp. 26–52.

- Østbø, Jardar.* The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth. Stuttgart: Ibidem, 2016.
- Patriarch Kirill.* Sem' slov o Russkom mire [Seven Words about the Russian World]. Moscow, 2015.
- Petersson, Bo.* The Putin Predicament: Problems of Legitimacy and Succession in Russia. Stuttgart: Ibidem Press, 2021.
- Poe, Marshall.* Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a "Pivotal Moment", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*, 2001, Bd. 49, H. 3, pp. 412–429.
- Rowland, Daniel.* Moscow — The Third Rome or the New Israel? *Russian Review* 1996, Vol. 55, No. 4, pp. 591–614.
- Shul'ga, Nadezhda.* Mifologemy v strukture politicheskoi ideologii [Mythologemes in the structure of a political idea], *Omsky nauchny vestnik*, 2006, No 2 (31): 42–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologemy-v-strukture-politicheskoy-ideologii/viewer>.
- Sinitsyna, Nina.* Tretii Rim: istoki i evoliutsia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome: origins and evolution of a Russian medieval conception (15th — 16th cent.)]. Moscow: Indrik, 1998.
- Sv'ashchennyi Sobor Pravoslavnnoi Rossiiskoi Tserkvi. Deyaniya* [The Holy Synod of the Orthodox Church of Russia], book 1, issue 2: *Deyaniya I-V.* Moscow: Novospasskii monastyr', 1918.
- Taylor, Brian.* The Code of Putinism. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Travin, Dmitry.* "Osobyi put" Rossii ot Dostoevskogo do Konchalovskogo [Russia's "special way" from Dostoyevsky to Konchalovsky]. St. Petersburg: Ievropeiskii universitet, 2018.
- Uspensky, Boris and Viktor Zvivov.* "Tsar' i bog (semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii)", in Boris Uspensky's *Izbrannye Trudy* [Chosen works], vol. 1. Moscow: Shkola Iazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 205–336.
- Uspensky, Boris.* Vospriyatiye istorii v Drevnei Rusi i doktrina "Moskva — Tretii Rim" [The perception of history in Ancient Russia and the doctrine "Moscow is the Third Rome"], in his *Izbrannye Trudy* [Chosen works], vol. 1. Moscow: Shkola Iazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 83–123.
- Zagoskin, Mikhail.* Moskva i moskvichi. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988.

DOI: 10.55167/4b8842caee76

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета. Часть 7

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, член управляющей коллегии Свободного университета

Предыдущие хроники заканчивались тем, что утром 21 сентября в телеобращении Владимир Путин объявил «частичную мобилизацию» в России. Незадолго до этого мы объявили новый набор, и преподаватели начали читать огромное количество мотивационных писем желающих поступить на курсы Свободного. Но, видимо, у политиков есть тайная задача не давать нам работать спокойно и размеренно. Начался новый исход...

Семь месяцев назад мы сбились с ног, разыскивая и пытаясь защитить наших преподавателей, покинувших страну из-за несогласия с войной. Теперь дело коснулось не только преподавателей, но и студентов. Люди начали перемещаться целыми семьями, спасая совершенолетних мужчин и потенциальных призывников от участия в преступной бойне. Наши студенты и многие профессора вдруг оказались в других часовых и климатических поясах. Рушился налаженный быт и привычки. Возникало огромное количество проблем с документами и с вопросами адаптации на новых местах. Мы крутились как белки в колесе. В разных странах и на разных континентах. Дружно, оперативно, без склок и лишних вопросов. Как могли помогали. Делали визы, провожали до границ и встречали по другую сторону, селили, лечили, искали работу. Впрочем, все это со временем стало обыденным и привычным. Мы приобрели новые полезные скиллы. И вдруг к нам пришло много новых преподавателей и новых курсов. Впрочем, почему вдруг? Все закономерно. Освободившись от оков российской образовательной цензуры, ученые вновь почувствовали себя независимыми исследователями, имеющими возможности доносить свои мысли до учеников. Мир не терпит пустоты.

О курсах. Виктор Горбатов:

Смотрите, какие классные философские курсы этой осенью предлагает Свободный университет:

- Константин Бандуровский «Диалоги с Августином»
- Кирилл Мартынов «Революционные идеи: введение в политическую философию»
- Юлия В. Горбатова «Основы успешной коммуникации»
- Виктор Горбатов «Байесовская эпистемология»
- Руслан Лошаков «Аналогия сущего»
- Роман Устьянцев «Прощание с мечтой об империи? Испанская мысль конца XIX — начала XX вв.»
- Михаил Юданин «Философия свободы»
- Александр Львов «История иудаизма: другое чтение»
- Александр Климович «Социально-философские основы цифрового капитализма»
- Самсон Либерман «Введение в современную социальную философию, или Что там после постмодерна?»

А также Михил Минаков продолжит свой легендарный курс по современной западной философии (нового набора, увы, нет — он доступен только тем, кто начал в прошлом году).

О студентах и о войне. Гасан Гусейнов:

Алиби

Разумеется, не называя имен. Среди моих новых учеников есть подросток из Харькова, есть юноши и девушки, родившиеся в начале нулевых в Гамбурге и Кельне, есть их ровесницы из Москвы и Самары, а есть недавно перебравшиеся в Израиль, в Бразилию и на остров Маврикий. И это еще не все локации.

Надеюсь, от нашего общения будет и для них какой-то толк. Для меня-то он очевиден — алиби. Быть в такой странной форме выгодоприобретателем этой войны особенно страшно потому, что только для обороныящихся это — война. А для нападающих — это шумное расставание с видом гомо сапиенс, а не война.

Тяжело сознавать, что в силу случайного стечения обстоятельств ты извлекаешь — пусть для очень хорошего дела! — свою странную выгоду из того, что другие потеряли человеческий облик.

Что еще было той первой военной осенью? Мы (Ученый Совет), наконец, встретились офлайн. В Тбилиси. Это было буквально до слез. Два года видеть друг друга в окошечках зума, и, наконец, ощутить тепло рук и блеск глаз. Говорить-говорить-говорить без ограничений, спорить, рассказывать о своих факультетах, строить планы. Там же в Тбилиси, узнав о нашем приезде, к нам присоединились и новые коллеги из Института философии РАН.

Мы начали учиться рассказывать об университете на международных площадках, прорвав наш внутренний университетский «пузырь». В польском Карпаче, в Нормандии, в Брюсселе, в Париже, в Берлине. Это та часть работы, до которой в первый год не доходили руки. Потому что надо сначала построить, а потом уже рассказывать. Мы начали становиться узнаваемыми. У нас появились друзья и сторонники. Клуб Свободного университета насчитывал уже более 10 000 человек.

Вышел очередной номер журнала Палладиум «Роланд Барт и культура демократического общества». Конференция под таким названием прошла в Свободном университете в январе 2022 года. На ней выступали с докладами слушатели семинара «Роланд Барт и проект активной филологии», проходившего в 2020–2021 гг., а также несколько специалистов из Франции и России, включая руководителя семинара профессора Сергея Зенкина. Именно с этого номера журнал начал обретать свой неповторимый стиль. На наши издания начали подписываться библиотеки европейских университетов. А на юридические статьи — Библиотека Конгресса США.

Этой же осенью мы начали готовить к изданию книгу профессора нашей медиашколы Валерия Панюшкина. До этого книга, написанная на русском, вышла в нескольких странах в переводах. А вот на русском никто так и не рискнул ее напечатать. Книга «Это мы — беженцы» написана по горячим следам первых месяцев войны, когда мы все еще сидели, обхватив голову руками от стыда и кошмара происходящего, а Валера уже собирал свидетельства и облекал весь этот поток горя, ужаса и растерянности в тексты. Потому что не мог молчать...

Дважды в Риге нам срывали презентацию. Дважды книгу снимали с продажи. Видимо, на эстонском и шведском она

представлялась безобидной. А вот на русском... Но мы не сдавались. Издали. Провели три презентации. В том числе в Латвийской Национальной библиотеке.

Вот что сказал на этой презентации наш профессор Илья Шаблинский:

Это одна из первых книг, написанных русским автором об этой войне. Она — не о танковых боях, не об обстрелах в упор жилых многоэтажек, не о десятках мертвых тел на улицах. В России уже работает конвейер текстов, смакующих массовые убийства и превращение в пыль городов — я эту продукцию, захватанную руками в крови, именую «прилепинщина». Мы сегодня говорим о книжке русского автора, переживающего боль людей Украины и испытывающего именно то, что и должен испытывать сегодня нормальный русский человек — боль и стыд за действия российского государства, обратившегося в злобного монстра. Да, мы переживаем сейчас, перелистываем, заполняем самые позорные страницы в истории нашей страны. Именно так — самые позорные. И в этой ситуации каждому из нас нужно найти возможность искупления. Не знаю другого слова. И не у каждого, в конце концов, есть такая возможность. А вот Валерий Панюшкин собрал под одной обложкой драмы и трагедии сотен украинских беженцев — людей, которых российское государство выдавило и выдавливает с родных мест. Сотен из нескольких миллионов. Каждый рассказ в книге точен и ярок. И не всегда закончен. Мы не знаем, и, может быть, не узнаем никогда, как там сложилась судьба Дениса из Мариуполя, который перед самой войной построил крепкий дом на окраине для семьи. Не узнаем, что произошло с 5-летним мальчиком, который спрятался от танкового обстрела в подъезде разбитого дома. Денис его там так и не нашел.

Автор собрал рассказы живых людей. Там не так уж много мертвых тел и кровавых ужасов на этих страницах. Там точная передача фактов и еще чувство стыда, которое периодически накатывает и мучает автора.

Я уже знаю сегодня довольно много русских или, точнее, русскоговорящих людей, которых чувство стыда не беспокоит никак. Это тот же синдром, который поразил немцев, обожавших Гитлера и его рейх в конце 1930 годов — где бы они не жили. Они, проживая в Хайфе — там была большая

немецкая колония — в 1938 году бурно радовались «хрустальной ночи». И сегодня мы видим схожие настроения у русских в разных частях Европы и здесь — в Латвии. Мне стыдно за этих людей. Я испытываю стыд за то, что говорю с ними на одном языке и с ними ассоциируюсь. И лучшее, что сегодня может сделать русский человек, это написать такую книжку как Валерий Панюшкин, книжку, проникнутую искренним и глубоким сочувствием к украинцам, ставшими главными жертвами этой войны, книгу, возрождающую братское чувство. Да простят мне это слово мои дорогие украинские друзья.

Это первая, изданная на русском книга о первых месяцах войны, где звучат реальные голоса украинцев и волонтеров.

Последняя история в книге называется «Граница», о том, как семья Панюшкина пересекала российско-эстонскую границу, и с этого момента они тоже стали беженцами. История заканчивается словами: «Я тушу окурок и кладу в карман, чтобы не мусорить. Отрываю багажник, проверяю, на месте ли сумка с компьютером и тремя толстыми блокнотами записей для этой книги. На месте! Сажусь в машину и завожу мотор. Все пристёгнуты? Ну, поехали. Теперь и у меня нет родины».

На самом деле сейчас, спустя некоторое время, все происходящее осенью 2022 года выглядит таким милым и мирным. Мы понимали, что спокойной жизни нам, похоже, ждать не приходится, но не подозревали, с какими экстремальными трудностями придется столкнуться еще. Тогда в моменте нам казалось, что нас вполне серьезно лихорадит (как наивны мы были). Число преподавателей СУ перевалило за 200 человек — это уже вполне себе серьезный коллектив, который по определению не может достигать такого консенсуса, каковой легко достигается, когда нас всего 20. То есть на наших общих площадках периодически возникали довольно жаркие споры, грозившие перерасти в конфликты. Одно дело коммуницировать, глядя друг другу в глаза, когда сразу видно, как отреагировал на твою реплику человек, и совсем другое — написать в чате, нечаянно задев кого-то, и отмониторить реакцию лишь некоторое время спустя. К тому же эпистолярный жанр — далеко не самый распространенный и не самый отточенный коммуни-

кативный навык у россиян. Поэтому нас иногда потрясывало, но до серьезного выброса магмы все же не доходило. Эмпирическим путем было доказано, что большой и очень разный, но высокообразованный коллектив сам по себе довольно устойчив. Он долго терпит, но потом дает возмутителю спокойствия достойный и лаконичный коллективный ответ, отшибающий всякое желание затевать любую склоку. Тем не менее, к январской конференции мы готовили поправки в Устав о создании некоего органа, который был бы способен разрешить противоречия еще на подступах к горячей фазе. Надо сказать, что ничего толкового мы не придумали, кроме условных омбудсменов. Как же вовремя мы об этом подумали!!! Очень скоро институция стала востребованной в полном объеме.

А пока мы жили во вполне счастливом неведении об ожидающих нас штормах, переживали маленькие трудности, готовились к Новому году, к новому семестру и к ежегодной январской конференции, которую мы условно приурочили к Татьяниному дню — дню московских студентов.

Вот те 70 курсов, набор на которые мы объявили 10 января 2023 года. Мы еще не знали, что нас ждет впереди...

Исторический цех

- **Учит ли история**
Павел Кудюкин
- **Транспортные коридоры России**
Николай Кульбака
- **Партия трагической судьбы»: история, идеи, демократическая альтернатива и люди партии социалистов-революционеров**
Константин Морозов
- **История снизу**
Инна Штаксер
- **Земли памяти: Прошлое и политика в Восточной Европе**
Екатерина Клименко
- **История первой мировой войны**
Константин Тарасов

- **Русская политическая эмиграция первой волны (1918–1940)**
Анна Голосеева
- **Русский национализм, 1860–2022: идеи, организации, публичная сфера**
Джованни Савино

Цех политологии и права

- **Безусловный базовый доход**
Андрей Авдеенков
- **Конституционное правосудие**
Ольга Кряжкова
- **Художественный текст как источник политического анализа**
Илья Шаблинский
- **Урбанистика и социология города**
Петр Иванов
- **История международных отношений**
Олег Петрович-Белкин
- **Психология политики**
Леонид Гозман
- **Язык и власть**
Юлия Галымина
- **Актуальные проблемы избирательного права и избирательного процесса**
Евгений Порошин
- **Социальная психология агрессии**
Игорь Павлов
- **Как проводить социологические исследования**
Любовь Борусяк
- **Частноправовые начала в публичном праве**
Артем Никифоров
- **Интернет и конституционные права**
Андрей Щербович
- **Права человека: современные вызовы и нерешенные вопросы**
Дмитрий Дубровский

- История и методология социологии
Ирина Чудова
- Введение в этническую политику
Петр Осколков
- Strategies of anti-corruption policy
Алена Вандышева
- Цифровая идентичность
Николай Дмитрик
- Городское наследие и оптики его исследования
Снежана Лашенко

Свободные курсы Свободного университета

- Поэтический мастер-класс с Катей Капович
Катя Капович
- От телевидения к YouTube, от программы к блогу.
Имеет ли журналист право на свой особый взгляд?
Владимир Мукусев
- Графический дизайн. Вводный курс
Татьяна Сиротинина
- Техника речи
Мстислав Пентковский
- Природа человека: как врожденные и приобретенные признаки работают на развитие личности, группы и общества
Макс Гольдштейн
- Искусство кино: режиссура и драматургия. Творческая мастерская Мирзоевых
Владимир Мирзоев
- Political fiction: как и зачем писать сегодня
Кирилл Фокин
- Гид по польской литературе
Игорь Белов
- Курс об эмиграции в литературе
Дмитрий Быков

Цех филологии и наук о культуре

- **Идея авторства в современную эпоху**
Сергей Зенкин, Роман Бевзенко
- **Экранная образность**
Валерий Балаян
- **История российской мемориальной культуры**
Владислав Страф
- **Герцен и революция**
Борис Маслов и Илья Клигер
- **Человек музыкальный: история музыки от неандертальца до Романа Сладкопевца**
Мария Остроухова
- **Антropологическая психиатрия**
Иосиф Зислин
- **Поэзия Бориса Пастернака: герменевтика и понимание текста**
Анна Клятис
- **Курс латинского языка (5 семестров)**
Инна Карезина
- **Раннее кино: ключевые фильмы и научно-исследовательская практика**
Анна Ковалова
- **Постколониализм 101**
Анна Герасимова

Цех философии и религиоведения

- **Феминистская философия**
Татьяна Левина
- **Байесовская эпистемология**
Виктор Горбатов
- **Введение в экзистенциализм**
Андрей Авдеенков
- **Сkeptические парадоксы и способы их решения**
Максим Воробьев
- **Основы успешной коммуникации**
Юлия Горбатова

- Православная Церковь и государство в XX–XXI вв.
Андрей Кострюков
- В поисках нового героя. «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса (ридинг-семинар)
Роман Устьянцев
- Вина и ответственность
Михаил Юданин
- Власть дискурса и дискурс власти на Западе
Александр Погоняйло
- Диалоги с Боэцием
Константин Бандуровский

Школа точных наук

- История медицины
Елена Бергер
- Основы биологии клетки
Юрий Быков
- Общая география
Леонид Перлов
- Введение в теорию вероятностей
Андроник Арутюнов и Наталья Лунёва
- Алгоритмы и структуры данных. Часть 2
Денис Крахмалев
- (И)рациональность? Краткое введение в поведенческую экономику
Егор Бронников
- Поведение животных
Анна Цимбулова
- Введение в физику конденсированного состояния
Татьяна Батурина
- Квантовая революция
Евгений Беркович
- Статистическое моделирование
Максим Скрябин
- Precalculus
Татьяна Червенко, Ирина Солдатенко

- **Аналитическая геометрия и линейная алгебра**
Александр и Николай Спивак

Программа «Практическая юриспруденция»

- **Логика и критическое мышление для юристов**
Виктор и Юлия Горбатовы
- **Анализ дела. Выработка позиции по делу. Реализация позиции по делу**
Мария Воскобитова, Аркадий Гутников
- **Работа юриста в IT компании**
Артем Никифоров

Школа управления и бизнеса

- **Введение в экономику**
Михаил Фреер
- **Деньги и банки: вводный курс**
Елена Сернова
- **Качественные исследования для маркетинга и бизнеса**
Наталия Ильина
- **Оценка и мониторинг инвестиционной привлекательности нефтегазовых активов**
Борис Аронштейн
- **Системное и критическое мышление для бизнеса**
Виктор и Юлия Горбатовы
- **Управление дизайном. Как поставить задачу исполнителю и добиться результата**
Татьяна Сиротинина
- **Организационное развитие**
Олег Трояновский
- **Продюсер. Профессия, необходимая в искусстве и других областях жизни**
Григорий Амнуэль
- **Управление персоналом**
Марина Вишнякова

Несогласные россияне: что они чувствуют через полтора года после начала СВО

Любовь Борусяк

Кандидат социологических наук

В ноябре 2023 года я провела новый, третий по счету, опрос остающихся в России несогласных. Предыдущие прошли в мае и ноябре 2022 года. Анкета частично состояла из прежних вопросов, но появились и новые, так как за год после предыдущего опроса многое в жизни респондентов изменилось. Как и в ходе предыдущих замеров, я спрашивала респондентов о том, что они почувствовали после объявления СВО, но теперь упор был сделан на изменениях в их самочувствии за уже достаточно длительный срок.

Описание исследования

Каждый раз анкеты были опубликованы на Google Forms, а ссылку на них я давала в своей социальной сети для распространения с помощью «снежного кома». Соответственно, по всем своим социально-демографическим характеристикам мои респонденты в ходе всех этапов исследования слабо отличались друг от друга. Скорее всего, многие нынешние респонденты участвовали в этом опросе не впервые, а делали это и раньше.

Это люди с высшим образованием или студенты, проживающие в крупнейших городах, прежде всего, в Москве (на этот раз их было 66%) и Санкт-Петербурге (11%). Примерно половине нет еще 40 лет, остальным 40 лет и более. Как обычно, преобладали представители следующих профессий, преимущественно гуманитарных (проценты даются по результатам последнего замера): преподаватели вузов и научные сотрудники — 21%, журналисты, редакторы — 11,5%, учителя — 11%, культура, литература, искусство, дизайн — 10%, психология, медицина —

9%. Традиционно среди участников опроса очень много людей так называемых «помогающих профессий», полагающих, что их труд очень полезен молодежи, простым людям, обществу в целом.

В одном последний опрос существенно отличался от предыдущих: резко снизилась активность потенциальных участников, особенно не москвичей. Во время первого замера полтора года назад за сутки анкету остающихся несогласных заполнили 500 человек, полгода спустя за тот же кратчайший срок их количество выросло до 1300, а на этот раз за несколько дней было собрано всего 330 анкет. Снижение активности в распространении и заполнении стало заметно с самого начала набора анкет, поэтому я обратилась к своим друзьям по социальной сети с просьбой объяснить этот феномен. Большинство из них предположило, что люди утратили смысл участвовать в опросе; некоторые этого боятся, хотя опрос анонимный; они находятся в состоянии апатии и безразличия; многие уехали, как и собирались это сделать, из страны, а многие по разным причинам просто ушли из социальных сетей, прежде всего из фейсбука. Одни из страха писать в запрещенную в России социальную сеть, другие не сумели настроить VPN. А вот весной 2022 года, вскоре после начала СВО и первой массовой волны эмиграции, как и осенью того же года после объявления частичной мобилизации и второго всплеска эмиграционной активности, остающиеся несогласные очень хотели заявить о том, что они существуют, хотя и не представлены в публичном поле, что они действуют, делают много полезного.

Время шло, ничего особенного нового и существенного не происходило, жизнь остающихся несогласных каким-то образом стабилизировалась, в результате чего ослабло, почти угасло желание представить себя в условно публичном поле.

А вот что наиболее важного произошло за этот год с представителями интересующей меня группы, прежде всего, с их самочувствием, стало целью последнего этапа исследования.

Что было полтора года назад?

Каждый раз, отвечая на вопрос о том, что респонденты почувствовали 24 февраля 2022 года, большинство из них описывали свои ощущения исключительно экспрессивно. Не стал исключением и этот замер, хотя это были воспоминания уже полутородничной давности. Причем описания этих чувств практически не изменились, настолько остро они сохранились в памяти.

По числу ответов лидируют страх и ужас — 54% к числу ответивших. Далее следуют депрессия, бессилие, безысходность — 28%, шок — 27%, возмущение, гнев, ненависть, злость — 24,5%, недоумение, непонимание, растерянность, смятение, а также боль, горе, отчаяние, тоска — по 24%. Последнее место заняли стыд и вина — 12%, причем ответов о вине было очень мало, практически единицы, в основном говорили о чувстве стыда за происходящее. Собственной вины в этом они не видели, было стыдно за страну. Как мы видим, число ответов значительно превышает 100%, то есть большинство респондентов испытывали смешанные чувства, но с большим отрывом лидировали страх и ужас. В среднем респонденты два типа ответов: например, страх, ужас и шок; страх, ужас и безысходность или гнев; или стыд и злость и пр.

Шок я выделила в отдельную группу, не соединив его со страхом. Во-первых, поскольку это гораздо более сильное и резкое чувство, во-вторых, потому что оно, как можно было предположить, не может длиться очень долго. Бояться, испытывать ужас можно очень длительное время; шок напоминает удар. Первым ударом было объявление СВО, вторым — частичная мобилизация. Скорее всего, между ними шоковое состояние должно было спадать, что мы и проверили, задавая следующий вопрос.

Еще одно важное обстоятельство: преобладали «слабые» реакции, пассивные, не предполагающие никакого действия, своего рода реакции жертв, а не активных акторов. Только четверть опрошенных говорила о злости, гневе, возмущении. Конечно, эти чувства не предполагают активного противодействия происходящему, но они во всяком случае означают внутренний протест, хотя и не обязательно выходящий вовне.

В этом смысле отчасти справедливыми были тогда высказывания уехавших, что их отъезд — это действие, а оставаться — никакого действия не совершать. И это при том, что наши интервью с эмигрантами четко показали, что оба ее всплеска в наибольшей степени были вызваны тоже страхом и ужасом, прежде всего перед закрытием границ и мобилизацией весной 2022 года и уже объявленной частичной мобилизацией спустя полгода. Среди уехавших доля политических активистов, которым реально грозили репрессии и которые вне России собирались вести активную политическую деятельность, была очень невелика. Эти обвинения в бездействии очень сильно задевали остающихся, которые не считали бегство из страны из-за страха реальным действием.

Что они чувствуют спустя полтора года?

После частичной мобилизации в сентябре 2022 года никаких особенно остро воспринимаемых событий, в общем, не произошло, не происходили и какие-то существенные сдвиги в ту или иную сторону и на фронтах, а потому не было и новых эмиграционных всплесков. Впрочем, судя по всему, потенциала людей для третьего резкого всплеска эмиграции уже нет, в значительной степени этот потенциал исчерпан.

Если говорить о населении России в целом, то согласно результатам Всероссийского опроса, проведенного Левада-центром в конце октября 2023 года, чувствуют себя россияне очень хорошо. Так, 15% указали, что чувствуют себя прекрасно, 67% — нормально, у них ровное состояние, при этом 13% испытывают напряжение и лишь 4% страх и тоску. При этом у представителей самой молодой группы респондентов ответов о прекрасном настроении больше всего — 28%, а меньше всего оптимистов среди самых пожилых (старше 65 лет) — их лишь 8%, что можно объяснить, скорее, не политическими, а личными обстоятельствами. Отметим также, что 2/3 респондентов указали, что страна движется в правильном направлении¹.

1. URL: <https://www.levada.ru/2023/11/14/obshhestvennye-nastroeniya-oktyabr-2023-goda/>.

Совсем не так хорошо, судя по результатам моего опроса, чувствуют себя несогласные высокообразованные жители мегаполисов. Понятно, что шок прошел почти у всех — всего 2,2%, в таком остром состоянии невозможно жить долго. Снизилась за это время доля страха и ужаса — 17,5%, то есть таких ответов втрое меньше, чем весной 2022 года. Причем если тогда на страх и ужас, как правило, указывали вместе, они шли парой, то теперь чаще по-отдельности. О страхе говорят как о реакции на какие-то угрозы, об ужасе как общем, недифференцированном состоянии. Почти вдвое (до 14%) сократилась доля испытывающих злость, гнев, возмущение. Скорее всего потому, что усилилось жертвенное самоощущение, чувство невозможности и неспособности как-то активно действовать, противостоять происходящему. И действительно, значительно больше стало людей, чувствующих безысходность, бессилие, усталость, депрессию, подавленность, обреченность — 36,2% ответивших. Эта группа ответов стала лидировать, причем эпитетов, описывающих такого рода состояния, стало больше. В частности, появился эпитет «обреченность». Такое самоощущение не могло появиться сразу, для этого потребовалось время. Вдвое реже стали говорить о стыде, чувстве вины — 6%. Жертвы не чувствуют себя виноватыми.

Появилась еще одна группа ответов, тоже потребовавшая времени для возникновения — это отчаяние и боль, которые сначала были острыми, но постепенно стали хроническими. И уж точно новой стала такая группа ответов как «адаптация, принятие, спокойствие, безразличие, надежда» — 18%. Понятно, что адаптация, принятие и спокойствие сильно отличаются от безразличия и надежды (ее мало в этой группе), но все это — результат длительной жизни в состоянии стресса.

Что изменилось за это время?

Я попросила респондентов описать основные изменения, которые у них произошли за полтора года жизни в новых, неблагоприятных обстоятельствах. «Ничего не изменилось» отметили немногие — 8,4%, остальные почувствовали существенные изменения, причем описывали эти изменения очень по-разному.

Как и можно было ожидать, лидировали две группы ответов: «привыкание, адаптация» — 20,6% и «усталость, безнадежность, бессилие» — 18,1%. Но в чем заключается эта адаптация? К привычке, а потому принятию и согласию, приносящим спокойствие? Нет, вот наиболее типичные ответы: «*Как после смерти близких. Кажется, мир должен рухнуть, а он не рухнул. И ты, озираясь, привыкаешь жить в новой реальности*», «*Привыкли к ужасу*», «*Появилась привычка жить с постоянной болью*», «*Мы привыкаем к боли. И к тому, что не в силах ни на что повлиять*», «*Есть привыкание, привычный ужас уже не так ранит, как нежданный*» и пр. Боль из острой превратилась в хроническую, привычную, стала нормальной частью жизни, не такой острой, как прежде, фоновой.

А раз так, то люди испытывают усталость, бессилие, безнадежность: «*Не осталось никакой надежды*», «*Атрофировались острые реакции, чувство мрака стало постоянным*», «*Появилось ощущение, что счастья уже не будет*», «*Бессилие, безнадёжность*». Несколько человек вспомнили строки из ставшего популярным в этой среде стихотворения Инны Кабыш: «*Кто варит варенье в июле, тот знает, что выхода нет*». К ответам этих двух типов примыкают еще группа «понимание, что весь этот ужас надолго» — 10,3%. В сумме эти группы — половина респондентов.

Но все-таки 11,6% полагают, что раз это надолго, то нельзя окончательно падать духом, надо запастись терпением, сохранить себя и/или надеяться на лучшее: «*Понятно, что весь этот кошмар надолго и надо выстраивать долгосрочную перспективу-как сохранить себя и детей в перевёрнутой с ног на голову реальности. В оруэлловском мире жить трудно*», «*Деваться некуда, надо жить и работать дальше*», «*Приняла решение, что не буду сама разрушать свою жизнь. И что буду изо всех сил строить её*». Буду поддерживать живое там, где могу. В своей жизни и жизни близких», «*Надо как-то жить и в эти времена. Множество людей вокруг думают так же, как я, значит, есть основания надеяться пережить и принять участие в восстановлении*», «*Психика адаптировалась: жить долго придётся в этом мороке, м.б., до своего конца, а события только будут нарастать и потрясать своей чудовищностью — собираемся силами, концентрируемся на важном, „надеваем броню“*» и пр. Я думаю, что если ситуация будет сохраняться примерно такой же ста-

ционарной, как в последние месяцы, если не будет очень сильных социально-политических шоков, то доля таких людей из данной социальной группы будет возрастать. Во всяком случае, только 4,8% респондентов полагает, что происходит ухудшение политической ситуации, рост давления на несогласных.

Относительно небольших по количеству групп ответов много, но я хочу обратить внимание только на несколько, которые кажутся существенными. Для 8% респондентов болезненным оказалось разочарование в окружающих людях, зачастую связанных с ними родственными узами, они стали чувствовать себя одинокими маргиналами. Напротив, лишь 2,6% испытывают надежду на людей, имеют единомышленников, что им дает немалый жизненный ресурс.

С началом войны в Израиле, трагедией в Карабахе, неправильной с точки зрения участников исследования позиций и санкциями западных стран по отношению к таким, как они, то есть уход от того, что принято было называть «европейскими ценностями» и пр. довольно многие перестали воспринимать ситуацию в России как уникальную. Они пишут, что «мир сошел сума», «прежнего мира не существует», в нем нет уже никакой стабильности: «Политическая обстановка в целом в мире накаляется, уже и Армения, и Азербайджан, и Израиль с Палестиной. Есть ощущение, что число конфликтных зон будет только расти», «Война распространяется по миру», «Стали понятны позиция и отношение к нам Запада, их цели с благополучием нашей страны (и благополучием Украины) не совпадают», «Стало понятно, сколько на свете лицемерных людей, например (тут я не только про российских политиков, но и про европейских с их бессмысленными санкциями)» и пр. Все это воспринимается очень болезненно, но точно не способствует росту возмущения происходящим в России, особенно это касается разочарования в политике Запада.

В ходе каждого опроса несогласных я сталкивалась с тем, что очень малую долю их проблем и переживаний вызывают экономические и бытовые сложности. На этот раз на рост цен, бытовые сложности, проблемы с работой посетовало лишь 4,8% респондентов, эта тема остается маргинальной по сравнению с проблемами политическими. Возможно, это связано с тем, что абсолютное большинство моих респондентов живут в Москве

и других мегаполисах, их можно было в недалеком прошлом условно назвать представителями среднего класса. Жалоб на качество сервисов нет ни одной, только трое респондентов сообщили о потере работы, остальные отмечали, что жизнь стала гораздо дороже, но их, повторю, очень мало.

Вместо заключения

Совсем не быт и доходы делают жизнь большинства остающихся респондентов такой тяжелой и мучительной, не они создают у них чувство глубокой депрессии, безысходности, страха и печали. Постоянное фоновое ощущение ведущейся войны, хотя они находятся далеко от линии фронта и у них нет находящихся там близких, чувство изолированности, маргинальности в своей стране и полное безразличие к ним, их проблемам от зарубежных политиков, разлука с эмигрировавшими близкими и друзьями, страх перед будущим, отсутствие надежды на лучшее — вот что мучает их больше всего. Единственное, что позитивно отличает этот опрос от предыдущих — это отсутствие суицидальных настроений, какая-то, пусть очень мучительная, адаптация все-такие происходит.

DOI: 10.55167/318b3bf7cf2a

Российская Конституция 1993 г.: изъяны изначального дизайна, поправки и конституционная контрреформа 2020 г.

Екатерина Мишина

Кандидат юридических наук, советник юстиции I класса

С 2020 года День Российской Конституции — день не праздничный. Теперь это день памяти и скорби, когда мы вспоминаем ту, изначальную Конституцию, принятую в 1993 году. Она была далеко не идеальна, но обладала также и безусловными достоинствами, закрепляла такие основополагающие принципы, как разделение властей, верховенство международного права, независимость судов и судей, и устанавливала, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью¹. Эта Конституция наделяла российского президента огромными полномочиями, но глава государства, для которого все это и писалось, эти полномочия на уровне конституционного закрепления особо не расширял — именно поэтому эпоха Ельцина именуется периодом «слабого президентализма». Его преемник пошел по иному пути — пути неуклонного укрепления вертикали власти, квинтэссенцией которого стали конституционные поправки 2020 г. В силу этих поправок ставший практически несменяемым российский президент крепко держит в руках все ветви власти².

Изначальный дизайн Конституции РФ 1993 г. предусматривал сильного президента, что, впрочем, и неудивительно: российская конституционная модель в значительной степени

1. Ст. 2 Конституции Российской Федерации 1993 г.

2. E. Mishina. *The evolution of presidential powers in the post-Soviet space: Russia, Georgia, Kazakhstan, Azerbaijan*. URL: <https://www.freerussia.org/the-evolution-of-presidential-powers-in-the-post-soviet-space-russia-georgia-kazakhstan-azerbaijan>.

основана на Конституции Пятой республики Франции 1958 года — классической конституции — *ad hoc*. Она, словно костюм, была пошита для конкретного харизматического политика — генерала Шарля де Голля. Эту конституцию иногда именуют «цезаристской», ибо она предоставила президенту Франции полномочия, по масштабу сходные с полномочиями древнеримских кесарей. Неудивительно, что именно французскую модель, ориентированную на сильного президента, в итоге и предпочли создатели российской Конституции в 1993 г.³

Президент в российской конституционной модели не просто сильная фигура — он главный орган государственной власти. Несмотря на то, что ст. 10 Конституции, устанавливающая, что государственная власть в России осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, не упоминает президента, в ст. 11, перечисляющей органы государственной власти в РФ, фигурируют уже четыре власти⁴, а в качестве первой упоминается именно президент. Анализ текста Конституции 1993 г. даже в ее изначальном варианте не оставляет сомнений: президент — главный актор и наиважнейший орган государственной власти. При этом президент не является частью системы разделения властей.

Данный вывод отражен и в отечественной правовой доктрине. Этой точки зрения придерживаются многие выдающиеся российские конституционалисты и правоведы. В «Комментарии к Конституции РФ» под редакцией Валерия Зорькина и Леонида Лазарева отмечается: «оставаясь вне пределов традиционно вычленяемых трех ветвей единой государственной власти, [...] президент интегрирует российскую государственность, [...] он юридически и фактически „присутствует“ во всех властях»⁵.

3. Op. cit.

4. Это отмечал академик РАН профессор Владик Нерсесянц в коллективном труде «Проблемы общей теории государства и права» (Москва: Норма, 1999).

5. Комментарий к ст. 80 Конституции РФ 1993 г. / Под редакцией В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева.

Академик РАН Владик Нерсесянц еще в 1999 году писал, что установленная Конституцией 1993 г. «система разделения и взаимодействия властей носит в целом асимметричный и несбалансированный характер — с явным перекосом в пользу полномочий президента и его доминирующей роли в решении государственных дел, с очевидными слабостями других ветвей власти в их соотношении с президентской властью. Конституция наделяет президента весьма широким кругом прав, который, по существу, охватывает все сферы и направления организации и осуществления в стране государственной власти»⁶. Нерсесянц подчеркнул, что «хотя в соответствии с зафиксированным в ст. 10 Конституции принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ясно, что президентская власть (вся совокупность конституционных правомочий президента) — это власть именно исполнительная, однако по смыслу ряда других статей Конституции президентская власть как бы выносится за рамки данной классической триады и конструируется в виде некой отдельной (исходной, базовой) власти, возвышающейся над этой стандартной триадой»⁷. По мнению правоведа Олега Кутафина, результатом включения в текст Конституции формулировки «президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти»⁸ стало появление особого института президентской власти, который находится над всеми другими ветвями власти⁹. Правоведы Михаил Краснов и Илья Шаблинский отмечают, что «исключив президента РФ из триады ветвей власти, Конституция ставит его над ними»¹⁰. М. Краснов подчеркивает, что такой «статус президента побу-

6. Проблемы общей теории государства и права / Под редакцией В. С. Нерсесянца. Москва: Норма, 1999. С. 688–690.

7. Указ. соч. С. 689.

8. Ч. 2 ст. 80 Конституции РФ 1993 г. в изначальной редакции.

9. Подробнее см.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. Москва: Норма, 2008.

10. Подробнее см.: Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. Москва: Институт права и публичной политики, 2008.

ждает воспринимать его как институт, стоящий над всеми иными органами и, по сути, над системой разделения властей (кстати, в России это не просто мнение многих конституционалистов и позиция Конституционного суда, но теперь и отчетливо подтверждено законодательно — в Законе о Госсовете [Федеральный закон 2020])»¹¹.

К сожалению, даже в изначальном тексте российской Конституции заметны следы советского наследия. Наилучшим примером является часть 3 статьи 80, согласно которой Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Эта странная норма, крайне плохо сочетающаяся с принципом разделения властей, перекочевала из советских Конституций в Конституцию постсоветскую. Сходная норма¹² присутствовала в первой Конституции Советской России и устанавливалась, что общее руководство всей внешней и внутренней политикой относилось к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов, равно как и все иные вопросы общегосударственного значения.

В Конституции СССР 1977 г. линию внутренней и внешней политики определяла Коммунистическая партия¹³. В конце 1980-х после принятия поправок к Конституции РСФСР 1978 г. определение внутренней и внешней политики РСФСР было отнесено к исключительной компетенции Съезда народных депутатов РСФСР, высшего органа государственной власти страны¹⁴. Норма из советских конституций пережила Советский Союз, и после принятия новой Конституции РФ определение основных направлений внутренней и внешней политики стало полномочием главы государства.

11. Краснов М. А. О новом смысле института президента. С.48–49.
DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.002.

12. Статья 49 (б) Конституции РСФСР 1918 г.

13. Статья 6 Конституции СССР 1977 г.

14. Статья 104 Конституции РСФСР 1978 г. с поправками от 27 октября 1989 г.

Краснов и Шаблинский оценивают данное президентское полномочие как мину замедленного действия, в результате чего конституционная конструкция власти оказалась лишенной баланса, и возник существенный перевес в пользу президентской власти¹⁵. Конституционный суд РФ, однако, дисбаланса не увидел и, напротив, подчеркнул вытекающую из Конституции обязательность основных направлений внутренней и внешней политики государства — сначала для правительства (в постановлении от 11 декабря 1998 г. № 28-П), а затем для всех органов публичной власти (в постановлении от 29 ноября 2006 г. № 9-П).

Расплывчатые и неточные нормы¹⁶, регулирующие процедуру формирования Совета Федерации — это еще один пример присутствия советского наследия в постсоветской Конституции. Многие ранние акты советского права были написаны весьма обтекаемым языком, и подобные гуттаперчевые формулировки создавали неограниченные возможности для произвольного толкования туманно сформулированных норм. В результате расплывчатости и недостаточности норм, касающихся формирования Совета Федерации, эта процедура неоднократно видоизменялась в соответствии с колебанием политической воли и в результате превратилась в формулировку, вступающую в противоречие с принципом разделения властей, ибо теперь российский президент принимает весьма активное участие в формировании Совета Федерации и может назначить до 30 из 178 членов верхней палаты, причем семеро президентских назначенцев будут пребывать в должности пожизненно¹⁷.

Российская Конституция неоднократно подвергалась изменениям, и большинство поправок последовательно усиливали полномочия одного, главного органа власти (президента), одновременно урезая полномочия других ветвей власти. Ряд поправок фиксировал изменения федеративного устройства

15. Подробнее см.: Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом.

16. Изначальная редакция статей 95–96 Конституции РФ 1993 г.

17. Ст. 95 ч. 2 (в) Конституции РФ 1993 г.

Российской Федерации, такие как принятие и образование в составе РФ новых субъектов РФ — Крыма и Севастополя в 2014 г., ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в 2022 г., объединение субъектов федерации, в результате которого появились либо приросли новыми территориями такие субъекты, как Пермский, Красноярский, Камчатский и Забайкальский край, а также Иркутская область.

Одна из наиболее разрушительных поправок к российской Конституции была принята в 2014 г., и 6 августа 2014 г. начал функционировать «новый объединенный Верховный суд, образованный на основе прежних Верховного и Высшего арбитражного судов» в целях обеспечения «единства подходов при отправлении правосудия [...] и единообразия в судебной практике»¹⁸. То, что было сделано посредством принятия данной поправки, комментаторы обычно называют **объединением** Верховного и Высшего Арбитражного судов России. Текст закона РФ от 5 февраля 2014 г. о поправке к Конституции РФ говорит совершенно об ином: «Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упраздняется, а вопросы осуществления правосудия, отнесенные к его ведению, передаются в юрисдикцию Верховного Суда Российской Федерации»¹⁹. Подобный способ формирования единого высшего судебного органа России вызывает сильные ассоциации с процедурой, которая в бизнесе именуется *недружественным поглощением*²⁰.

Упразднение ВАС РФ и помещение арбитражных судов под крыло Верховного суда крайне негативно оценивается многими практикующими юристами. Под руководством ВАС РФ

18. Текст законопроекта и пояснительной записки к нему доступен здесь: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=352924-6&o2>.

19. Ч. 2 ст. 2 Закона РФ о поправке к Конституции от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Текст Закона о поправке к Конституции доступен здесь: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158640/b004fedob7odof223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/.

20. Мишина Е. Задачи и перспективы судебной реформы в России. Рефорум, 2022. С. 8. URL: <https://reforum.io/contents/uploads/2021/02/sud-reform.pdf>.

сформировалась новая генерация арбитражных судей, обладающих высоким профессионализмом и успешно разрешающих самые сложные правовые коллизии. Принципиально более высокое качество решений, вынесенных арбитражными судьями, в сравнении с качеством решений значительного числа их коллег из системы общей юрисдикции, очевидно не только для юристов. Именно по этим судьям и ударило поглощение Высшего Арбитражного суда Верховным Судом РФ²¹. Роман Бевзенко, возглавлявший в ВАС РФ управление частного права, отмечает, что с 2014 года идет постепенная деградация системы арбитражных судов, в том числе и «перманентное вредительство в сфере процесса, затаскивание в наш современный Арбитражный Процессуальный Кодекс каких-то безумных замшелых решений из Гражданского-процессуального кодекса»²². Об августа 2014 года стало точкой бифуркации, а ликвидация ВАС РФ — невосполнимой утратой и мощным ударом по всей системе экономического правосудия²³. Вспоминая ВАС, юристы отмечают, что «это был суд, который смог освободиться от советского менталитета. Сохранял независимость мнения, для чего были созданы специальные внутренние институты, в результате не вписался в вертикаль власти. На фоне его реальных достижений Верховный суд не то, что проигрывал, а выглядел просто жалко»²⁴. Трудно не согласиться с юристами, которые видят в ликвидации ВАС РФ наступление на права и свободы человека и гражданина: «когда суд ликвидируют за независимость, дальше лучше точно не будет. Именно с разгона ВАС РФ началось открытое попрание законности»²⁵.

Наиболее масштабное изменение российской Конституции произошло в 2020 г. 15 января 2020 года в Послании

21. Указ.соч. С. 8–9.

22. Бевзенко Р. О «новом» председателе Верховного суда. 30 сентября 2019 г. URL: https://zakon.ru/blog/2019/9/30/o_novom_predsedatele_verhovnogo_suda.

23. Зарипов В. Как у нас дела без ВАС? 9 августа 2016. URL: https://zakon.ru/blog/2016/08/09/dva_goda_bez_vas.

24. Там же.

25. Там же.

Федеральному собранию российский президент ознакомил парламентариев с своими предложениями по изменени Конституции России. Ключевые положения президентской программы конституционных преобразований сводились к следующему:

- «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство»²⁶;
- «на конституционном уровне закрепить обязательные требования к лицам, которые занимают должности, критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны. А именно: главы субъектов Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Председатель Правительства, его заместители, федеральные министры, руководители иных федеральных органов, а также судьи не могут иметь иностранное гражданство, вид на жительство либо иной документ, который позволяет постоянно проживать на территории другого государства»²⁷;
- «закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — могут и должны быть расширены и укреплены»;
- «в любой ситуации и на всей территории страны должны исполняться социальные обязательства государства. Поэтому считаю необходимым прямо закрепить в Конституции норму о том, что минимальный размер оплаты труда в России не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения, у нас это в законе есть, надо закрепить это в Конституции, а также закрепить в Основном законе принципы достойного пенсионного обеспечения, имею в виду здесь и регулярную индексацию пенсий»²⁸.

26. Послание президента Федеральному собранию 15 января 2020 г.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

27. Там же.

28. Там же.

- «кардинально повысить роль губернаторов в выработке и принятии решений на федеральном уровне, [...] закрепить в Конституции России соответствующий статус и роль Государственного совета»;
- «Федеральное Собрание готово взять на себя большую ответственность за формирование Правительства [...] А это значит, взять на себя и большую ответственность за ту политику, которую это Правительство проводит».

Глава государства предложил установить на конституционном уровне, что назначение руководителей всех так называемых силовых ведомств президент может проводить по итогам консультаций с Советом Федерации. Он подчеркнул, что, по его мнению, «такой подход сделает работу силовых, правоохранительных органов более прозрачной и в большей степени подотчётной обществу». Отдельно было отмечено, что президент осведомлен о том, «что в нашем обществе обсуждается конституционное положение о том, что одно и то же лицо не должно занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд. Не считаю, что этот вопрос принципиальный, но согласен с этим»²⁹. Он отметил, что «основной закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству», в связи с чем счел необходимым «предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи»³⁰. При этом президент подчеркнул, что предложение делается исходя из сложившейся практики, и этого явно сегодня не хватает. Президент также предложил усилить роль Конституционного суда, наделив его «возможностью по запросам Президента проверять конституционность законопроектов, принятых Федеральным Собранием, до их подписания главой государства. Мож-

29. Там же.

30. Там же.

но подумать и о распространении полномочий Конституционного Суда оценивать на соответствие Конституции не только законы, но и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня»³¹.

Кроме представленной выше программы обновления действующего Основного Закона страны, президент определил задачи дальнейшего государственного строительства, указав на необходимость:

- «создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую Россию независимость и суверенитет»;
- «создать систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда незыблемым остается главное — интересы России»;

В завершение президент отметил, что считает принципиальным и хотел бы особо подчеркнуть следующее: «Поправки, которые нам предстоит обсуждать, не затрагивают фундаментальных основ Конституции, а значит, могут быть утверждены парламентом в рамках действующей процедуры и действующего закона через принятие соответствующих конституционных законов»³².

Не теряя времени даром, уже 20 января 2020 г. президент внес проект закона о поправке к Конституции РФ в Государственную Думу. В течение нескольких недель законопроект претерпел значительные изменения, был одобрен обеими палатами Федерального собрания и подписан президентом 14 марта 2020 г. 16 марта 2020 г. Конституционный суд РФ признал положения Закона РФ о поправке к Конституции РФ и порядок его вступления в силу соответствующими Конституции РФ³³.

Конституционные поправки, вступившие в силу 4 июля 2020 года, беспрецедентны по ряду показателей — в первую очередь по численности: **206** изменений. Это вам не **27** попра-

31. Там же.

32. Там же.

33. Текст Заключения КС РФ № 1-3 от 16 марта 2020 г. доступен здесь: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/.

вок к Конституции США, принятые за двести с лишним лет. Для принятия поправок к Конституции РФ было специально изобретено «общероссийское голосование», о котором никто из юристов раньше не слышал и которое не упоминалось в нормативно-правовых актах до издания 14 февраля 2020 года распоряжения президента № 32-рп «Об организации подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ». Отсутствие факта существования общероссийского голосования до начала поправочной эпопеи конфузливо признал даже Конституционный суд, оговорившись, правда, что оно имеет особую юридическую природу: «Конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию, прямо не предусмотренному действующим правовым регулированием, для принятия конституционной поправки³⁴.

Весьма примечательно, что некоторые поправки совершенно не согласуются с путинской программой конституционных преобразований, изложенной в Послании Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. В первую очередь, это печально известная «терешковская поправка», «обнулившая» президентские сроки Владимира Путина и Дмитрия Медведева и явно противоречащая заявлению президента о необходимости создания системы, обеспечивающей сменяемость власти в стране³⁵.

Среди 206 поправок крайне непросто отыскать те, которые бы принципиально улучшили жизнь россиян, а заверения о том, что они защитят социальные права граждан, совершен-

34. Об «общероссийском голосовании» см.: <https://bit.ly/3uGgFR8>.

Распоряжение президента № 32-рп от 14 февраля 2020 года

«Об организации подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ»: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002140013>. Заключение КС РФ № 1-3 от 16 марта 2020 г.: <https://rg.ru/2020/03/17/ks-rf-popravki-dok.html>.

35. Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. Москва: Лум, 2020. С. 89.

но неубедительны. Социально-экономические поправки либо устанавливают нормы, уже присутствующие в федеральном законе или в самой Конституции, либо имеют декларативный и пиаровский характер. Некоторые поправки не просто дискриминационны — они символизируют победу «российских культурных традиций» над западными ценностями. Это и поправка о русском языке как языке государствообразующего народа³⁶, и определение брака как союза мужчины и женщины³⁷. Регулярные попытки российских властей переписать историю получили «охранную грамоту» конституционного уровня, и новый п. 3 статьи 67.1 звучит не как конституционная норма, а как политическое заявление: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Путинские поправки оказали весьма сильное влияние на судебную власть. Президент был наделен правом³⁸ вносить в Совет Федерации представление о прекращении полномочий судей различных категорий, в том числе председателя, заместителя председателя и судей Конституционного суда; председателя, заместителей председателей и судей Верховного суда; председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов. Новое полномочие российского президента вызывает большие вопросы, поскольку оно нарушает фундаментальные принципы статуса судей, основным из которых является независимость от других ветвей власти. Новое право главы государства аннулирует принцип несменяемости судей и по сути ликвидирует последние остатки независимости судей при вынесении решений. За президентом оставалось последнее слово почти во всех судейских назначениях — теперь судьи будут полностью зависимы от его воли.

Российская практика наглядно демонстрирует, что формулировку «поступки, порочащие честь и достоинство судьи»

36. О заверениях думы см.: <http://duma.gov.ru/news/48545/>. Ст. 68 Конституции РФ с поправками 2020 г.: <https://bit.ly/3GxILku>.

37. Ст. 72 Конституции РФ с поправками 2020 г.

38. Ст. 83 Конституции РФ с поправками 2020 г.

можно легко применять в случаях, если судья не выполняет незаконные требования председателя суда, критикует российскую судебную власть, отказывается безоговорочно следовать внутренним неписанным правилам российского судейского сообщества или пытается иным образом выступать в качестве независимого арбитра, а не чиновника, послушно выполняющего указания начальства. Расплывчатая формулировка «поступок, порочащий честь и достоинство судьи» позволит отстранить судью от должности даже при отсутствии достаточных оснований.

Российские юристы и правоведы критически оценивают данную поправку, последовательно подчеркивая, что вопрос о прекращении полномочий судьи может быть поставлен только представителями судейского сообщества. Венецианская комиссия также выразила обеспокоенность законопроектом о поправках к российской Конституции, отметив, что теперь «именно исполнительная власть, то есть президент, будет иметь полномочия инициировать процедуру отставки [судей] Советом Федерации. Право инициировать смещение судьи, доверенное исполнительному органу власти, само по себе неизбежно проблематично при условии, что данный процесс является судебным. Введение таких полномочий в нынешнем контексте — особенно учитывая отсутствие регулирования процесса по смещению [судьи] в Конституции — увеличивает возможности исполнительной власти воздействовать на Конституционный суд»³⁹.

Конституционные поправки 2020 г. сократили число судей Конституционного суда и существенно сузили возможности граждан обращаться в КС за защитой нарушенных прав и свобод. Многим, возможно, придется потратить годы на исчерпание национальных средств правовой защиты, прежде чем они смогут обратиться в Конституционный суд. Стоит ли удивляться, что в таких условиях мало, кто сможет достичь поставленной цели. Сокращение числа судей Конституционного

39. Критическую оценку см.: https://zakon.ru/blog/2020/01/21/popravki_v_konstituciyu__sudebnaya_vlast. Венецианская комиссия. Мнение № 981/2020 от 18 июня 2020 г., с. 60. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2020\)009-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2020)009-e).

суда повлияет не только на загруженность и эффективность его работы, но и на качество принимаемых постановлений и определений. С учетом закрепленной на конституционном уровне возможности уклоняться от исполнения решений ЕСПЧ, можно сделать вывод, что защита конституционных прав и свобод россиян находится под угрозой⁴⁰.

Новая редакция ст. 125 закрепляет на конституционном уровне полномочие КС «разрешать вопрос о возможности исполнения решений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации». Там же предусмотрено еще одно новое полномочие КС — определять возможность исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных третейских судов (арбитражей), налагающих обязанности на РФ, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ. Закрепление на конституционном уровне возможности не исполнять решения перечисленных выше органов, ссылаясь на «публичный порядок», который является категорией международного частного права, а не конституционного права, ставит под удар примат международного права, закрепленный в главе I «Основы конституционного строя»⁴¹.

Эта поправка стала ответом на вынесенное 18 февраля 2020 г. Апелляционным судом Гааги решение по делу *Yukos shareholders v. Russia*. Данное предположение подтверждается протоколом⁴² встречи российского президента с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации, состоявшейся 26 февраля 2020 г. На этой встрече председатель комитета по иностранным делам Совета Федерации Константин Косачев заявил: «Достаточно

40. Mishina E. How Putin's Constitutional Amendments Affect the Judiciary? URL: <https://www.imrussia.org/en/analysis/3147-how-putin%E2%80%99s-constitutional-amendments-affect-the-judiciary>.

41. Баренбойм П., Мишина Е. Указ. соч. С. 98.

42. Текст доступен здесь: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/62862/print>.

много в последнее время случается таких неправовых решений зарубежных судов. У нас это всё на слуху, на виду. Позволю себе привести в качестве примера только последний резонансный случай — недавнее решение Апелляционного суда Гааги, обязавшего Россию выплатить 50 миллиардов долларов бывшим акционерам компании „ЮКОС” [...] С нашей точки зрения, необходимы исчерпывающие конституционные инструменты защиты российских национальных интересов от такого рода беззастенчивых политических посягательств»⁴³.

Президент поддержал предложение Косачева: «Что касается права Конституционного Суда России оценивать возможность исполнения или неисполнения на территории Российской Федерации решений международных судебных институтов — полностью согласен. Вы правы, это напрямую связано с защитой нашего суверенитета и пресечением попыток вмешательства в наши внутренние дела»⁴⁴.

Конституционные поправки 2020 года не только обнулили президентские сроки Владимира Путина и Дмитрия Медведева, но и расширили полномочия главы государства. Президент теперь:

- руководит исполнительной властью;
- после консультаций с Советом Федерации назначает на должность ряд министров, в том числе силовиков, министра юстиции, министра иностранных дел, а также прокуроров разных уровней, в том числе и генерального прокурора;
- единолично освобождает от должности указанных выше лиц без каких-либо консультаций либо согласований;
- может уволить премьер-министра, не отправляя правительство в отставку;
- может распустить Думу не только в случае трехкратного отклонения кандидатуры премьера, но и отклонения кандидатур более одной трети членов правительства (кроме министров, назначаемых лично президентом);

43. Там же.

44. Там же.

- назначает и освобождает от должности представителей РФ в Совете Федерации — до 30 человек, из них до семи пожизненно⁴⁵;
- при этом сам президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, становится пожизненным членом Совета Федерации, но вправе и отказаться (часть 2 (б) статьи 95 Конституции РФ);
- инициирует в Совете Федерации процедуру лишения полномочий председателей Конституционного и Верховного судов РФ, их заместителей, председателей и судей кассационных и апелляционных судов.

Отныне президент жестко держит в руках все три ветви власти. Единственный закрепленный в конституции способ воздействовать на него — это процедура импичмента. Но эта процедура даже во времена ельцинского «слабого президенциализма», никогда не была реализована. В сегодняшней России при действующем президенте и с учетом поправок 2020 г. это попросту нереально.

С грустью приходится признать, что конституционные поправки 2020 г. демонстрируют очевидную направленность на ресоветизацию. Они разрушают лучшие черты изначальной редакции российской Конституции, которая ознаменовала отход от коммунистической диктатуры и начало перехода к демократии. Принятие Конституции 1993 г. стало важнейшим шагом в направлении установления в России правового государства. Конституция 1993 г. создала пространство для международных правовых стандартов в российской правовой системе и определила статус международного права. Приняв эту Конституцию, Россия возложила на себя обязательства перед мировым сообществом и его фундаментальными ценностями, закрепленными в принципах и нормах международного права. Конституционные поправки 2020 г. символизируют отказ России от обязательств перед мировым сообществом и его

45. URL: <https://bit.ly/3GsqSU6>.

фундаментальными ценностями. Более того, новые положения Конституции сигнализируют о частичном возрождении советской изоляционистской «доктрины трансформации», которая защищала советское государства от прямого проникновения международного права. В 2020 году, в год своего 27-летия российская Конституция присоединилась к «Клубу 27» — она умерла в возрасте 27 лет, как Джим Моррисон, Дженис Джоплин и Джими Хендрикс.



DOI: 10.55167/crned13279d7

Building a Free University in the Post-Soviet Space: Challenges and Opportunities

Theses for Roundtable at ASEEES Annual Convention (2023)

What's the university of the future?

Elena Lukyanova (Free University)

What's the university of the future? I think that it's an upgraded version of the Free University. This is the university, which does not depend on classrooms or a campus. This is the university which can involve the best instructors from all over the world and teach the students irrespective of their geographic location. At the same time, our university does lots of research, we publish books and journals and host conferences. We do a lot, but not because we're so advanced and smart — we had no other choice due to a number of circumstances with the Russian autocratic political regime in the first place.

Where did the Free University phenomenon come from? Everything is very simple. In August 2020, six professors at the Higher School of Economics were fired for disagreeing with the constitutional coup. It was a huge scandal covered by the media. Four days later, those six teachers agreed that they would continue to teach their students online. We decided that we would teach from home, from the library, and even from the beach. Because the university is not walls, tables, or chairs. First of all, these are professors and students. We called on our colleagues to join us. Thirteen more professors immediately did this (four of those first 19 are here today). In September 2020, we announced enrollment for 19 courses and received 6,500 applications for these courses from students. See how simple it is? This is how the Free University was founded, which today has almost 200 professors, 5 faculties, 3 schools, and 15,000 followers who have taken our courses in three years. We have our own publishing house, we have our journal (Palladium), we have

our own independent librarian, YouTube channel, The Charter, and self-government.

I believe that building transboundary online universities, which audience is extraterritorial, is one of the possible tracks for the development of education in the next decade. To achieve this goal, we need to develop procedures for the adaptation/accreditation/recognition of such universities and to integrate them into the international system of higher education. Here, we are not talking about education in its general meaning, or about separate courses or programs. We are talking about multidisciplinary academic training, excluding areas that require a fundamental technical basis or experimental facilities. However, this problem can also be discussed from the viewpoint of collaboration between our researchers and traditional universities.

For the present, we may appear non-standard, a version of some kind of out-of-the-box thinking. But everything that is familiar and understandable to us today was once also unusual and new.

DOI: [10.55167/44d17dd628ob](https://doi.org/10.55167/44d17dd628ob)

Threats to Independent Education in Russia and Beyond

Dmitry Dubrovskiy (Charles University, Free University)

Independent education in Russia had all but disappeared even before the onset of full-scale military aggression against Ukraine. The main reason for this was a severe limitation on university autonomy and the subordination of academic self-governance institutions to the university rector.

A specific form of state control over the content of educational programs was introduced through the “Enlightenment Activity” law, which placed the content of all Russian educational and training programs under the censorship of the Russian state. Continuing the work of the Commission for the Prevention of Foreign Interference in the Internal Affairs of the Russian Federation, which explicitly highlighted the need to “take measures aimed at restricting and controlling student circles, academic circles, as well as formats of enlightenment activity not controlled by the state,”

the law effectively licenses any form of enlightenment activity, as defined comprehensively.

However, the state also imposed direct repression against independent educators and institutions. Regarding the former, legislation on “foreign agents” was utilized. Various Russian scholars and educators were labeled as “foreign agents” and, as of December 2022, they lost their capability to teach in state institutions. The practical implementation of this law (including cases such as Yulia Galyamina, Mikhail Lobanov, and Vitaly Kovin) indicates that, in reality, it leads to the inability to work in academia completely.

Simultaneously, the law “On Undesirable Organizations” was used against independent institutions, providing for severe sanctions against Russian citizens who collaborate with a foreign organization deemed “undesirable.” The list of undesirable organizations includes research and educational institutions such as the Center for Eastern European Studies (ZoIS), Bard College (NY), CEU (Vienna), and Free University (Riga, Latvia). Russian citizens who continue to work or study in such institutions are under scrutiny.

DOI: 10.55167/ce39d38089ce

Instructing on Russian Legislative Developments and Court Practice of Putin’s Time

Ekaterina Mishina (Free University)

I joined the Free University in early September 2020 and started teaching the course “*Comparative Constitutional Law: Vertical Comparative Studies*”. The composition of my first class was impressively diverse: undergraduate students, graduate students, Ph.D. students, practicing lawyers, faculty members (law schools, history department, foreign affairs department), journalists, etc. This course was mostly demanded by Russian law students (undergrads and graduate students) who were either dissatisfied with the quality of teaching comparative constitutional law in their law schools or couldn’t enroll (the course was either excluded from the law school’s curriculum or was offered as a limited

and extremely politicized version of the traditional course on comparative constitutional law). Many students were attracted by the vertical comparative approach: tracking the history of constitutional evolution of the countries of study and the analysis of this constitutional evolution from the viewpoint of *path dependence*. Several students specifically welcomed the opportunity to discuss the sources that are usually not included in the traditional curriculum of comparative constitutional law (“Humble Petition and Advice”, “La Pepa”, the 1791 Constitution of the Polish-Lithuanian Commonwealth, etc.). In the spring semester, I started teaching my course “*Soviet Law And Its Impact on Judicial Reforms in Post-Socialist States*”. Most students were interested in the opportunity to learn about Soviet constitutional law, early Soviet criminal law, and early Soviet family law. Many participants were fascinated by the sources of early Bolshevik law and their specific features (the 1918 Constitution of the RSFSR, the 1922 and 1926 Criminal Codes of the RSFSR, the 1918 Family Code of Soviet Russia, etc.). At the same time, this course involved a lot of discussion of contemporary matters (Russia, Ukraine, Kazakhstan, the Baltics, Georgia), which was highly appreciated by the students. Together with judicial reforms, we discussed police reforms in the countries of study and numerous high-profile cases (cases of Pussy Riot, Ildar Dadin, “Memorial”, and others). In parallel with the case studies, we analyzed the main legislative developments in the countries of study (illustration laws, introducing jury trials, plea bargaining, “foreign agents” legislation, new articles of the Russian Criminal Code, etc.).

Shortly, it became clear that the discussion of contemporary issues, especially in Russia, required more detailed explanations of certain concepts and legislative developments. Emphasis was placed on Putin’s legalism, the current state of the rule of law in Russia, and the revival of certain Soviet legal concepts and practices.

The principle of legality sounds somewhat questionable in Putin’s Russia due to the increasing number of unlawful laws adopted by the Russian Parliament under Putin’s rule. Nevertheless, from his first days in office, Putin is usually referred to as “legalist”: “*Putin is a legalist, i.e. a public official, who reaches his goals by legal means*

within the framework of the existing legal order".¹ On January 31, 2000, one month exactly after becoming acting President of the Russian Federation, while speaking at the meeting in the Russian Ministry of Justice, he offered a wording, which immediately turned out to be a slogan : "Whatever we are up to today [...], we must remember about the long-standing Russian traditions of fairness and legitimacy, and remember that the dictatorship of laws is the only type of dictatorship we must succumb to". The dogma "*dictatorship of laws*" became one of the keynote ideas of the first two presidential terms of Vladimir Putin².

Analyzing the evolution of the *rule of law* under Putin, Professor K.Hendley notes a shift from *pravovoe gosudarstvo* to *gospodstvo zakona* (supremacy of written law) and argues that literal translation of this phrase reveals its qualitative difference from the Gorbachev-era term.³ Under Gorbachev, "*gospodstvo zakona* was presented as a necessary but not sufficient condition for *pravovoe gosudarstvo*[...]. For Putin, however, the goal is *gospodstvo zakona*. [...] Belying its literal meaning, it has come to be understood as giving officials a wide berth to decide when and to whom to apply the rules.

Putin's love for laws drafted in accordance with his preferences should not be mistaken for the love for Law. Putin and his obedient lawmakers repeatedly ignore and violate fundamental legal principles. Numerous unlawful laws adopted under Putin's rule leave no doubt that in contemporary Russia the word "legalist" has assumed a different meaning: a love for Putin's laws, some of which not only disagree with fundamental legal principles — they are completely unlawful. If a country adopts illegitimate laws that violate generally accepted legal principles and legitimize arbitrariness at the legislative level, the consequences may be terrifying: it is well-known that the law can be used to legitimize the worst lawlessness. The most glaring example of such a misuse is offered

1. For details see Vitaly Ivanov, *Putin's Federalism. Centralizing reforms in Russia in 2000–2008*, Chapter 2. "Territoriya Buduschego", 2008.

2. For details see Vladimir Ovchinsky, *The Dictatorship od Laws: Interim results*. "Russia In Global Politics". 2008. No 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diktatura-zakona-promezhutochnye-itogi/>.

3. Hendley K. *Everyday Law in Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017). P. 229.

by the infamous Nuremberg Laws, including the “Reich Citizenship Law” and the “Law for the Protection of German Blood and German Honor”, which deprived Jews of German citizenship, dictated that they must wear clothes in the “Jewish” colors, and forbade marriage and sexual relations between Jews and members of the “Aryan” race. As noted by Dr Rainer Grote, “the experience of the National Socialist regime, which used the legislative and administrative bodies at its sole discretion to enrobe even the most outrageous and egregious policies in the clothes of formal legality, dealt a fatal blow to the positivist concept of *Rechtsstaat*.⁴

During the last 15 years, we have seen numerous warning signals that the worst legal concepts and practices of the Soviet times are coming back, and the fundamental principle of the Rule of Law is in danger. Here is the open-ended list of the most disturbing legislative developments and practices:

1. *personification of punishment* (criminal cases of Mikhail Khodorkovsky and Platon Lebedev, Pussy Riot, Alexey Navalny and others);
 2. *vague and ambiguous wording of legislative provisions, which constitute unlimited grounds for arbitrariness* (the 2012 version of the “High Treason” article of the Russian Criminal Code of 1996);
 3. *unlawful laws* (Art. 212.1 — the “Dadin’s Article” — and Art. 207.3 of the Criminal Code, the legislation on “undesirable organizations”, the “falsification of history” provisions);
 4. *Criminalization of activities that represent no danger to the society* (the Dadin’s Article, failure to report the second citizenship, etc.);
 5. *legislation that has been specifically designed for the purposes of witch hunt; discriminatory legislation;*
 6. *selective application of law;*
 7. *lawfare; intimidation and prosecution of family members of political activists and ordinary people, and show trials;*
-
4. Rainer Grote, *German Rechtsstaat in comparative prospect*. In “Doctrines of Legal State and Rule of Law in Contemporary World”. Ed. by V. D. Zorkin, P. D. Barenboim. Moscow: LOOM, Justitsinform, 2013. P. 242.

8. disproportionately severe punishments;
9. the last decade saw an increase in the defensive nature of Russian law (similar to early Bolshevik law): the state protects itself against its citizens;
10. escalation of the role of the state; the state as a constitutional value.

DOI: 10.55167/ff74b8bace87

Teaching Soviet Law in the 21st Century: A Case Study

Anna Lukina (University of Cambridge)

Introduction

In my presentation, I focus on teaching Soviet Law in the 21st century. It is partly based on my current work in progress co-authored with the other member of this roundtable, Professor Ekaterina Mishina. While the paper includes both of our experiences teaching Soviet law now, in this presentation, for brevity, I would like to focus on my course, 'Soviet Law, its Origins and Development (1917-1948)', that I taught at the Free University (Brīvā Universitāte) in the Fall 2021.

Why Study Soviet Law?

General description

My co-author and I begin the extended version of the paper with a summary of how Soviet law had been taught in the past, which I will not be addressing as I am conscious of space. The bottom line is that both the post-Soviet and Western interest in teaching Soviet law has vanished after the fall of the USSR. So, why is it important to rekindle the study of Soviet law in the 21st century? There are three reasons.

Understanding Soviet history

Firstly, understanding Soviet law is an important part of learning more about Soviet history. While there exists a certain opinion that Soviet law worked only in theory and not in practice, proclaiming legal rights that were not in fact protected, and is thus unimportant, it does not match historical reality. In fact, the Soviet state made use of the legal form to achieve its ends. Some of them could be reduced

to legitimation (or, simply speaking, propaganda), but it does not mean that Soviet law is not worth studying — it is important to know how this propaganda worked.

Making sense of law

Secondly, Soviet law can also help us understand how law works in general. In Jurisprudence, my field, I know that one of the components of constructing a viable legal theory is to test it in response to atypical laws and legal systems. Soviet law is, in this way, special in the following three dimensions. First, it is a unique legal system as it is dissimilar to both common law and civil law legal systems, even though it draws heavily on the latter⁵. Second, it is a legal system of an authoritarian (and, at certain points in history, totalitarian) state rather than a liberal democracy. Third, it is at times what I call, in my other work, an ‘evil’⁶ and not good or benign legal system when it came to various instances of political terror throughout its history.

Responding to modern Russian law

Thirdly, the legacy of Soviet law has had a profound impact on modern Russian law: both the use of law for political purposes and methods of such politicization such as reasoning by analogy, can be traced back to the Soviet times. These are addressed in more detail in Professor Mishina’s contribution. One example is the infamous Pussy Riot case, where members of a punk rock group staging a protest concert in the Cathedral of Christ the Savior faced criminal responsibility for an offense that was in fact only administrative at the time. This draws eerie parallels with the Rokotov-Faibishenko case of 1961, where a group of suspected financial speculators were sentenced to execution — a penalty that was not provided by law at the time. Studying Soviet law is therefore important to understand the vices of the Russian legal system, resist them at the time, and effectuate the transition to a new regime.

5. For an influential account, see Rene David, *Major Legal Systems in the World Today* (3rd Revised edition, Stevens & Sons Ltd 1985) 26.

6. See further my draft paper, Anna Lukina, ‘Making Sense of Evil Law’ (3 August 2022) <https://papers.ssrn.com/abstract=4180729> accessed 6 October 2022.

How to Study Soviet Law? My Experiences

General description

With this in mind, I have designed a course on Soviet Law, '*Soviet Law, Its Origins And Development (1917-1948)*' (Russian name: '*Создание советского права (1917-1948)*'), to be taught at the Free University. This is one of the few courses, with the exception of my co-author Ekaterina Mishina's, that is dedicated solely to the historical study of Soviet law rather than being part of a general legal history or comparative law course in modern times. It was taught over an online video conferencing platform (Zoom) in two groups — Russian-language and English-language, and has attracted a diverse group of students from Russia, Ukraine, Ireland, Hungary, Germany, Uzbekistan, and the United Kingdom, to name just a few. I will now describe some features of my course.

Content

First, let me turn to the course content. I provide a comprehensive reading list in the Appendix. It should be noted that the course was limited to the study of Soviet law from 1917 to 1948 and did not cover any developments that occurred after that. This was because the course focused on the origins of Soviet law rather than all stages of its development. The course syllabus specified eight 1.5-hour seminars.

The first one, 'Approaches to Soviet Law', was a 'bird's eye' exploration of Soviet law through the lens of historiography, aimed at indicating different frameworks that could be applied to the study of Soviet law. The next six seminars were arranged in chronological order:

- 'Law and State in Marxism', focusing on the concept of law in the works of Karl Marx and Friedrich Engels;
- 'Law and Revolution', on Lenin's vision of law in State and Revolution (1917) and how it came to be realised in the early years of the Soviet state;
- "Legal Experiments" of the 1920s', where I considered competing visions for the place of law in the new Soviet state given by Petr Stuchka and Evgeny Pashukanis during the period of transition to a new legal order;

- ‘Return to Legal Formalism’, covering Andrey Vyshinsky’s legal thought and his work as a legal reformer in early 1930s, culminating in the 1936 ‘Stalin’s’ Constitution;
- ‘Law and Terror’, on the role of law in the Great Terror of 1936–1938;
- and ‘Soviet Contribution to International Law’, focusing on Soviet postwar efforts to influence the newly emerging international legal order, exemplified by the Soviet role in the Nuremberg Trials and Vyshinsky’s criticism of the Universal Declaration of Human Rights.

The last seminar of the course, ‘Soviet Law Now’, tried to bridge the gap between the studied period and the world today, by discussing the continuity of legal systems, memory politics, and transitional justice.

Teaching mode

Secondly, I turn to how this content was taught. With the aim of ensuring that the students understood Soviet law and its political, social, economic, and cultural context, and to provoke a free discussion about its features and implications, I arranged the teaching as follows.

I used a ‘flipped classroom’ approach, where the students were assigned materials to acquaint themselves with before the seminar⁷. These materials included a range of primary and secondary sources, mostly written, but sometimes audiovisual. I also tried to provide English translations of the materials for the English-language group whenever possible.

In class, I used a variation of the Socratic method⁸, asking my students guiding questions that they could volunteer to answer based on the pre-consulted materials from the syllabus. This created a space for discussion while also putting the students at ease by not ‘cold-calling’ them.

7. The definition provided by Sarah J DeLozier and Matthew G Rhodes, ‘Flipped Classrooms: A Review of Key Ideas and Recommendations for Practice’ (2017) 29 *Educational Psychology Review* 141, 141.

8. As described in, *inter alia*, Orin S Kerr, ‘The Decline of the Socratic Method at Harvard’ (1999) *Nebraska Law Review* 113, 122.

Assessment

Third, I shall briefly address the assessment. Again, I was conscious of the fact that most of my students were not exposed to Soviet law before, while at the same time wanting to challenge them and foster creativity. Apart from class participation, I assigned response papers. The 1500-2000 word response papers had to tackle one of the sources from the syllabus — either primary or secondary — and not just summarise what the source said, but analyse it in the light of other sources in the syllabus, as well as in-class discussion. When writing their response papers, students engaged with a variety of sources — from works of Marx and Engels on law to my co-author's, Ekaterina Mishina's, article on the Soviet roots of modern Russian criminal law. They also employed a wide range of approaches — critiquing the arguments made in the materials, placing them in a broader context, and finding their novel applications.

Conclusion

Overall, teaching Soviet law was definitely a very interesting and rewarding experience, which hopefully contributed to the academic study of law and the state and practical upshots thereof. I hope my experience provides a blueprint for teaching this subject that might be helpful to my colleagues who wish to incorporate to Soviet law into their pedagogy.

Appendix: Course Syllabus (Abridged)

SOVIET LAW, ITS ORIGINS AND DEVELOPMENT (1917–1948) / СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА (1917–1948)

I. Approaches to Soviet Law

Secondary sources:

- *S. Fitzpatrick — Revisionism in Soviet History*
- *D. Sagatiené — Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law*
- *H. Berman — The Comparison of Soviet and American Law*
- *E. Huskey — A Framework for the Analysis of Soviet Law*

Topics:

- Is ‘Soviet law’ an oxymoron? (*Students were asked to write a 500-word response to this question as part of the admissions process.*)
- Approaches to Soviet law: historiography and legal theory.

2. Law and State in Marxism

Primary sources:

- K. Marx — *On the Jewish Question* (1844) (fragment)
- K. Marx, F. Engels — *The German Ideology* (1844) (fragment)
- K. Marx, F. Engels — *The Communist Manifesto* (1848), parts I, II (<https://www.marxists.org/archive/marx/works/1848/communist-manifesto/>)
- K. Marx — *Preface to A Contribution to a Critique of Political Economy* (1859) (<https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/preface.htm>)
- F. Engels — *On the Housing Question* (1872) (fragment)
- K. Marx — *Critique of the Gotha Programme* (1875) (fragment)
- F. Engels — *Anti-Dühring* (1878) (fragment)

Secondary sources:

- B. Leiter — *Marx, Law, Ideology, Legal Positivism, especially pp. I–IO*

Topics:

- Marx and Engels as the theoretical foundation of Soviet law.
- Law as a “superstructure”.
- “Withering away” of the law and state.

3. Law and Revolution

Primary sources:

- V. Lenin — *State and Revolution* (1917) (<https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev/>)
- *The Constitution of the RSFSR* (1918) (<https://www.marxists.org/history/ussr/government/constitution/1918/index.htm>)

Secondary sources:

- *P. Birne, A. Hunt — Law and the Constitution of Soviet Society: The Case of Comrade Lenin*
- *D. Kivotidis — Dictatorship of the Proletariat* (<https://legalform.blog/2019/12/11/dictatorship-of-the-proletariat-dimitrios-kivotidis/>)

Topics:

- Lenin on law and state.
- “Proletarian dictatorship” and “revolutionary justice”.
- October Revolution: dismantling pre-revolutionary law.

4. ‘Legal Experiments’ of the 1920s

Primary sources:

- *P. Stuchka — The Revolutionary Part Played by Law and the State* (1924), chapters 1 “What is Law” and 4 “The Organized Authority of the Dominant Class and the Law”, in H. Babb (ed.), *Soviet Legal Philosophy*, pp. 17–28, 52–71
- *The Constitution of the USSR* (1924)
- *The Constitution of the RSFSR* (1925) (<https://bit.ly/3R8jBgV>)
- *E. Pashukanis — The General Theory of Law and Marxism* (1929), introduction “The Task of the General Theory of Law”, chapters 3 “Relationship and the Norm” and 10 “Law and Violation of Law”

Secondary sources:

- *P. Solomon — Soviet Criminal Justice Under Stalin, chapter 1 ‘The design of an experiment’, pp. 17–49*

Topics:

- Creating a new Soviet law.
- Stuchka and Pashukanis on law and state.
- Legal nihilism of late 1920s-early 1930s.

Assignment:

- RESPONSE PAPER I

Response paper is a 1500–2000 word reflection on one of the sources studied as a part of this course. It should not be a summary

of this source. You are allowed — and encouraged — to draw not just on that source, but also on other course materials and your own knowledge. You can find a good resource on writing response papers here: <https://twp.duke.edu/sites/twp.duke.edu/files/file-attachments/response-paper.original.pdf>.

5. Return to Legal Formalism

Primary sources:

- *The Constitution of the USSR (1936)* (<https://www.departments.bucknell.edu/russian/const/1936toc.html>)
- A. Vyshinsky — *Fundamental Tasks of Soviet Law (1938)*, in H. Babb (ed.), *Soviet Legal Philosophy*, pp. 303–343

Secondary sources:

- P. Solomon — *Soviet Criminal Justice Under Stalin, chapter 5 “Returning to the traditional legal order”*, pp. 153–196
- H. Berman — *The Spirit of Soviet Law*
- L. Fuller — *Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory*

Topics:

- Return to legalism in theory and practice.
- Vyshinsky: his life and works.
- “Socialist legality”.
- “Stalin’s” Constitution of 1936.

6. Law and Terror

Primary sources:

- A. Vyshinsky — *Prosecutor’s speech at the Third Moscow Trial (1938) (transcript)* (<https://art-bin.com/art/omosc22m.html>) + video (<https://www.gettyimages.com/detail/video/news-footage/104048817>)
- *Объяснительная бывшего начальника Кожевниковского РО НКВД Салтымакова Дмитрия Кондратьевича (1956)* (<https://tv2.today/Istorii/Chto-ya-smog-sdelat-odin-protiv-takoy-sistemy>) (*An account by D. Saltymakov, a former NKVD officer*)

- *Мой ГУЛАГ — Воспоминания Тихановой Валентины Александровны* (2016) (https://mygulag.ru/tihanova_valentina) (*An interview with V. Tikhonova, a step-daughter of V. Antonov-Ovseyenko, an 'Old Bolshevik' who fell victim to the Great Terror*)

Secondary sources:

- *P. Solomon — Soviet Criminal Justice Under Stalin, chapter 7 "The Great Terror and Criminal Justice", pp. 230–267*
- *A. Lukina — The Semenchuk Case of 1936: Storytelling and Propaganda above the Law in the Soviet Criminal Trial, especially pp. 71–80*
- *T. Martin — The Origins of Soviet Ethnic Cleansing*
- *A. Байбурин — Советский паспорт: история, структура, практики (A. Baiburin — The Soviet Passport), chapter 3 «Введение паспортной системы в СССР (1932–1936 гг.)», especially pp. 127–133*

Topics:

- Law and terror.
- The anatomy of a show trial.
- Political terror in the eyes of victims and perpetrators.

7. Soviet Contribution to International Law

Primary sources:

- *Выступление министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН о Все-мирной Декларации Прав Человека (9 декабря 1948)* (<https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002921>) (A. Vyshinsky — *Speech in the UN on the Universal Declaration of Human Rights* (1948) + transcript)
- *A summary in English can be found in my paper below*

Secondary sources:

- *F. Hirsch — The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order*
- *A. Lukina — Russia and International Human Rights Law: A View from the Past, especially pp. 46–53*

Topics:

- The USSR and international law.
- The Soviet concept of human rights in the UN.
- Cold War ‘lawfare’.

8. Soviet Law Now

Primary sources:

- *M. Gessen — My Grandmother, the Censor* (1998): <https://granta.com/my-grandmother-the-censor/>
- Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Г. Арановского по делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (2019) (*The RCC Decision on the Victims of Political Terror Law, ‘Special opinion’ (concurrence) by A. Aranovsky*), pp. 29–41.

Secondary sources:

- *E. Mishina — The Re-Birth of Soviet Criminal Law in Post-Soviet Russia*

Topics:

- Where are we now? A discussion on the continuity of legal systems, memory politics, and transitional justice.

Assignment:

- RESPONSE PAPER 2

DOI: 10.55167/da81c9f5f7fc

Student-Centered Approach in Teaching
Qualitative Research Methods and Its Challenges
in Post-Soviet Educational Culture

Natalia Ilina (Free University)

In my presentation, I aim to discuss the challenges of teaching qualitative research methods to students with experience in Post-Soviet education. Given the inherently empirical nature of qualitative methods, mere theoretical apprehension proves inadequate; practical application becomes imperative. Consequently, I strive to implement a more student-centered approach in my classes rather than the traditional teacher-centered approach that is better known to most of my students.

My goal is to train independent researchers, emphasizing active student involvement in the learning process. I perceive myself as a facilitator or guide rather than the primary source of knowledge. I employ tools such as the flipped classroom method (beginning with text discussions rather than lectures), chat, and boards for questions about texts, as well as tracking individual research, to foster collaboration among students and engage them more actively in discussions. I also provide rich feedback instead of grades.

I have observed that this approach helps students overcome their fear of making “mistakes” or appearing “stupid,” which is unfortunately prevalent. Nevertheless, implementing this approach has not been easy. Many students, regardless of their educational background, have a substantial gap in understanding various methods, or their knowledge remains purely theoretical. Transitioning from a theoretical approach or non-reflective “writing about” a topic to a more practical one requires considerable effort and practice.

The second significant challenge I identify is connecting empirical research with theoretical analysis and interpretation, an area where my class falls short. While I can assist students in learning how to plan a research project and collect high-quality data, the transition from data to theory proves to be the most difficult. To address this, I conduct coding sessions where we collectively work with raw data to begin building a theoretical framework for analysis. While effective, this brief exploration into analytical data interpretation is not sufficient.

In my view, the next steps needed to enhance the course and facilitate the teaching of a new generation of independent researchers include several team projects to encourage collaboration, offline working sessions specifically focused on coding, data interpreta-

tion, and analysis, and collaboration with more experienced researchers specializing in fields relevant to the students' research projects.

DOI: [10.55167/3daobd3734b2](https://doi.org/10.55167/3daobd3734b2)

The Free University and Digital Humanities Research

Anna Kovalova (University of Pittsburgh, Free University)

In my presentation, I will talk about the connection between the Free University and the digital humanities research. More specifically, I will focus on how courses that I taught at the Free University (Brīvā Universitāte in Riga) helped to build the foundation for *Daydreams* («Грезы»), the first scholarly database of feature films produced in the Russian Empire and films produced on its former territories during the first years after the October Revolution. It contains the most complete filmographies, synopses, and iconographic materials (such as promotional stills, posters, and frame enlargements) for more than 2,500 films produced in 1907–1919.

This project was launched in January 2022 when I started to teach an online course, “Cinema of the Russian Empire: History, Poetics, and Iconography,” at the Free University. This course consisted of three parts: (1) work on the database project, (2) film screenings and discussions, and (3) guest lectures and Q&A's with historians of early cinema. All students enrolled in the course collected images for the database by reviewing the trade press, handbills, and other sources. Some of them were making copies at libraries; others were working with digitized materials. This work continued in January 2023 when I started teaching my next course, *Early Cinema. The Key Films and Research Practice*. Students of this course were able to collect more images and focused on working on film librettos (synopses) originally published in film periodicals and handbills of the early 20th century.

A few words about our database. The title of the database comes from a canonical film by Evgenii Bauer, *Daydreams* (Грезы; 1915), an adaptation of Georges Rodenbach's novel *The Dead Bruges*.

At the time, the concept of daydreams was among the most important in various reflections on and discussions of early Russian film; Maxim Gorky was the first to use the word “daydreams” in his groundbreaking essay about cinema written in 1896.

The database is divided into sections chronologically, with each section representing a year. Within the year, films are arranged alphabetically. It is also possible to get the films presented in alphabetical order. Each film has its own web page, where a filmography is followed by information on the film’s survival status and the location of its script, if one exists. When a film libretto — an original film synopsis — can be located, its full text is published after the filmography. Illustrations such as production stills, posters, and frame enlargements are added to the page.

The database is bilingual, Russian and English. Many sources, such as film posters and photos, do not require translation, but all the filmographic and bibliographical references for each film, as well as the plot summaries, are being translated into English. Currently, we have prepared brief English filmographic references for films produced in 1917 and 1918; these translations do not contain all existing film titles, references, and plot descriptions. For this information, one may consult the Russian version of the database and use automatic translation tools when needed; proper English translations for all the materials will be added over time.

The database will be an essential tool for scholars because the overwhelming majority of early Russian films are considered lost. Of more than 2,700 Russian films, fewer than 367 are currently known to exist, which amounts to only 13.6 percent. Most of these are incomplete, often in small fragments. Many of these films had a significant impact on film and theater of the twentieth century in Russia and worldwide.

A true history of cinema cannot be based exclusively on major titles — it should cover as many films as possible. At the same time, it is obvious that it would not be possible to collect a complete dossier of sources for every early film with materials scattered across archives and periodicals all over the world. That’s why, rather than researching information title by title, we must start building up the database by investigating the most relevant sources (periodicals, archives, museums, and private collections) and adding the

material to the web pages of their respective films. The principal sources for collecting synopses and iconographic materials are film periodicals from 1907 to 1921, which include 17 titles.

As of June 2023, we had collected over 5,500 promotional stills. We are now shifting our focus to librettos and hope to complete the new collection so the demo version of the database can be released in early 2024. The database and website were developed by Alexander Grebenkov, a data engineer and research fellow at the University of Lorraine (Nancy, France). Our research team is immensely grateful to the scholars who have supported this project and agreed to deliver guest lectures.

DOI: [10.55167/88be54a63010](https://doi.org/10.55167/88be54a63010)
